

Алексей Кожеев

Нахт

18+

Алексей Кожевников

Нахт

«Автор»

2026

Кожевников А. И.

Нахт / А. И. Кожевников — «Автор», 2026

Жизнь — это просто существование? Или в ней есть что-то большее? Нахт Редбаулинг — молодой богач, циник и прожигатель жизни. У него есть всё: деньги, поместье, бизнес. Но когда умирает последний родственник, он остаётся один на один с вопросом: зачем он живёт? Он ищет ответ в алкоголе, в женщинах, в праздности. Но находит его там, где не ждал — в книге о любви, в случайной встрече с солдатом и в глазах девушки, которую боится полюбить. Эта книга — не просто история о любви. Это история о человеке, который учится быть живым. О боли, прощении и о том, как найти себя, когда кажется, что всё потеряно. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность

© Кожевников А. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Истинная любовь?	5
Глава 2. Конец войны.	9
Глава 3. Баадера-Майнхоф.	13
Глава 4. Любовь?	17
Глава 5. Лучший лжец.	22
Глава 6. Заблуждение.	26
Глава 7. Дружелюбная Луна.	33
Глава 8. Ужасы Темной ночи.	36
Глава 9. Светлая ночь.	40
Глава 10. Иуда эпохи абсурда.	46
Глава 11. Я останусь с тобой.	50
Глава 12. Я тварь.	60
Глава 13. Я помню.	63
Глава 14. Возращение.	71
Глава 15. Долг.	75
Глава 16. По дороге домой.	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Алексей Кожевников

Нахт

Глава 1. Истинная любовь?

Жизнь, что это такое? Кто-то скажет, что это само существование живого, но может жизнь - это нечто большее? Как можно понять прожил ли человек жизнь? Если все только и говорят, что люди слишком мало живут и время куда-то утекает, тогда сколько времени человек живой? Что нужно делать, чтобы быть живым? Поклоняться богу, развивать свою добродетель или утопать в праздности? Может стремиться к счастью и наполнять досуг наслаждением? Нахт - это тот человек, чье имя — значит ночь и он решил жить днем, сгорев в лучах солнца человека, что рожден под ними.
Нахт Редбаулинг.

Родился Нахт Редбаулинг, как и каждый в час неожиданный и был здоровый он при родах и резв, и после них, а на сменяющихся годах под чутким руководством, меняющихся прилежных дам и гувернеров, закалялся и дух, и тело, свистящей палкой, что до красна драла его черты. Холодело сердце жаркое и твердела его рука, но вот года прошли, словно ветер у закрытого окна и не узнал бы, кто его, если о прошлом знал его. За каждой юбкой, за каждой возможностью проказничать тянулось все его естество и не сказал бы кто, что строгостью воспитания было детство пропитано его. В его 20 лето был очередной разгул душевный у него и разгар всей жизни молодой, но не у старой жизни отца его, кто в это лето упал и не поднялся в доме у себя. И вот остался Нахт один на попечение себе; он отдан, нет ни брата, ни сестры, ни друга близкого поближе, да даже кого родней, кроме как клочка, выпавших его ж волос, теперь и не найти.

Со смертью последнего родного до всего случая считал Нахт, что не будет печали на сердце его и никакая хворь не окутает его, но как же ошибся он. Сидел в диване у камина под ночь и понять не мог чего же так гадко на душе, чего не хватает ему в жизни, когда теперь у него есть все? В его руках и бизнес отцовский, что не пропадет никогда и поместье огромное, да земли теперь все его, а денег столько, что, раскroшив их хватило бы, чтоб все поля в стране удобрить ими. Все может быть у ног его, а ведь и мечтать он мог только об этом, но получив чего хотел не доволен, тогда чего на самом деле желает Нахт?

В поисках этого он стал жить на полную, ища в других ответа и стали его вечными спутниками бутылка алкоголя, да девица со двора. Житие не сложное главное, чтобы денег хватало так жить и здоровья побольше, но то и то у Нахта было. Поиски и душевные муки его не долгие были, слишком уж быстро погряз он в распутстве, как бы позабыв о всей своей человечности, потеряв остатки достоинства или же нет?

Но вот года прошли, как шли и теперь подходит целое 28 лето Нахта.

- Вам бы пить поменьше, господин! - воскликнул служивый Нахта, когда волочил своего хромого на одну ногу господина в карету, после того, как тот вывалил из себя все, что выпил за вечер, даже не волнуясь о своей шинели под которой были рубаха с накрахмаленным воротником и жилет черного цвета.

- Не грузи, Филип! Чего хочу того и делаю! - полный авантюризма бахвалился барин, опираясь на плечо Филипа, который был одет в пиджак темно-синего цвета, а на его голове был черный цилиндр, помявшийся от буйных рук Нахта.

- Да вы что! Я вам не судья, да хватит ли вам вашего здоровья, чтобы вот так вот разгуливать, а жена. Вам уже почти 28 лет, а у вас до сих пор ни жены, ни сына, да даже друзей нет, а с людьми вы толком и не говорите, вы не пытаетесь даже узнать их!

- Да на что мне твоя жена? У меня в ногах может быть любая; мне только цену за нее знать надо, а с детьми хлопот много, а вот друзей у меня полно. - не понял Нахт позова, но Филип не захотел, чтобы остался господин его таким, ведь знал какой он настоящий. Сидит после пьянки и дебоширства у камина в диване, будто сросся с ним и печально смотрит в костер, не подкидывая ни одного дровишка, пока не догорит последняя тростинка.

- А как же любовь? - чуть помяв губы и прикусив свои усы спросил Филип.

- Любовь? Слишком высокое чувство, чтобы думать мне о нем, да хватает мне любви сам свидетель ты, сколько моей любви на постели, после ночи остается. - После своих слов, произнесенных с высоко задранной головой, Нахт остекленел, погрузился и насутился.

- Да я ж не о том! - перебирая руками по телу Нахта, вскрикнул Филип, пытаясь удержать своего господина, которого уже и ноги перестали держать.

- Так, Филип, ты мне голову своей ерундой не забивай и так голова гудит, а тут твои кудах-кудах! - будто бы проснувшись защебетал Нахт, угрожая тростью.

- Молчу-молчу. - Чуть ли не шепотом сказал Филип.

Как засунул слуга господина в карету, тот сразу же уснул и не просыпался до самого приезда, а на все возможные попытки его пробудить лишь махал рукой, отводя от своей пропитанной алкоголем и запахом табака туши слуг. Не смогли все же его пробудить и пришлось тащить на своих двоих 3 людям, уложили в кровать, да и ушли, оставив одного в спальне.

На утро следующего дня, точнее в обед, пробудили его служанки, помыли, одели и отвели на завтрак, где стол был забит изобилием яств на любой вкус. Испил он немного соку апельсинового, съел хлеба с яйцами и сосисками, да оставил нетронутым остальное все. Огромный этот богатый стол он сам приказал ему готовить, чтоб не подумали будто бы он бедный, Нахт так самоутверждался, но, то, что сам не ел оставлял он слугам, чтобы еда не пропадала за зря, ему все же жалко было еду, если та в мусорку уходит.

После завтрака Нахт наряжался, по последней моде и уезжал в город, где искал, чем бы себя таким занять, но вот ничего не найдя, пришел в очередной бар в котором у него уже свое место есть и за которое он глотки всем уже стал грызть. Сел за него и купив у мальчугана, который газеты носит свежий выпуск, стал его неспешно листать точно также, как и пил глоточек за глоточком свой темный эль из пивного стакана, причмокивая губами от наслаждения этим дивным вкусом. Вообще он так всегда опохмелялся, после своих ночных походов.

Перелистнув страницу, газета была завершена и положена на стол титульным вверх, который Нахт никогда не читал, ведь там пишут об одной этой войне, против соседней страны, которая Редбаулингу была совершенно не интересна. Когда-то он попытался там чего-то прочесть, но там было столько занудства, сколько он не выслушал бы от Филипа за всю жизнь, поэтому после того печального опыта он больше не пытался даже глядеть туда.

- Гуден морген, Нахтунг! - поприветствовал Нахта, Кирилл Беляковский, который бежал, после революции у себя на родине в Германию. В ней же он стал превосходным дипломатом, которого по способностям и уму сравнивали даже с самим Грибоедовым. С Нахтом же он познакомился, когда в один день зашел выпить и застал развеселого Редбаулинга, когда тот платил за всех.

- И вам, Беляковский, а чего же вы сегодня тут, разве не должны вы быть за морем, как дипломат?

- Ох, ну тут я вам скажу чисто по секрету, как друг другу, что война эта закончена. - Сказал Беляковский снимая цилиндр и ложа его на край стола.

- Как это? Вот идет ведь - сказал Нахт, указывая и тарабани пальцем по титульнику газеты -, эта газета снова эту ерунду печатает и мне интересного чего меньше в очередной раз достается почитать.

- А вы не читали, что там написано?

- Это занудство? - чуть ли не разводя руками, удивился богач.

- Как занудство? Речь же о вашей родине, да и как война может быть скучной?

- А вот так и может, но, конечно, если только это глупая война глупых людей.

- И почему глупая? Как вы можете так говорить, ведь там люди гибнут! - Беляковский, хотя и бежал с родины, но был все же ее ярим патриотом и всегда удивлялся заграничным гражданам, когда те не горели желанием сгореть в пламени во имя родины.

- Ну и не я их убил, а скорбеть по ним пускай их родные будут, да и к тому же, я любую войну какой бы та не была считаю высшей степенью глупости.

- И от чего, войны же разные есть.

- А что в них разного? Каждая об одном, одна страна у другой пытается что-то отобрать и все.

- И вам не хочется отстаивать свою родину при этом? У вас же земли отбирают, рудники, а главное людей.

- Плевал я на эту родину, что глупей ее только не выдумали и не понять. Я не выбирал, где родится, а понять почему я родине что-то должен не могу, а люди, которые тут живут мне не родные и не близки они мне. От чего мне надо пекся о каком-то придурке которому ноги оторвало из-за взрыва?

- Ну вы, конечно, можете думать, как вам того хочется, но будьте добры вы только язык за зубами держите, когда с другими будете говорить, а то и без них, ведь можете остаться.

- А мне не страшно, пусть бьют, я давно мечтал о золотых зубах. - они оба посмеялись с этой шутки и Беляковский встал со стула. Он явно понял, что хоть Нахт и не самый патриотичный, порядочный и вообще хороший человек, зато и трусом его явно не назовешь.

- Ну, будь по-вашему, только завтра солдаты придут, поэтому вы лучше поосторожней, а то они не только зубов лишить могут, а и жизни в придачу.

- Будто бы им смертей там не хватает? Они эту хворь хотят и сюда затащить?

- Они тоже люди.

- А что в них человеческого? Даже я, хотя и пропащий человек и знаю об этом более человек. Я, хотя бы в отличии от них никого не убивал - это просто зверье, которым хотят надеть намордник и пустить к овцам, а ведь у них еще и когти есть.

- Ну, хорошо, я бы хотел вам возразить, господин Редбаулинг, да только, хотя и не хотелось бы в этом признаваться, но все же зерно истины в ваших словах какое и никакое все же есть. Мне было приятно с вами увидеться, но, пожалуй, я все же пойду.

- Всего вам хорошего. - они попрощались, вроде на хорошей ноте, но руки друг другу никто не подал, видно все же у Беляковского осталось не совсем хорошее впечатление о Нахте, который остался сидеть все на том же месте, точно с таким же видом, попивая свой бокал темного эля.

Нахт думал сидеть в баре долго и до самой ночи, но настроение его как-то переменялось и тяжела стала его голова. Он давно уже так откровенно ни с кем не говорил, раскрывая собеседнику все, что думаешь на самом деле. В другой бы ситуации Нахт отвечал на любой вопрос так, как бы того хотел услышать собеседник, но не сейчас, толи так на него подействовали чары дипломата, толи он до сих пор не пришел в себя, после вчерашнего. Одно было ясно ему точно, что сегодня гуляний не будет, ведь более настроение не сопутствует Редбаулингу в этом деле. Даже не допив эль, Нахт поднялся со стула, расплатился, забрал пальто и сел в свою карету, уехав обратно в дом, каждый был удивлен такому, ведь всем думалось, что он должен был бы

и сегодня быть в разгуле, но нет. Его сидение у камина началось слишком рано и настроение упало слишком уж рано прямо посреди дня, что случилось впервые за долгое время.

Вот так удивление, как оказывается все может случиться с нами за долгую жизнь эту.

Занятий в доме было мало, но чем можно было себя завлечь, так это книги в личной библиотеке отца Нахта, в которую он не ходил даже когда тот был еще живой. Скука одолела Редбаулинга, и он пришел туда, где взял первую книгу, переплет которой ему пришлось по душе больше всего и сел ее листать. Как оказалось, она была о любви, о той самой о которой говорил Филип. Она была не той, что привык чувствовать и наблюдать Нахт, то была эмоция более глубокая нежели лунка ночной блудницы. Там говорилось о том, как замирает дыхание, как сжимается сердце, как голова, да и сам человек просто сходит с ума. Это было для него нечто новое и неизведанное. Это пробудило в нем давнее желание понять, чего же ему не хватает в жизни и чем же она остается не полна? Ведь будь у него все, то не сидел бы он у камина. Тогда и пришла ему мысль о том, что может ему не хватает этого - Истиной любви?

Глава 2. Конец войны.

День следующий и как о том говорил Беляковский пришло всем и каждому известие, что война закончена и не будет больше смертей. По случаю этому каждый выходил из дому и словно Нахт с самого утра улицы были переполнены счастьем и патриотическими песенками. В города стали на поездах возвращаться солдаты, которые уже и забыли, как выглядит белый свет. Люди пели, веселья тьма, а сколько радости у матерей, братьев, что не видели старших, отцов, что винили себя за беспомощность, потому что не смогли пойти на войну и отправили своих сыновей. Каждый в тот день смог вздохнуть с облегчением. А что же Нахт? Этот человек сидел всю ночь в библиотеке и поверить, сидя там не мог, что этот великий чудный мир от него был скрыт. Да много ли он для себя оттуда взял? Да, много, но может ли он сделать также, как и герои тех романов любовных? Нет.

Выйдя из библиотеки, он подвергся тем же процедурам, что и всегда: мытье, одевание, завтрак. Все вымерено по минуте, по часу, но было одно лишь изменение в этот день - уже почти закончен обед, а Редбаулинг ни разу не выезжал, а главное не пил! Слуги, что каждый день терпели его пьянство не могли понять, что с их мешком денег, может захворал? Но Нахт был здоров, он просто был очень уставший, ведь всю ночь читал, не отрывая глаз. После завтрака он даже пошел в кабинет, где обычно сидит Филип и занимается делами бизнеса отца Нахта.

- Господин Редбаулинг? Здравствуйте, вы здесь не частый гость, однако, я вам для чего-то понадобился?

- Нет, просто пришел посмотреть, как идет работа. - ответил Нахт, идя к дивану, обходя ковер из рыси стороной, который лежал по среди кабинета, стараясь не попасть туда своей тростью на пути к дивану.

- Вот оно как, значит, я могу продолжить?

- Да, будь так любезен.

Нахт уселся в кресле, приказав служанке принести ему чая с угощениями и стал ожидать. Филип же попытался не обращать внимания на господина и продолжал работать. Нахту принесли все, что он хотел и после он просто все также оставался там сидеть и глядел на Филипа, который перебирает бумаги.

- Вот скажи, Филип, почему ты на меня работаешь?

Филип оторвался от работы и сначала взглянул на господина, а потом отвел взгляд и ответил.

- Вы поймите, я служил вашему отцу и когда господин Граппе умирал я был рядом. В тот миг он не беспокоился о себе, а о вас.

- Мой бессердечный старик?

- Да, - он посмотрел в глаза Нахту, будто убеждая, что не лжет. - Я сам думал, что господин Граппе холоден к вам, но оказалось, что дела обстоят немного иначе.

- Если ему не было на меня все равно, то почему такое обращение то было? Чем я это заслужил?

- Он хотел, чтобы вы выросли твердый, как камень, ему казалось, что с таким воспитанием вам будет все не почем.

- Ну тут, наверное, справился.

- Наверное, но перед смертью будьте уверены, он попросил меня помогать вам. Тот самый человек, который, казалось бы, будет тем, кто вас придушит во сне, сказал мне о Вас заботится. - он четко выделил "вас". - Я долго выслушивал его страхи о собственной смерти, а перед ней он позаботился о вас, он боялся за вас, поэтому не считайте его плохим человеком. Может он и не был прям хорошим, но может он был и не настолько плохой, как вы о нем думаете?

- Возможно... - Нахт обычно не хотел разговаривать об отце, этот человек казался ему дьяволом во плоти, но теперь представление о нем немного поменялось.

- Ладно, а почему вы все же тут? Что-то случилось, да еще и такой вопрос.

- Да, как-то не знаю; ничего не случилось, но просто захотелось задать. - уже зевая, отвечал Нахт.

- Ясно, вы уставший? Вам хорошо спалось?

- Я не спал.

- А что же вы делали?

- Читал. - сухо проговорил Нахт, так будто бы отвечал родителю, который расспрашивает свое дитя, которое явно раздражено таким вниманием.

- Видно хорошая книга была, что раз даже вы с ней засиделись. - с небольшим удивлением от ответа сказал Филип.

- Вполне хорошая.

- Может вы пойдете отдохнете, поспите?

- Пытаешься меня выдворить?

- Да. - посмеявшись ответил Филип.

- Ну хорошо, ты тоже отдохни и не засиживайся.

- Конечно, спасибо за ваше беспокойство, хорошенько отдохните.

Нахт вышел и ушел в свою комнату, где проспал до самого вечера, а когда проснулся, то решил выйти подышать свежим воздухом на веранду и выпить чаю, но после недолгого там сидения решил, что все же надо показаться в городе, а то поползут слухи о том, что тот при смерти лежит. Одевшись по последнему писку моды, Нахт сел в карету и уехал в город, где до сих пор царил дух праздника. Люди с самого утра отмечали окончание войны, глядя со стороны можно было бы подумать, что она затевалась лишь для того, чтобы был повод — вот так вот весь день пьянствовать без причины, что даже Нахт не делал. У него был четкий график, когда он может себе это позволить, потому что вдруг он где-нибудь будет нужен, поэтому час приходился только на вечерние время, когда и другие работяги возвращались с работ отдохнуть в баре.

Приехав в бар, в котором было не слишком много народу, но лишь от того, что там заведение довольно элитное и не каждый может позволить себе данный бар с кусачими ценами. Сев на место, в котором Нахт обычно сидит тут, он заказал всего понемногу и стал слушать людские разговоры, но занятие то было не долгим, ведь в сие чудное заведение зашли военные в нарядной белой форме - она говорила о том, что это люди не последнего звания и, которые явно могут позволить себе тут отобедать.

Группа из белых комбезов шла во главе с красивым, высоким, широкоплечим брюнетом на груди которого красовались различные ордена. Он был собран и весьма хорош собой в отличие от своих товарищей, пришедшие с ним, этот человек сразу привлек внимание многих, особенно местных дам, которые сразу подросли к воякам, но тот мужчина отверг предложение провести с красавицами вечер, хотя его товарищи согласились и некоторые быстро покинули то место, но оставшиеся сели за большим столом и стали заказывать.

Нахт был поражен, по его соображениям солдаты, которые вернулись с передовой должны быть, как неандертальцы. Особенно для него было необычно то, что не каждый солдат там кинулся к женщинам. Он стал наблюдать за тем, который выделился больше всех.

Тот мужчина вместе с остальными сел за стол и стал делать заказы, но самый интересный из них не заказал алкоголя, а попросил стакан лимонной воды, но остальную еду заказал, как и все самую обычную. Для Нахта то было не понятным явлением, ведь зачем он пришел в бар, если не собирался пить? Далее солдаты стали пить и как раз превращаться в этих неандертальцев, о которых думал Нахт, но только не тот солдат.

Редбаулинг сидел думал почему все же тот солдат не согласился пойти развлечься с девушками и почему не заказал выпить? На все у него была лишь одна идея у него есть любимая, ведь если есть женщина, то распутство сразу под запретом, о том даже Нахт знал, но вот почему не захотел выпивать не понятно, но тут тоже было предположение, наверное, ему куда-то завтра надо, может он просто важный человек?

Нахт долго наблюдал за всем этим, целыми часами, но по течению их стал понимать, что если будет пить, то опьянеет и не сможет узнать кто этот человек, что не поддается соблазнам, почему он такой другой, нежели другие, хотя его товарищи, как все?

Время шло, но никто не расходился они сидели тут долго и вот наконец веселье стало подходить к концу, каждый один за другим стали уходить, но тот не уходил, а остался сидеть тут до самого конца, а после того, как все ушли тоже встал, расплатился и направился к выходу, но потом поменял направление и подошел прямо к Нахту.

- Здравствуйте, вы смотрели на нас больше остальных, могу ли я узнать причину, мы вам чем-то мешали или один из моих собеседников вам чем-то насолил? Он причинил какой-то ущерб? Я готов заплатить. - этот мужчина уже достал бумажник.

- Нет-нет, что вы ничего такого, просто вы меня сильно поразили своим поведением.

- Я? - с недоумением и какой-то детской наивностью спросил незнакомец.

- Вы-вы... - избегая зрительного контакта ответил Нахт, то давление, что этот мужчина оказывал просто стоя рядом было невыносимо, что сильно поражало.

- А что же я такого сделал? - Нахт уже хотел встать, извиниться и побыстрее чуть ли не бегом уходить отсюда, но собрался и стал говорить.

- А от чего же вы решили не повеселиться с девушками, что к вам подошли? Ваши товарищи явно были не рады, что вы их отвергли.

- Мне показалось, что это будет лишнее, мы ведь отметить пришли, а не блудить. - после спокойного ответа мужчины Нахту стало полегче.

- Хо-хо, да вы оказывается и вправду необычный, может присядете или уходите?

- Ну, могу задержаться, но отчего же я необычный по-вашему? - сказал солдат, когда уже сел за стол.

- Ну а какой мужчина откажется от предложения провести время с красоткой? Может у вас уже кто-то есть? - Нахт понял, что задал вопрос не сильно тактично.

- Нет, я холост и не планировал в ближайшем времени кого-то искать. - к удивлению, солдат ответил, как ни в чем не бывало.

- Как и я, а вот главное, вот почему вы пришли в бар, а не заказали выпить? Смысл тогда в бар вообще приходить? - Нахт понял, что это человек, который согласен на разговор, поэтому перестал стесняться и пусть, что будет, если ударит, то ладно первый раз его будто бы будут бить - не впервой.

- Мы хотели с товарищами отметить окончание войны вот и пришли в бар.

- А почему не заказали выпить? Вам завтра куда-то надо?

- Нет, я просто не пью.

- Вот как. - сказал Нахт, доставая папироску из внутреннего кармана и закуривая ее.

- А еще я не курю. - будто на опережение ответил мужчина, что немного рассмешило Нахта.

- Даже не курите? А как вы справляетесь со стрессом? Его на войне должно было быть много.

- Занятие спортом, душевные разговоры, сон - это мои методы.

- Никогда не пробовал.

- Мы с вами тут болтаем, но я так и не представился.

- Как и я.

- Тогда позвольте загладить вину, меня зовут Флюцберг Кинг, я капитан пехотного полка.

- Нахт Редбаулинг.
- Редбаулинг? Не ваша ли фирма производит винтовки Редбаулинга?
- Моя.
- Это честь, ваши винтовки были для меня спасением, если честно хотелось бы вас поблагодарить за то, что поставки были всегда вовремя и без перебоев.
- В этом нет моей заслуги.
- Даже если вы так считаете так думают далеко не все. - Нахт сделал вид, что ему абсолютно все равно на это и после того, как несколько укоротил папиросу задал следующий вопрос.
- Кинг, а откуда вы родом?
- Я из Англии.
- Англии? Для англичанина у вас отличный немецкий.
- Моя бабушка немка, да и сами корни идут отсюда. Мой отец обручился с англичанкой и остался жить в Англии.
- Я таким похвастать не могу у меня все в роду были германцами.
- Вы задали мне уже много вопросов, поэтому позвольте спросить, что вы, как производитель оружия думаете на счет окончания войны? Будет ли что-то еще?
- Не знаю, я не читал сегодняшнюю газету, впрочем, как и все прошлые, где было упоминание войны.
- И почему, вы же производитель оружия, как мне казалось, когда я сидел в окопе, смотря на вашу винтовку, что их производитель невероятно рад, что эта война идет и он на ней обогащается.
- Нет, мне это не интересно и тем более, поверьте и без этого безобразия много войн.
- Видимо вы тоже необычный человек.
- Пообычней некоторых, но, а что же будете делать теперь вы? Останетесь в армии или займетесь чем-то другим?
- Мне пока не приходилось об этом думать.
- Тогда, если вы того захотите, то можете прийти ко мне, как раз Филип мне говорил, что нужен тот, кто мог бы дополнить винтовки и исправить их.
- Я подумаю над этим, но, пожалуй, время уже позднее.
- Пожалуй, но раз вы уходите, то я не вижу смысла мне тут оставаться, ведь больше собеседника мне тут не найти. - Нахт вынул купюру крупного номинала и положил на стол. - Что же, идемте, моя карета с кучером меня долго уже ждут.
- Хорошо.
- А где вы живете?
- В доме бабушки, она сейчас в Англии, поэтому на время считай это мой дом.
- Ясно. - Нахт немного постоял, докуривая папиросу, а после докурив затушил и выбросил, повернувшись к Кингу. - Я завтра собираюсь на бал у Груссеговых, по случаю окончания войны, не хотели бы вы поехать? Вашей персоне там были бы рады.
- Не вижу причин для отказа, тем более, что завтра мне будет нечего делать.
- Тогда, я отправлю за вами карету, только напишите на этом листке адрес. Кучер приедет за вами и доставит до поместья, а я уже к тому времени буду там.
- Хорошо, тогда завтра еще встретимся, до свидания, Нахт.
- Они пожали друг другу руки и разошлись. У Кинга сложилось хорошее впечатление о Нахте, как, впрочем, и у него о нем.

Глава 3. Баадера-Майнхоф.

Нахт находился в необычном для него смятении, ведь увидел человека, который ему противоположен, человека, который противоположен всем, кого тот видел. Кинг тот, кто не искал утешения или счастья в алкоголе или женщинах - это человек, довольный своей жизнью настолько, что ему не нужно ничто из всего того, что обычно доставляет удовольствие всем. Нахт хотел знать в чем секрет, почему же оно так? Он так старался найти то, что ему не хватает в жизни всеми ему известными способами, но ни одним из них не пользовался Кинг, тогда как, почему остается довольным?

В поиске ответа и, вообще, движимый желанием поболтать, он сел в карету, которая должна была привезти Кинга на вечер, конечно, Нахт сказал, что будет ждать вояку уже там, но разве это тот человек, что себя как-то сдерживает? Нет, он делает, что хочет.

Карета доехала быстро, но Нахт не мог поверить, чтобы человек в шикарном белом комбезе с орденами на всю грудь мог жить в этом месте, то был район, который не обладал красивыми или богатыми домами они более того казалось вот-вот уже разрушаться, но нет - стоят.

Карета чуть постояла, подождала, а потом вышел из дома Кинг, за которым из оконца кареты наблюдал Нахт, что чуть-чуть выглядывал из-под шторки, прячась от нового знакомого. Сам Кинг шел, одетый в мундир, где на плечах красовались значки, что говорило о его звании, а медали на мундире подчеркивали его статус, превозвышая над остальными солдатами. Наконец, он почти дошел до кареты, но Нахт открыл дверь и пригласил внутрь.

- Не ожидал, что вы сами за мной приедете, мне казалось, что вы уже на вечере. - отреагировал Кинг спокойно, но Нахту показалось, что тому стало немного некомфортно.

- Мне подумалось, что стоять там одному в ожидании вашей компании будет скучно, поэтому вот и заехал, тем более, что у меня к вам созрел один вопрос.

- Что же, думаю я отвечу на него пока мы будем в пути. - сказал Кинг так будто разбрасывал слова по ветру - мотая головой, и как бы избегая переглядывания с хозяином кареты. Кинг забирался в карету, а уже когда уселся, и кучер треснул ветер поводьями, то Флюцберг принял позу будто сказав: "Ну, говорите."

- Вчера я этого не сразу заметил, но вы очень молоды на вид для человека, который является капитаном.

- Ну, я заслужил это место большими усилиями, приходилось много работать, хотя это и не самое высокое звание. - Кинг говорил об этом так, словно пытался убедить Нахта в правдивости его слов, как будто тот был на допросе у вражеской страны.

- Всеу свое время.

- И вправду. - после выражения Нахта, как-то расслабило Кинга, и он вернулся к себе вчерашнему, но Редбаулинг ничего из всего этого не подметил.

- Но позвольте, сколько же вам все-таки лет?

- А вы скажете сколько вам? - Кинг с некоторой нервозностью ответил вопросом и посмотрел пристально на Нахта.

- А вам зачем, позвольте узнать? - Нахт уже пояснил свой интерес, поэтому решил сыграть так, чтобы оба были на равных.

- А я вот от людей узнал, что вам 28 лет, хотя, как по мне, так вам 23 года, поэтому и стало интересно. - напряжение стало резко падать.

- Ну-у.... вам не лгут. - качнув головой в бок и приподняв брови, а потом резко их отпустив и еле заметно покивая головой, ответил Нахт.

- Вы удивительно хорошо выглядите, любая дама хотела бы знать ваш секрет. - Кинг явно не хотел говорить о своем возрасте.

- Ну, а вы поживите в том же удовольствии, что и я, тогда и поймете, как это мне удастся.

- Значит, дело лишь в богатстве?
- Конечно, за деньги можно купить многое.
- Но не все. - он сказал, как будто спрашивая себя о том, правда ли, что не все можно купить за деньги?
- К сожалению, так и есть. - с грустью ответил Нахт.
- Ну, это как посмотреть.
- Эх, вы все же и не сказали сколько вам лет. - Нахт все же опомнился и настоял на своем интересе.
- Ну, поменьше, чем вам, а сколько дадите? -
- Ну, скорее старше 20 лет, но точно младше 35 лет, но, хотя, наверное, старше меня или тот же возраст?
- Ну, вы далеки, но, да, мне больше, чем 20 лет, но я младше вас.
- Неужели? Выглядите не настолько уж вы молодо, хотя кожа и молода, то видно; не слишком морщинистая.
- Ха-ха, ну, что есть, то есть.
- Так, значит, вам не больше 20 лет, но вы младше меня, неужели вам 25?
- Мне 26 лет.
- Не слишком наши возраста отличаются.
- Ну, это как посмотреть.
- На все у вас есть другой взгляд.
- На войне многое видишь, те кого обстреливаешь и кого ненавидишь, хотя убить, после прохода мимо их мертвых тел становятся для тебя...не знаю; не знаю, как описать - это как...как будто свои - ты идешь по трупу, наступаешь, на простреленную спину, словно своего человека, того кого защищать должен был - человека. - взгляд Кинга погрузнел, было видно, что ему не сильно хотелось говорить о войне и то, что эта тема не слишком для него приятная.
- А как вы вообще попали на войну?
- Как и каждый, повестка, а после: ухо, горло, нос - и привет солдат.
- То есть вас призвали, ни вы сами пошли, а именно призвали?
- Да, призвали.
- А если бы не призвали и не было бы войны, то, что бы вы делали?
- Того, я знать не могу, хотя, наверное... учился бы.
- А на кого?
- Врача может или еще кого.
- Аж на врача, забавно вышло, говорите о врачевании, а сами людей убивали.
- Да, я тоже подметил эту иронию. - показалось, словно Кинг на самом деле и не хотел на врача, а просто придумал это так - для отмашки.
- Карета наполнилась грустью с тоской и два человека стали ощущать, что оба они будто бы ушли не туда, не по той тропе они стали ступать.
- А может, пойдете выучиться?
- Да было бы время.
- И то правда.
- Хотя война кончена, почему б и нет? - хотя они говорили об одном, но Кинг, словно думал о другом - не об учебе.
- Выбор ваш, выбор всегда за человеком.
- А как же судьба? Мне кажется у всех своя судьба, подстроенная богом.
- Так вы в него верите?
- В Бога?
- Да.
- А как не верить, верю. - немного пораженный вопросом Нахта, ответил Кинг.

- Глупости, как по мне.
- Да ладно вам, Бог - это не шутка, да и если его нет, то вот загробный мир или по крайней мере душа, вот оно точно есть я знаю, сам видел, как из тела дух выходит и не один раз.
- Значит вы верите в предначертанность судьбы?
- Можно сказать и так.
- Значит, и то, что я богатый, а вы бедный - судьба? - Нахт не подумал, что сравнение его, как богатого и Кинга, как бедного может быть оскорбительно, но Флюцберг не держал обиды, а наоборот положительно закивал.
- Судьба, да еще какая! И то, что вы сын оружейного барона и другое - все судьба.
- Ха! Какая вот хорошая судьба для человека, что и оружие ненавидит! - Нахт не понимал восхищения Кингом судьбы, да и то, что он верует тоже.
- А вы хоть из него стреляли?
- Было дело. - Нахт сухо ответил и положил ногу на ногу, приняв позу немного отстраненную, он как будто говорил, что не хочет рассказывать что-то на эту тему.
- Расскажите? Я много чего вам уже рассказал.
- Не особо хочется.
- Ну, а почему же? Что вам в оружие не нравится?
- Порох ужасно пахнет, после выстрела, да и отдача большая.
- Отдача большая не у каждого оружия, разве что у ружья, вы, наверное, из ружья стреляли?
- Да.
- И вам только из-за этого оружие не нравится?
- Громкое оно, как стрельнешь уши больно - это, то должно быть с каждым оружием.
- Ну, есть такое, да, а где же вы стреляли и когда? Может все же поделитесь?
- Нахт вздохнул, придвинулся поближе к окошку и все же решил рассказать, как стрелял из ружья.
- Я впервые стрелял на охоте; меня с собой отец взял.
- А сколько вам тогда было?
- Я молодой был, 12 лет всего, меня как отец на охоту взял я решил - хочу произвести хорошее впечатление. Я всегда пытался выделиться перед отцом, чтобы тот меня похвалил, пытался достойно себя показать. Мне хотелось привлечь его внимание, поэтому я решил на той охоте убить хищное животное, мне думалось, вот повесит у себя в кабинете шкуру и будет думать, вот это Мой сын. - Нахт придал слову "Мой" некоторое значение, выделил его, - Выслеживал его, у меня окоченели руки, ноги, тогда зима была, как сейчас помню тот воздух. Я отошел от группы с отцом и пошел искать животное какое-нибудь, но никак не мог найти, и вот когда стал возвращаться, то встретил рысь, она набросилась на меня, вцепилась в ноги, повалила, и чуть сразу так и не загрызла, но я выстрелил и дробь оторвала той заднюю лапу. Ружье мощное было и отлетело от меня и рысь сразу тоже от меня стала отползать, а я одной здоровой ногой стал отталкиваться по земле, подползая к ружью, а потом как подтянул к себе и уже вот, прицелился.
- Вы застрелили рысь?
- Нет, я не смог.
- И почему же, она бы вас убила - стрелять надо.
- Я знал об этом и тогда, и отчетливо это осознаю сейчас, но я вот там лежу с ружьем этим и мушку на рыси держу, но слышу - скулит.
- И что? Тварь любая скулить может. - для человека, что прошел через войну все было очень очевидно, если на тебя напали и, если ты не убьешь, то убьют тебя, поэтому в такие моменты о жалости думают так - вспомню потом, а о совести так вообще не думают вспоминать.

- Может и тварь, но живая. Скулила она, ей больно было, а я и не захотел стрелять, просто уже лежал и смотрел, как та мучается, а мне вот главное, что, жалко стало, стыдно.

- И что, рысь убежала?

- Нет, подросла группа с отцом и ее застрелили, отец сделал из нее ковер и постелил у себя в кабинете.

- Он вами гордился?

- Нет, куда там, я тогда получил домашний арест на месяц и не выходил из комнаты, но мне и не надо было куда-то ходить, у меня там и так все было.

- Значит, из-за этого вы и не любите оружие?

- Вроде того.

- А вы из-за этого с тростью ходите?

- Да, рысь мне ногу сильно истерзала, вот и хожу с тростью.

- А болит?

- Да нет, все хорошо.

- Это славно.

До дома Груссенговеров было еще далеко, поэтому и так и болтали до самого приезда на бал. Под конец, как они выходили Кинг теперь уже по-другому смотрел на Нахта, не просто, как на пропащего человека, а как-то по другому, но и Нахт теперь не смотрел на Кинга, как на того, кто как бы идеален.

Глава 4. Любовь?

Широкий простор столь знакомый Нахту стоял перед его глазами, окружность танца на каждом шагу, величественные своеобразные и кривые статуи, что вроде должны были бы говорить о каких-то великих людях.

Большие картины с яркими пейзажами и с почти одинаковыми, как под копирку сюжетами, но лишь с одной стороны, ведь в каждой была своя изюминка, которую сразу и не заметишь, если на них взглянет человек, что никогда на картины и не смотрел простоит хоть вечность, но не заметит, а тот, кто хоть когда-то что-то рисовал и за день не различит, лишь может за неделю, а вот человек знающий, если сможет может только за полдня.

Кинга, как и днем ранее, когда Нахт с ним только и познакомился сразу попытались окружить красотки, но как только толпа дам приблизилась к солдату их взгляд наконец увидел невзрачного и тусклого, не смотря на все его красивые одежды, - Нахта, когда стало ясно, что если хочется поболтать с красивым незнакомцем, но вместе с тем придется терпеть и общество широко известного обормота, то лучше не иметь дел ни с тем, ни с тем, хотя каково же было досадно тем девицам, что они все же не смогли приблизиться к этому яблоку.

Нахт хотел было отойти и посмотреть, что произойдет, но Кинг ходил за ним, словно привязанный, казалось Нахт только-только хочет сделать шаг влево, как Кинг уже идет туда.

- Нахтунг, прошу не оставляйте меня, просто такое и в армии было, поэтому я уже натерпелся. - будто плача просил Кинг Нахта.

- Ну да, за вами прямо-таки табунами ходят.

- А я о чем.

- Ваши печали бы обделенным таким вниманием.

- Поверьте, такое сильно утомляет.

- Ну, я знаю, когда только-только вышел в свет точно также было и у меня, а потом алкоголь, ну и далее, собственно вы знаете, слушали.

- Слушал-слушал, и раз так, то не отходите.

- Ну, если вы того желаете, то не вижу преград, да только, если честно я даже не знаю, чем тут вообще заняться, если не танцевать, не болтать и находится только в компании мужчины, которого избегают. - описывая ситуацию Кинга, говорил Нахт.

- Это верно, только среди тех креветок мне никто не интересен.

- А вот это вы зря, знали бы вы какие эти креветочки вкусные, как попробуете вам ни тигровые и никакие другие заморские креветки не понравятся.

- Ваши креветки для меня и так заморские, вы не забывайте, что я из Англии.

- Ох, в вас столько же Английского сколько в бриллиантах вашей королевы. - усмехнулся Нахт, ведь знал, что любой королевский бриллиант из Индии и никакого отношения к землям Англии на самом деле вовсе не имеет.

- Будет вам, да, у меня есть немецкие корни, но все же я англичанин.

- А почему же вы здесь, а не на родине поспешу я спросить?

- А я не говорил?

- А о чем же вы думали сказали мне?

- Значит не говорил.

- Так сказали бы уже сейчас наконец, а то те креветки и обратно приплывут.

- Я тут всего на неделю, а так уже лишь на пять дней, а потом я отправляюсь обратно на родину.

- Вот дела, а чего же вам тут не нравится?

- А я и не говорю, что не нравится, правда мне все же хочется обратно - домой.

- А если я вам тут работу с хорошим жалованием предложу?

- И спрашивать не стану.
- 15 000 тысяч марок даю, могу и больше только слово скажите!
- Нет, я родину люблю.
- По-моему в вашем роду русские были.
- С чего это вы взяли?
- Да знаю я одного такого же, который все родина, родина. Из его уст только это и услышишь, если беседа ненароком затянулась, правда все же интересный он человек.
- А как зовут?
- Кирилл Кириллович Беляковский - он дипломат.
- Беляковский? Так я его знаю.
- Правда? Так ли это, может про разных мы речи ведем?
- В цилиндре ходит?
- Да.
- Значит об одном, он этот цилиндр везде носил.
- А я думал, почему он всегда в одном и том же цилиндре, когда бы я его не повстречал.
- Странная у него привычка видно, может вещь дорогая для него этот цилиндр?
- Не думаю, как по мне цилиндр, как цилиндр никакой вышивки - самый простой и тусклый, заурядный цилиндр, которых тысячи на фабриках штампуют.
- Он может и по иной причине уникальным или необыкновенным для него быть.
- Не особо и интересно, если честно думать, что у него там какая история и после этого он ее не снимает - скучно, веселее думать, что он просто дурак без гроша.
- Сойдемся тогда уж на этом.

Нахт и Кинг продолжали стоять вдалеке ото всех кружков, что собрались естественным образом вокруг самых вызывающих личностей. Одни поменьше, другие побольше, самые разные разговоры, хоть о шторах дома или занавесках, до прошедшей войны и поминания погибших. Тем для разговора уйма, из-за чего вечер просто разрывался от всего, что там обсуждали. Внимание каждого было сосредоточено на своей теме, одна сменялась другой, как только кто-то запнется замолчит, каждому молодому человеку особенно хотелось высказаться и показать себя молодым дамам, в особенности двум, что являлись хозяйками сея вечера. Первая старшая, Элиза Груссингер - 17 летняя красавица, которая отличалась тем не менее, как всем кажется заносчивостью, высокомерным взглядом, зато каким красивым и обворожительным, каждый мужик, глядя на нее думал: "Пускай и слизнем буду, зато хоть ручку поцелую, поприветствую" - слизи эти правда для Элизы были всегда противные, она потому в перчатках всегда ходила, не терпела она касаний к своей девственной коже чужой руки или губ. Вторая младшая, Игната Груссингер - 14 летняя девушка, что была красивей и приятнее, чем ее сестра. Обычно, когда говорят про сестер дома Груссингер, то представляют этих двоих розой, где Игната - роза, а Элиза - шипы этой розы.

- Госпожа Элиза, позвольте мне вас поприветствовать! - с таким предложением к старшей дочери подходили на постоянной основе, что она уже стала от всех просто отмахиваться, отворачивая голову в сторону. В этот раз было тоже самое - она махнула рукой, отодвигая мужчину подальше от себя и отворачивая голову, словно младенец, что не хочет есть с рук. Когда Элиза отвела свой взгляд в сторону, то увидела компанию из двух людей - это были Нахт с Кингом, но первым из двоих ее взгляд уцепился именно за Кинга, ведь раньше не видела этого человека, но после приглядевшись поняла, что это был военный и весьма красивый, только этого было мало, чтобы заинтересовать графскую дочь. Тем не менее, она все же заинтересовалась, потому что заметила рядом с Кингом Нахта, с которым не была знакома лично и даже не разговаривала с ним не разу, зато она имела очень хорошо сложившееся о нем впечатление из рассказов и слухов, что ходили о холостяке, который будто бы не стареет, ведь дьявольски красив, только вот с ним приличная дама дел иметь не захочет, потому что знают, какой этот Редбаулинг.

- Сестра, на что вы это уставились? - спросила Игната у своей старшей, когда та не соизволила ответить на ее слова о бале. - Неужели на того мужчину? Я тоже его сразу увидела, красивый...Правда? - по младшей было видно сразу, что Кинг пришелся ей по вкусу, ее все более розовеющий румянец не дал бы соврать. Нервно покусывая губы, Игната уже не могла дожидаться ответа сестры, что чуть-чуть придавила своей ножкой, одетую в туфлю, ногу Элизы.

- Игната, что ты творишь? Веди себя прилично, как подобает юной леди. - Элиза всегда обращалась с Игнатой будто та ее дочь, а ее обязанность ее правильно воспитать.

- А вы почему не отвечаете, а? Старшая сестра? - Игната, когда обижалась на Элизу всегда начинала обращаться к ней "старшая сестра".

- Не дуйся, лучше скажи, ты больше меня лиц видела, это там с ним ведь Редбаулинг? - хоть Игната и была младше, но тем не менее, в отличие от Элизы она всегда любила прогуляться по городу, когда Элиза сидит у себя и читает книжки.

- Да, это однозначно Нахт Редбаулинг. - ответила Игната, когда пригляделась. - А что? Неужели тебя он заинтересовал?

- Ну как минимум он не соответствует, хотя бы твоему описанию.

- И вправду, его и не узнать - тихий, а главное в руке нет крепкого алкоголя.

- А он обычно именно так и ходит?

- Ну да, а тут руки в брюки.

- Пойти поприветствовать может? - поинтересовалась мнением Игнаты Элиза.

- Я не против. - немного заминаясь ответила Игната, ведь скоро подойдет к Кингу.

- Тогда пошли. - путь был не долгий, они быстро подошли и поприветствовали, как подают.

- Вы госпожа Груссинговер, я полагаю? - обратился Кинг к Элизе.

- Я старшая дочь - Элиза, а это моя младшая - Игната.

- Рада встречи, я Игната. - не поднимая глаз, сказала расторопно, но со старанием Игната.

- Рад и я, мое имя Флюцберг Кинг, прошу, обращайтесь ко мне - Кинг. - Он выровнялся и стал ждать пока Нахт тоже сделает тоже самое, но они так и простояли почти с десяток секунд, а может и больше, после Кинг толкнул своего друга. - И вы их поприветствуйте.

- Я Нахт Редбаулинг, доволен? - последние было адресовано Кингу.

- К чему такая грубость? - поинтересовалась Элиза.

- А разве я груб? Грубы вы, но никак не я, кто сказал, что я хочу иметь беседу с вами? Говорите с ним, вы мне не интересны.

Элиза была ошарашена, кто бы еще из всех тут смог так с ней сметь говорить.

- А вы не любитель манер. - ответила Элиза.

- Да кому они нужны, будто ваше платье не мешает вам дышать? Вот мне и ваш этикет со всем остальным дышать мешает, хотите, чтобы я задохнулся?

Элизе стало смешно от такого сравнения, но она знала, что он прав, ей и вправду было тяжело не только дышать, но и говорить, как надо, тем не менее это же нормально?

- Так заведено.

- А у кого, да и зачем? Один сделал, а другие подхватили, как дураки, должна своя быть голова на плечах, что, если вам скажут всех по лицу бить, потому что так по этикету надо, неужели станете бить?

- Нет, это глупо.

- А я о чем, вот для меня ваш корсет, что мешает вам самой дышать, такая же глупость.

- Мне его снять?

- Дело ваше, но это все же элемент вашей одежды, было бы нехорошо, хотя если вы меня таким образом приглашаете...хотя нет, откажусь, мне опытные нравятся. - последняя часть оскорбила Элизу, но она все же не ушла.

- Позвольте, намерений у меня таких не было.

- Да знаю я, вы хотели поиздеваться, да только я не первый год живу, может я и выгляжу, как ваш ровесник, но им не являюсь.

- Мне это известно, да только вы меня тоже не заинтересовали бы в этом плане, уж точно вы иссохший мужичок, просто лицом сохранились.

- Я-то?! - Элиза задела Нахта за живое - за его мужское достоинство.

- А это не так? - смеясь над своим оппонентом, спросила Элиза, вкушая сладость своей подколки над Нахтом, который совсем недавно также подкалывал и ее саму.

- Чтоб вы знали, я самый видный мужчина и равных мне нет! У кого хотите спросите, хоть у той барышни; я со многими дело имел.

- Верю.

Кинг и Игната отстранились от этой парочки и глядели на них немного похихикивая.

- Не хотите ли выпить?

- Я не пью.

- Я настаиваю.

- Ну раз вы настаиваете, то почему бы и нет. - они подозвали человека и им принесли алкоголя.

Первым за бокал принялся Нахт, сразу его опустошив, следуя его же примеру, никогда не пившая и не пробовавшая на вкус алкоголь Элиза, выпила точно также свой бокал и начала сильно морщиться после этого. Реакция леди очень сильно позабавила Нахта и сильно удивило Игнату, которая еще ни разу не видела, чтобы сестра пила.

- Неужели вы никогда еще не пили?

- И что?

- Ничего, просто мне казалось, что вы должны были хоть когда-то это попробовать для того, чтобы сделать вывод о том, что не будете пить алкоголь.

- Вообще-то это яд.

- В маленьких дозах алкоголь даже полезен, поэтому не оскорбляйте лекарство.

- Ну хорошо.

- Хотите еще?

- Да. - хоть первый залп был никудышным, но уже стал действовать, что отразилось на действиях Элизы.

Они стали распивать алкоголь, но уже медленнее - Нахт захотел немного поболтать с этой девушкой, что меняла свое поведение прямо на ходу. Он незаметно для всех спровадил ее за собой, оставив Кинга с Игнатой, которая от нахождения рядом с Флюцбергом полностью забылась и даже почти не заметила, как пьянеющую сестру уводит блудный мужчина. У Нахта, конечно, были мысли на счет Элизы, но действовать пока он не спешил - нужно было, чтобы она побольше выпила.

Сладкими речами он затуманивал ей разум и брал новую выпивку, спивая ее, нельзя было не отметить, что самой Элизе это нравилось - ей было по-настоящему весело с Нахтом, у которого было полно опыта в подобного рода вещах.

Разговаривая с ней, Нахт узнавал ее не просто для того, чтобы разговорить и ослабить защиту, как делал это обычно, ему и вправду в один момент захотелось узнать ее. Впервые ему захотелось узнать женщину по-настоящему. Внутри у Нахта, собственно, как и Элизы начинало все гореть и закипать, они смотрели, друг на друга не отрываясь и без умолку болтали, в чем им правда очень сильно помогал алкоголь, которым они вместе напились. Выйдя из зала, они направились в комнату Элизы, где Нахт немного шатаясь все также поддерживал разговор, а Элиза из-за неопытности уже повалилась на кровать и там же сразу заснула в обществе Нахта. Он уже снял свой пиджак, залез на кровать и навис над Элизой. Его левая рука плавно и нежно ласкала сначала белую шею, потом поднялась к щеке, перетекая к губам, а после ниже и ниже груди. Нахт хотел было уже начинать снимать верх своей пьяной подружки, но вдруг взгляд его

остановился на ее лице, и он не мог оторваться, его дурманили ее сладкие и нежные вздохи и трясущиеся реснички глаз, рука четко ощущала каждый вздох. Нахт оцепенел, он осознал, что не может лишить ее невинности, что не может так над ней надругаться, столь недостойным образом запятнать этот прекрасный цветок собой. Он встал и начал одеваться в состоянии, которое напоминало одновременно и ипохондрию, и паническую атаку. Нахт выбежал из спальни девушки и пустился вперед будто подался в бега, его ничего не волновало лишь Элиза, что так его одурманила. Ни с кем, не попрощавшись он вышел за пределы дома и, сев в карету, уехал к себе, по пути, пытаясь понять, что с ним такое.

Глава 5. Лучший лжец.

- Элиза, ты должна быть достойна; Элиза, ты должна хорошо учиться; Элиза, ты должна правильно сидеть; Элиза, ты должна ровно идти; Элиза, ты должна сдерживать свои эмоции; Элиза, ты должна не опозорить род; Элиза, ты должна жениться на богатом и с высоким титулом; Элиза, ты должна быть покорна; Элиза, ты должна быть здорова, чтобы родить крепкого наследника; Элиза, ты должна быть такой, какой тебя хочет видеть муж; Элиза, ты должна семье. - именно так и проходило детство Элизы Груссинговер, каждый раз ей твердили одно и то же, что она что-то должна.

Вечер - бал, посвященный окончанию войны, то, что проведет лишь достойная семья, мероприятие, где королевой должна быть лучшая. Родителей рядом нет и все на плечах Элизы - она была уверена, что все пройдет как надо, ей было ясно, что она должна была сделать, но справилась ли она в тот вечер? Нет. За место того, чтобы стать лучшей она исчезла по среди бала, но по какой же причине? Вопрос, на который она сама не может до конца ответить или просто не хочет?

- Дрянная девчонка! - крикнула мать Элизы на нее, бросая в ее сторону чайник с горячим чаем прямо под ноги. - Какое разочарование, на тебя возлагали такие надежды, но, что ты сделала?! Ты напилась и ушла с бала! Это немыслимо! - мать Элизы была очень строгой женщиной, а отец в свою очередь обычно не вмешивался, тот человек просто уже перестал жить семьей - ему все надоело, а его же жена ему осточертела. Вместе с этим окаменели и отношения с семьей.

- Я... - Элиза, словно маленькая девочка хотела что-то сказать в оправдание, но мать ее и слушать не стала.

- Заткнись! Уйди с глаз! Бесполезная! - ее мать размахнула руками, указывая быстрее удалиться. Элиза хотела уже расплакаться и убежать, но и тут ей не дали того сделать спокойно. - Элиза, ты должна быть достойна, встань как надо! Поклонись и иди! Разве это так трудно? Ты вообще моя дочь? - Элиза стерпела все это и, сделав, как того хотела мать все-таки смогла уйти оттуда прочь к себе - туда, где ее плачь услышат лишь стены, пропитанные ими до потегов.

По среди комнаты стоял Кинг, который ярко рассказывал Нахту про то, как ему понравилось на балу, как ему вновь хочется сыскать встречи с Груссинговерами.

- Нахт, вы же долго с ней болтали, о чем же? Что она вам говорила? Помогите мне! - тот, кто недавно только и делал, что оскорблял женщин этих земель и бежал от женского внимания, скрываясь за пропащим казановой, теперь молил помочь с креветкой.

- Дорогой Кинг, вы кажется не особо понимаете, что вчера произошло.

- И что я не понимаю?

- Мы не болтали.

- Как? Вы ушли от меня, оставили и не болтали с ней?

- Нет, я ушел, потому что мне стало с ней скучно, и я не хочу искать с ней встречи, как вы, поэтому не доставайте меня этой фамилией.

- От чего же такое отношение? Это из-за того, что она вас вчера оскорбила? Не думал, что вы такой злопамятный. - с усмешкой проговорил Кинг.

- Нет, она мне не по нраву, вот и все. - на этом Нахт отвернулся от Кинга, подперев голову рукой, сидя в кресле, скрывая свои глаза, которые сразу бы выдали его ложь.

- То есть, со мной вы к ним не поедите?

- Нет.

- Один я не поеду, давайте со мной, прошу вас! - Кинг выглядел безнадежным.

- Ну поеду я с вами и, что с того? На что это повлияет? Зачем я вам нужен? Тем более, как вы к ним заявитесь? Пешком?

- Я хотел попросить вашей помощи.
- А я не хочу помогать.
- Не будьте таким, вы тем более меня оставили вчера одного, как так можно?
- Я за это извиняюсь, но зачем я вам там все-таки?
- С вами можно начать разговор на пустом месте, вы тот, кого можно обсуждать.
- Вот и не надо меня же при мне обсуждать.

- Вы поймите, то что вы рядом помогает развязать язык человеку, я это вчера заметил отчетливо. Я не имею таких навыков, как вы, а, и тем более я молод, а вы уже человек знающий, поэтому поехали со мной. - сказал Кинг, будто бы вспомнив, что был как бы младше Нахта.

- Вот и научитесь, но, чтобы вы от меня отстали просто возьмите любой мой экипаж так уж и быть.

- Хорошо, но я хочу слышать извинения за то, что оставили меня.
- Если бы вчера вы меня слушали, то поняли, что я не подчиняюсь манерам.
- Но вы тот, кто имеет крепкую совесть, вам разве не совестно за свой низкий поступок?
- Совесть? Ладно, я прошу у вас прощения, поэтому садитесь в экипаж и уезжайте уже, мне надо о многом подумать, оставшись одному, а вы мешаете.

- Таких извинений я не приму.

- И что вы хотите? Только не то просите, о чем я предполагаю. - недовольно посмотрел Нахт на Кинга.

- Вы должны в качестве извинения отправиться со мной.

- Я же попросил вас, а вы...

- Я вам со всей серьезностью.

- Ну так и я, поэтому хватит вам уже.

- Не могу, поеду один будет странно - один к женщине. - мотая головой, проговорил Кинг.

- Ну да, это странно, но раз вы про нее так говорите, то в таком показе своих намерений нет ничего такого.

- Мне надо удостовериться, такое у меня впервые, поэтому я хочу понять, то ли это?

Нахт думал про себя, что для него это тоже впервые, но сказать в слух не решался и не решился, если бы был даже один в комнате. Было то страхом от своих собственных чувств? Или того, что не мог в это сам до сих пор поверить? Он, да влюбился? Не вообразить.

- Тогда я вам в этом не помощник, я поеду с вами, но потом - не сегодня.

- И когда же? Через 4 дня я возвращаюсь на родину.

- Завтра, а теперь идите и скажите, чтобы вам собрали экипаж.

- Хорошо, но завтра обязательно поехали со мной.

- Договорились.

- До завтра, Нахт.

- И тебе.

Нахт все-таки смог остаться один в комнате, желание его было исполнено, но мыслей в голове не было - он просто сидел в кресле качалке и грустил. Тяжелый взгляд оглядывал всю комнату, то зависая на одной вещи, то на другой и так по всей комнате. Он хотел что-то сделать, но что? Вроде то было что-то простое, но начать это делать было столь трудно. В его голове появилась мысль о том, что следовало бы написать Элизе и спросить, как у нее дела или может быть настроение? Только встать и взяться за перо сил не хватило, а потом он подумал, зачем ему это вообще делать?

- Это не любовь. - так он неожиданно и сам для себя спонтанно решил, что он не любит Элизу, поэтому забивать ей голову не надо. Она ему просто понравилась, она просто запала в душу, просто стала той, с кем он хочет увидеться.

Нахт поднялся с кресла-качалки, оперевшись на свою трость, и пошел на выход из дома. На улице он стал ходить меж деревьев, пытаясь насладиться шелестом листьев и светом этого

дня, который изливался на всю улицу. Он надеялся успокоить этим свой разум, задушить эмоции, которые он искал, но стал избавляться, как только получил. Встав у одного дерева, Нахт облокотился на него и опустил голову, а потом к нему пришло желание чему-то вломить - это его эмоции хотели хоть как-то выплеснуться, выйти, Нахт ударил пару раз рукой по стволу дерева, а потом пошел дальше. Чем больше он гулял, тем больше весь этот свет начинал на него давить, а одиночество и тишина сводить с ума. Будто снова бежа, как вчера он вернулся в дом, где нарядился и отправился в город в кабаке.

Уже в кабаке он стал пить, как делал это обычно или же нет? На этот раз он пил не в удовольствие, что подметили все посетители, ему просто хотелось напиться, чтобы заглушить мысли и забыться. Рюмка за рюмкой, бокал за бокалом он становился все более пьян, но он забыл одну особенность алкоголя - он не затупляет эмоции и чувства, а наоборот освобождает их, поэтому Нахту становилось лишь хуже, но останавливаться он уже не собирался. Этот способ был для него единственным на протяжении столького времени, разве он подведет?

Нахт настолько сильно перебрал, что отрубился прямо за столом и пролежал так до позднего вечера и пролежал бы до самой ночи, если бы его не разбудили.

- Нахтунг, что же вы? Что с вами? - тот, кто разбудил Нахта был Кирилл Беляковский.

- Ааа?...Вы, что вам? - в полубреде отвечал Нахт.

- Что с вами я спрашиваю? Обычно, если вы выпиваете, то веселы, а сейчас иначе все, что случилось?

- Все как обычно. - Нахт взял пива, что стояло у него на столе и, выпив его, ему стало полегче.

- Правда? Тогда может расскажите, как ваш день прошел? Сколько баров уже прошли?

- 10, а нет, эээ, 15, да, точно, уже 15, поэтому все как обычно. Я хожу, пью и веселюсь.

- сказал Нахт, подняв полупустой бокал пива и улыбнулся.

- Зачем же вы меня обманываете, я знаю, что вы тут только и сидели.

- Ну и что с того? Мне тут просто нравится.

- Почему вы не хотите мне рассказывать, что случилось?

- Потому что ничего не случилось.

- Право ваше, ничего мне не рассказывать, но вы я надеюсь хоть сами себе не лгите.

- Я себе не лгу.

- Может быть и так, только самый лучший лгун может соврать сам себе, надеюсь вы не настолько хорош.

- Я быть им не могу.

- Я вот начинаю в этом сомневаться.

- А вам, кто давал право сомневаться во мне вообще? Идите куда шли и не приставайте ко мне, вам делать нечего?

- Просто захотел узнать, почему вы отвергаете свои чувства к Элизе?

- Вы откуда знаете?

- Из-за того, что она Кингу приглянулась и вы не хотите лишать счастья хорошего человека и друга?

- Я спросил откуда знаете?! - уже вскочил Нахт.

- Зачем так бояться?

- ДА ВЫ! - Нахт кинулся на него, но подвернулся на своей хромой ноге и упал, ударившись головой об пол, а потом очнулся, подпрыгнув, все на том же месте в баре, где он уснул. Все это было лишь сном.

Был уже поздний вечер, поэтому Нахт встал и ушел, став гулять по городу.

- Так оно правда? - отрицать было уже глупо, этот сон уже все ясно сказал Нахту - он полюбил Элизу. - Но раз так, то как быть с Кингом? Он ведь тоже, как и я... - голова была полна тумана, поэтому Нахту было трудно об этом думать, хотя он все равно долго думать не

захотел, поэтому просто вернулся домой в спешке, где уже лежал в кровати и, избавившись от этого тумана, смог хоть как-то об этом подумать.

С Кингом он был знаком не долго, но лишать счастья хорошего человека он не хотел, но ему хотелось счастья и для себя, только потом, подумав и о Элизе, Нахт осознал, что она счастья с ним точно не приобретет, ведь как такой как он может его дать? Кинг совершенно другое дело с ним она не пропадет точно, но это не означает, что Нахт как-то будет помогать Кингу - нет, ему не захотелось давать того счастья, что он не может получить сам.

- Раз не могу я, то не может и он, хоть Кинг и полная мне противоположность, но все же нашелся в нем изъян - мой друг и понятия не имеет каким образом говорить с женщиной. Завтра съезжу с ним и не дам темы для разговора, но раз я не могу получить счастья с ней или с кем-либо-то еще, то не надо мне иметь с ней дел вообще. Завтра просто оскорблю ее, унижу и уеду - сделаю ей больно и не будет у меня печали. - на сердце от таких слов становилось тяжелее и просто плохо. - А Кинг не сможет ей помочь, а со мной ему и может не захочется иметь больше дел, ну и ладно, пускай, просто вернусь к тому, в чем был до всего этого. - от этих же слов ему стало тошно, словно возвращаться к старому ему и вовсе теперь никогда не хотелось.

Глава 6. Заблуждение.

Уже на следующий день Нахт был полон решимости, которую показывал перед зеркалом в своей комнате.

- Я могу, я сделаю, плевать мне на чувства Элизы и Кинга. Я хочу быть счастлив и буду.
- эгоист есть эгоист, но постоянно ли человек является эгоистом? У кого как...

С комком в горле Нахт вышел из комнаты, выбрав перед этим самый красивый наряд, что у него был, тот, который поражал любую женщину и заставлял чувствовать мужчин рядом себя ни у дел, те будто бы опускались ниже Нахта, когда тот был в этом наряде. Во все оружие молодой дурак погрузился мешком гнилой картошки в красивейшие сани, украшенные позолотой и серебром, на этом чуде он отправился за Кингом, который сильно удивился Нахту. На его вопросы о том, что за повозка и, что за наряд на его друге, тот не говорил или отмахивался, мол, просто захотел. В этом загадочном молчании они проехали всю дорогу.

Предлога для того чтобы приехать не было, но Нахта это не волновало, хотя и волновался, словно мальчишка, которого только что поцеловали в щечку. Кинг, видя это волнение тоже стал волноваться, ведь вчера приехал всего на минуту и по какой же глупой причине, просто поблагодарить за балл. От чего мужчины так глупы? Трусость их родня - все мужчины одинаки.

Эти двоя масс, одна гниль картофельная, другая сочные яблоки, двинулись в дом Грусинговеров, где их повстречала младшая из дочерей в прихожей - Игната, где прислуга сразу сняла верх их одежды, а молодая влюбленная дурочка Игната сразу повела двух в сумме полустарых мужчин в гостиную, как только увидела Кинга.

- Дорогой Кинг, - Игната сразу решила брать все в свои руки и идти к счастью, как тот же Нахт, - от чего же вы ушли вчера? Почему не остались на чай? Зачем вы приехали сегодня?

Кинг, который даже особо и не подумал о причине запаниковал - вояка, что видел снаряж, что вот-вот взорвется в двух ярдах от него, запаниковал, хотя даже тогда смог хладнокровно кинуться в гору из трупов, которые стали для него мешками песка, спасшие его, теперь паникует из-за слов маленькой девочки.

- Он приехал как раз по этому случаю, из-за того, что вчера Флюцберг так беспардонно ушел, отказав в гостеприимстве. Он все рассказал мне, поэтому мне стало ясно, как он вас оскорбил, по этому случаю примите его извинения и позвольте остаться у вас на чашечку чая.
- Нахт лихо подхватил идею с чаем и заставил Игнату верить каждому его слову. Она сразу повела их за собой, где усадила за обеденный стол и отошла с прислугой ненадолго - на самом деле она пошла за Элизой.

- Нахт, любезный мой друг, я, конечно, понимаю, что вы попытались помочь, но разве можно обманывать девушку?

- По-моему вы поздно стали себя вести правильно, как минимум удивительно, что англичанин от чая отказался.

- В тот день меня встретила Элиза, а не Игната, поэтому я немного запаниковал.

- Прямо как сейчас? - Нахт глубоко вздохнул, - Кинг, просто возьми и пойми одну важную вещь - женщин надо обманывать, водить вокруг пальца и вешать лапшу на уши, лишь так можно обрести счастье с женщиной. Она не красивая? Скажи, что красивее ее не видел, она с кривыми ногами? Скажи, что она себя накручивает, пара комплиментов и она твоя - женщины хоть и умнее нас, но одно я знаю точно - сильнее них любить никто не может.

- Это низко.

- Это жизнь. Жизнь вообще полное гавно.

- Давайте закроем на этом тему.

- Хорошо. - Нахт становился агрессивным, наверное, потому что пробивались его намерения на эту встречу.

Под конец беседы Нахту и Кингу принесли чаю, но хозяек все не было.

- Элиза, открой дверь. - старшая дочь не хотела выходить из комнаты. - Там пришел Кинг, прошу, помоги я не могу с ним наедине, а он еще и с тем Редбаулингом приехал. - услышав это имя, Элиза наконец ответила.

- Редбаулинг? Он тоже пришел? - сказала Элиза, стоя перед дверью за которой была Игната.

- Да, это, кстати, оказывается он Кинга привел, какой он оказывается хороший. - Игната заметно потеплела к Нахту благодаря тому, что это типа он привел его за немыслимый проступок Кинга.

- Он сам...? - это был риторический вопрос, который Элиза задала сама себе, подумав на миг, что это из-за нее Нахт приехал, но быстро провертела головой и откинула эти вздорные мысли.

- Я и сама удивлена, так ты выходишь или нет? Старшая сестра. - Игната начинала злиться.

- Иди, я скоро буду.

- Хорошо, буду ждать там только давай быстрее. - уже отдаляясь от двери, сказала Игната.

- Да. - Элиза не знала почему, но ей захотелось увидеть Нахта.

Игната пришла к двум мальчикам, которые вздрогнули и понемногу стали покрываться потом от волнения предстоящей беседы, особенно Кинг чей опыт был невелик. Ему уже хотелось вернуться обратно в окопы: в окружение смрада, болезней, крыс и крови в перемешку с грязью.

- Извините, что немного задержалась.

- Что вы... - Кинг не знал, что говорить, а Нахт ничего и не говорил - все шло, как он того хотел.

- Я удивлена, господин Нахт, кто бы мог подумать, что вы подружитесь с господином Кингом.

- А что в этом удивительного? - после подколки Игнаты Нахт заметно взбодрился и стал столь же оживленным каким был недавно перед своим зеркалом.

- По-моему вы не сходитесь характерами.

- Интересно и какие черты у нас отличаются.

- Вы пьяница.

- Это не черта характера, а образ жизни, пьяный тоже благородным может быть.

- Хорошо. Вы буйный.

- А может Кинг тоже буйный, вы его всего 2 дня знаете, а уже что-то говорите. Сразу видно, что вы еще молоды.

- Пардоньте? Вы это мне? - Игната была невероятно обидчива, когда ей говорили про ее малый возраст.

- А я могу это говорить кому-то еще? Кроме вас тут никого нет.

- Я весьма проницательна, чтобы вы знали.

- Тогда ваша проницательность не стоит и гроша из дерева.

- Вот что-что, но могу я сказать точно, Кинг хотя бы не столь груб, как вы!

- Уверен Нахт не хотел никого оскорблять, правда? - Кинг уже молил своим взглядом прекратить Нахта и тот все же решил прекратить, ведь надо было дожидаться Элизу, а это было так - разогрев.

- Да, оскорбить я вас не хотел, извините, но позвольте поинтересоваться, а где же ваша сестра?

- Элиза скоро подойдет.

- Вот как. - Нахт выпил всю чашку остывшего чая и потом налил себе еще. Он был весьма удивлен какой оказывается вкусный этот зеленый чай из Китая.

- Господин Кинг, а чем вы занимались на войне? - спросила Элиза в попытке уйти от надоевшего ей Нахта.

- Воевал, что же мне еще там делать.

- А у вас есть с войны какие-то истории интересные?

- Есть, только вспоминать их, это не слишком хорошее дело.

- Что-то страшное?

- Страх войны не передать.

- Почему же? Нам много разных ужасов рассказывали, и мы отчетливо поняли, что война — это ужас и великое человеческое горе.

- Дело даже не в этом, а в том, что там умирают люди и только поэтому война - это человеческое горе.

- А почему же вы пошли на войну?

- Мне больше некуда было идти, поэтому и ушел на войну, тогда я приобрел свое место в мире, получил что-то благодаря чему жил.

- И что же это было?

- Военная служба, защита людей, оказание помощи тем, кому она была нужна, но сейчас это как-то пропало. Войной никого не защитить.

- Как же, мы же победили и теперь никто в нашей стране не умрет.

- Будто эта война последняя, время пройдет всплывет новый конфликт и снова очередная война. Это как клубок ниток, с которым играет кот, он может в один момент его очень резко толкать, а в другой медленно подталкивать лапой или потом вообще ненадолго прекратить, но в итоге игра продолжиться.

- По-вашему война — это игра?

- А разве нет? Это игра больших людей маленькими людьми - мы все лишь фигурки на доске, простые нити в руках ткачихи.

- Согласен, мир прост лишь от того, что в нем все переплетено, противиться большим людям, чья картина мира - сетка, бесполезно, тут кому, что выпадет. Кто-то будет простой ниточкой, а кто-то сможет и струной звонкой стать, Кинг вот стал для битвы тетивой. Только миром править нитка, струна или тетива не может, ведь сами они не дернуться разве что ветер их колыхнет разок и все на этом.

- Глупость какая, вы начитались книжек про масонство господин Нахт?

- Я не признаю этих напыщенных мешков с деньгами, чье влияние поражает, но тем не менее эти недоумки заняты всегда лишь тем, что продолжают преумножать и без того свое огромное состояние.

- А это плохо? - поинтересовалась Игната.

- Чтобы определенные люди были безумно богаты обязательно должны быть бедняки, за счет которых это богатство и создается. Пока будут такие богатеи, как они, то обязательно будут и бедные люди, которые обречены страдать из-за всех этих бесов.

- Вы так плохо отзываетесь о всех этих богачах, но в то же время сами им и являетесь.

- Мое состояние соткано не из денег простых людей, а из платежей правительства.

- Это дело не меняет, ведь эти деньги собраны из налогов простых людей.

- Тогда, и государство, которое вас охраняет становится плохим?

- Ну, наверное, нет.

- Про что я и говорю.

- Удобное оправдание вы нашли господин Нахт.

- Для меня это правда жизни.

Элиза шла медленными шагами, поправляя на ходу свои волосы, когда она дошла до всех, то перепалка между Нахтом и Игнатой тут же закончилась - Нахт проглотил язык, как только увидел Элизу. Его сердце не колотилось сильно - он был спокоен и собран перед ней, но

заговорить первым не решился, что не скажешь о Кинге, который ее сразу поприветствовал, вскочив со стула, но Элизе не было большого дела до Кинга - она смотрела на Нахта, который смотрел на нее не отрываясь. Эти двою будто бы ожидали хоть каких-то слов от друг друга, но никто так ничего и не сказал. Элиза села рядом с Игнатой напротив Нахта за столом, прислуга сразу принесла ей чашку куда сразу же был налит чай.

- Как вам спалось госпожа Элиза? - Кинг хотел хоть как-то заговорить с Элизой, но не знал, о чем спросить и нашел лишь это в своей голове, которую больше сотни раз чуть не продырявили.

- Вполне неплохо, но попрошу вас, не называйте меня госпожой. - спокойным и холодным голосом произнесла Элиза, смотря в чашку со своим чаем, будто бы думая - пить ей чай или нет.

- Тогда как к вам обращаться?

- Мадам или миледи, наверное, так. - Элизе было скучно говорить с Кингом - она не находила в нем того, что нашла Игната, когда он спросил, как ей спалось, то она все сразу о нем поняла, ведь она проходила через это уже тысячу раз, она слышала тысячу фраз, которые пытались ее заманивать, подавляя зевоту Элиза пыталась лишь не испортить отношения с окружающими и просто ждала пока интерес к ней угаснет сам собой, когда все будут видеть насколько непробиваема эта стена в ее лице.

Кинг непринужденно отвел глаза в сторону Нахта - так, чтобы этого не заметили остальные, его друг это заметил и понял, что от него хотят, но он знал, что должен был делать только вот приступить не решался. Весь его запал ушел столь незаметно будто бы его никогда и не было, словно прошедшая буря в море - вроде она была, а где ее следы?

- Мы тут разговаривали про мир, и господин Нахт очень смешно описал, то, как его видит. - смеясь над Нахтом проговорила Игната.

- Правда? И что же вы такого рассказали? - Элиза подняла свой взгляд прямо на Нахта, который обомлел. Он смотрел в ее глаза и единственное, что было в его голове поднявшийся ураган и даже не ураган эмоций - нет, то было нечто совсем иного характера, то было именно что ураган, буря, словно он не мог что-то выбрать из тысячи вариантов, когда это было нужно сделать немедленно. Он смотрел на Элизу прямо в ее глаза будто бы околдованный, его будто бы тянуло прямо к ней, все чего он тогда хотел - это утонуть в ее черных сапфирах, казавшихся ему тогда столь бездомными и глубокими - ведьма не иначе, думалось Нахту.

- Я...эээ... - Нахт будто бы потерял весь свой ум и остроумие, что показалось Элизе весьма забавным. Элиза от такого даже не смогла сдержать ехидной улыбки, из-за которой от стыда за нее она сжала свои маленькие губки и чуть отпустила головку, что выглядело весьма мило. - Я выразил свое мнение, что мир - это сетка и мы не более, чем ниточки в этой сети, ну или не нитка, а что-то еще. - Нахт был растерян.

- Ну говорю же! Глупости. - не сдерживая смеха говорила Игната.

- Почему же глупость-то сразу? Как по мне, то очень интересные мысли и весьма умные. Тебе бы стоило поучиться у него, Игната. - Сказала Элиза, смотря на сестру чуть-чуть строга, так, чтобы Нахт не показалось, что она какая-то злодейка.

- Будет вам, мадам Элиза, уверен у вашей сестры есть свои взгляды на жизнь и даже если нет, то в будущем они сформируются сами собой - всему свое время.

- Да, пожалуй, наверное, вы правы. - После этих слов Кинг порозовел от радости того, что его назвала правым сама Элиза.

- Вы говорите так будто бы я маленький ребенок, господин Кинг. - Обиженно произнесла Игната.

- Ну что вы, вы не подумайте, что я плохого о вас мнения, просто подобные мысли могут быть лишь у такого старика, как Нахт.

- Со стариком ты, конечно, погорячился, но в остальном прав, если честно нет ничего прекрасней незнания, чем больше ты не знаешь, тем больше не имеешь понимания того насколько ты мог быть счастлив, а когда знаний нет, то ценить уже имеющееся очень просто.

- Глупцов, которые не ценят то, что имеют полно, а вершина глупости - это самоубийство, как так вообще можно? - начал вдруг Кинг, смотря на Элизу, она же перевела свой нежный взгляд с Нахта и сделалась холодной во взгляде на Кинга.

- По крайней мере - это безбожно, такие люди обязательно попадут в ад. - прокомментировала Элиза.

- А за что? - смотря под ноги и скрестив руки на груди спросил Нахт.

Все ненадолго умолкли от такого, казалось бы, нелогичного вопроса.

- Как за что, за то, что человек убил самого себя и отказался от Божьего спасения. - раздосадовано выговорила Игната, глядя на Нахта, как на полного недоумка.

- Какое еще спасение? - Спросил Нахт.

- Люди родились грешными и смысл нашей жизни в том, чтобы найти спасение - это, если коротко. - Ответила Игната.

- Какая бессмыслица, то есть младенец уже сразу грешен?

- Ну... - Игната уже не нашла, что на это ответить.

- Неужели весь смысл состоит лишь в том, чтобы страдать и проходить через эти страдания?

- Я вот думаю, что это не так. - Подключился Кинг. - Вера в Бога от того и называется верой, ведь все, что нам остается - это только верить в него, когда мы ни разу его не видели, как и его чудо, а правда ли все нас окружающее его рук творения мы не можем знать наверняка, поэтому нужно лишь верить.

- Слепая вера, которая не подкреплена здравым смыслом.

- Благодаря ей люди находят спасение - Ответила Игната.

- Она дает надежду. - Согласился Кинг.

Элиза лишь молча наблюдала за этим, ожидая, что же все-таки на все это ответит Нахт, что ее очень интересовало.

- Спасение, надежда... Тот, кто остался один на острове тоже видит надежду и спасение в маленьком ноже с зажигалкой. Как мы можем любить то, что никогда не видели? Душа, Бог, мы этого не видим: человека мы видим - мы с ним говорим, характер мы видим - мы его наблюдаем, коты и собаки - мы их гладим, а вот с Богом я ни говорю, я его не наблюдаю и не глажу, тогда как он может быть? Как кто-то может кого-то любить, если не видел?

- Мы говорим про веру. - подметил Кинг.

- Вера или любовь - это одно и тоже, все равно мы же должны любить бога и быть любимы им?

- Наверное, ты прав.

- Кинг, ты был ближе любого из мне знакомых людей к смерти и раз так, то ответь хотя бы ты - в чем смысл?

Кинг посмотрел на него, потер пальцами чашку, а потом положил руки на стол, убрав их от чая.

- Пока я там был, то из-за всего того, что творилось многие сдавались и просто умирали - убивали сами себя, но среди всех были люди, что шли до конца - это были те, кто ставил перед собой какую-то цель и неважно какую было важно, чтобы она просто была - это было их смыслом и ради него они вставали вновь и вновь и шли в бой, как я. Даже так были и другие, но их было мало - это те, кто шли впереди всех, когда я говорил с одним из них, то спросил почему он так поступает, а он ответил - я человек, который не имеет цели или пути - я просто живу, любя жизнь, поэтому поистине счастлив даже сейчас и буду счастлив, когда буду испускать последний дух, не имея врагов, ведь я люблю жизнь и не только свою, но и те

жизни, что окружают меня. - Потом он еще сказал, что жил 20 лет из своих 56 лет, я спросил, как так, а он спросил в ответ - много ли я помню из своей жизни? Я слабый человек, которому нужна цель, чтобы жить, ведь я не в силах принять весь этот невероятно огромный мир, когда я смотрел на тех, кто не имел цели, а просто любили жизнь, то мне казалось, что они чувствуют каждое мгновение и любой даже самый маленький ветерок - они любят всех и принимают всю эту огромную любовь от тысяч, десятков и сотен тысяч, а я так не могу, как по мне - это лучшие люди - настоящие, они такие какими должен быть человек - любящим жизнь.

- Значит, надо любить, а если это так, то разве первый тип людей не имеют ложный, ненастоящий смысл жизни?

- Именно так, поэтому они слабые и оттого такие несчастные.

- Получается, что ты тоже не счастлив?

- Пожалуй, я пытаюсь приблизиться к сильным людям, но пока не очень удачно.

- Понятно.

- Вы очень умный господин Кинг, я вами восхищаюсь! Вы так интересно рассказывали, я бы слушала и слушала, но, по-моему, это вы зря про себя так говорите, что вы слабый человек, как по мне, то очень сильный. - Лъстила Игната Кингу.

- Спасибо вам, госпожа Игната, мне очень лестно слушать подобные слова.

Нахт не умолк, а затих совсем, он услышал очень верные слова о смысле жизни, которое дает истинное счастье, которое ему бы хотелось, а то, что он намеревался сделать шло в разрез с этим смыслом - он должен был любить, а не отвергать, он должен принять, а не отторгать.

- Что-то мы засиделись, да, Кинг?

Кинг безумно взглянул на него, словно крича, что он такое творит, ведь они только разговаривались, стали хоть как-то говорить, но тема была не такой, о которой стоило бы говорить в присутствии дам. Можно было исправить положение, перейдя в новую обстановку, но Нахт не желал продвигать взаимоотношения Кинга с Элизой - он решил влюбить в себя Элизу, но перед этим ему нужно было как честному человеку, на которого теперь он захотел быть похожим, рассказать все Кингу.

- Кинг, мы и правда засиделись, но дамы, мы придем завтра обещаю вам. - И Нахт встал из-за стола, а вслед за ним и Элиза.

- Господин Нахт, в прошлый раз вы были совсем другой. - Сказала Элиза.

- Другой? - Удивился Нахт, - почему другой? - Она что-то заметила странного в его поведении?

- Да, вы говорили, что не терпите этикета и он вас тяготит, а сейчас ведете себя весьма сдержано и не бранитесь. - Темно-карие глаза Элизы блестели, словно золото для Нахта, и он в них утопал, забываясь.

- Общение с вами показало мне, что-то особенное, вы не отказались бы завтра от небольшой прогулки? - Нахт поразил всех и Кинга, и Игнату, она думала, что Элиза сейчас отвергнет очередного слизня, но в глазах Элизы он таковым не был - это был настоящий мужчина, думающий и нежный с ней, знающий, чего она хотела на балу.

- С большим удовольствием. - Элиза нежно улыбалась, смотря на Нахта, а тот порхал в своей душе, которая будто бы прижалась к ней. Они были на расстоянии друг от друга, но им казалось, что они очень близко.

- Я прибуду завтра, ждите меня в обед, вам будет удобно? - Сказал Нахт, подходя к Элизе.

- Да, я буду вас ждать.

Нахт тихонько взял кончиками пальцев маленькую ручку Элизы и стал приподнимать. Игната думала, что Элиза сейчас же отдернет руку, ведь та не терпела касаний к себе, когда она не в перчатках, но Элиза послушно вела руку к губам кавалера, что сразило на повал Игнату. Теперь с этими двоими стало все понятно, слуги, которые это видели тоже, как и Игната стояли с широко раскрытыми глазами и ртами. Нахт прильнул губами к руке Элизы и не охотно

отпустил немного холодную руку девушки. Они посмотрели друг другу в глаза и Нахт немного поклонился, а потом стал уходить.

- Доброго вечера. - Сказал Кинг на прощание и тоже подошел к Элизе, но она, не скрывая резкости отстранилась от него. Кинг, видя это, тоже немного поклонился и стал поспешно уходить. Игнате было немного обидно, что в итоге мужское внимание было вновь приковано только к ее старшей сестре.

Одна масса яблок и мужчина ушли, и оставили дам одних.

- Старшая сестра, - Игната явно была злой. - что это было? - Удивляясь сестре, спросила раздраженно Игната, ведь кому она дала руку? Нахту! Пьянице, казанове, лудоману, богатенькому сыночку, который совсем избалован, почему именно такому недостойному, как он? Есть же намного более достойные люди, как, например, Кинг.

- О чем ты?

Это чаепитие помогло Элизе отвлечься от бед с мамой и теперь ей было намного легче за что она мысленно благодарила Нахта.

- Ты знаешь, о чем, я о Редбаулинге.

- А что с ним не так?

- Я же рассказывала, какой он.

- Мне он показался хорошим и разве может плохой человек подружиться с тем, который так тебе приглянулся?

- Ну, наверное, нет, но даже так подумай получше, почему бы не найти кого-то еще? Помимо Нахта.

- Не хочу, по-моему, я в него влюбилась.

- Ты меня пугаешь, правда.

Игната долго убалтывала Элизу, переубеждая в том, что Нахт мерзавец, рассказывая о его похождениях, как он однажды откуда-то взял курицу и в обнимку с ней пил всю ночь, пританцовывая, а еще однажды он выпустил быков из загона и устроил родео, сломав себе руку, но от всех этих рассказов Элиза только дико хохотала, что тоже было на нее не похоже. Под конец дня Игната полностью утратила надежду вразумить старшую сестру и ушла от нее в свою комнату.

Глава 7. Дружелюбная Луна.

Мужчина вышел из поместья и направился к своей карете с невероятным духом собственного превосходства, словно он победил старого врага или победил там, где невозможно победить.

- Друг, постойте! Подождите! - Кинг окликнул Нахта, заставив его остановиться и повернуться к нему. - Объясните, что это сейчас было, неужели вы... - Кинг смотрел на своего друга взглядом человека, который молил палача не рубить ему его голову.

- Вы все правильно поняли, садитесь... Я думаю, что нам нужно будет поговорить. - Нахт указал на карету.

- Хорошо. - Кинг был светлым человеком, одним словом - джентльмен.

Они оба сели в карету и, отдав приказ кучеру, поехали в поместье Редбаулингов. Кинг нервно елозил, как ребенок, что ждет, когда его уже наконец отругает родитель - это было волнение, которое постепенно перерастало в страх от того, что разговор так и не начинался. Флюцберг все же нашел в себе силы и покряхтел "Кхем-кхем", но реакции не было, поэтому он вновь покряхтел только в этот раз погромче "Кхгм-кгхм", а Нахт, как сидел, так и сидит. Кинг уже не выдерживал.

- Кинг...

Наконец страх стал умолкать и разговор потихоньку начинался, словно маленький дождик капает маленькими капельками по дороге, делая его все более темным из-за воды. Капля за каплей, создавая лужи, которые после ливня стлали бы небывалым весельем для молодой и чистой души, в коей теплится яркое солнце и ясный день, что с новыми дождями, сопровождающие человеческие судьбы, стал бы превращаться в вечер с красивым закатом, одновременно яркий и тусклый от своих лучей, а потом, после исчезновения солнца настала бы темная ночь. Судьбам важно, чтобы темная ночь не пришла к ним слишком рано - это ужас, губящий надежду из-за ужасов, таящихся во тьме.

- Я хочу извиниться перед тобой.

Нахт тер свои длинные и тонкие белесые пальцы левой рукой и шурил глаза, подбирая правильные слова.

- Говорите, я все выслушаю. - этот человек слишком хорош, правилен, терпелив.

- Мне кажется, что я влюблен в Элизу, когда мы были на балу, то я завел ее в комнату и там...

- Неужели вы и она... Простите, если бы я знал, то не подумал бы...

Нахт поспешил его успокоить и защитить целомудрие благородной леди.

- Нет-нет, я как раз об этом - я сбежал тогда, ведь не смог ее опорочить, как прочих.

- Вот как, а почему?

- Сам не знаю, но так оно и есть.

- И вы думаете, что любите ее?

Нахт умолк и опустил взгляд, напрягая голову, словно решал невероятно сложную задачу, которая несла неимоверно большую смысловую нагрузку, которая безумно утомляла голову.

- Люблю. - Словно говоря последнее в жизни слово, сказал Нахт. - Люблю, и хочу с ней быть, подарить ей все то, что могла бы только пожелать она! Хочу, очень хочу... - Сказал Нахт ослабевшим словом под конец.

Кинг смотрел на него, говорящего перед ним молящегося человека, который молвил ему, словно тот Бог, судящий и вершащий, решающий как быть с душами людей.

- Вы в обиде на меня? Знаю. Право вы имеете. Да... - Нахт так и не поднял глаз.

- На вас ослепительный наряд, вы приехали на прекраснейшей из карет, едете в одно из великолепнейших поместий, вы живете в прекраснейшем из миров и хотите прекраснейшую

из женщин, оставляя меня, пришедшего в наряде, не лучшим, а который есть, приехавший сюда на чужой карете, живущий в худшем из домов и, побывавший в худшем из миров, одного без той, кого я подумал, что полюбил, как вы думаете, что я должен сделать? Мне обижаться? Биться? Сдаться? Как поступить?

- Я не знаю.

Кинг терпел многое и мог терпеть и дальше, но как далеко простирается терпение солнца? Может оно также бесконечно, как и его лучи?

- Хорошо, оставляю ее вам.

Нахт поднял взгляд, ошарашенный от этих слов, а кто бы не был удивлен?

- Как, и вы не против?

- А могу? - Усмехнувшись ответил Кинг. - Она явно мне дала понять, что я ей не интересен, а вот вы, да... - Бесчеловечный.

- Вы больше не явитесь к ним? Вроде Игната интересуется вами.

- Она еще ребенок, поэтому нет.

- Ясно.

А что сделал бы нормальный человек в этой ситуации? Разозлился? Скорее всего да, ведь у него по сути отбирают то, что подарило бы ему счастье, но лишь из-за одного человека теперь это пропало. Злоба. Зависть. Нетерпение. Грусть. Что еще может составлять человека?

- Что будете делать теперь?

- Ну, завтра на прогулку с Груссинговерами, а потом посмотрим.

- Через 3 дня в Англию? Так и не передумали?

- И не передумаю, туда мне надо.

- А потом не вернетесь?

- Я думал уехать куда-то в тихое место, где хорошо и спокойно, наверное, неплохо было бы, если я оказался в таком месте не один, а с любимой, но теперь видимо не смогу, но ничего. Желаю вам всего хорошего.

- Надеюсь, что я ничего не испорчу.

- А вы можете?

- Конечно, очень просто, ведь я - это я.

- А разве сложно все поддерживать?

- Кинг, я мужчина, а потому тупой, как и все, поэтому могу совершить что-то, что сильно ее разозлит и сам даже не пойму этого.

- Я уверен, что все будет хорошо.

- Надеюсь.

Они доехали до поместья, где Нахт вышел, а кучер отправился отвозить Кинга, когда он уехал, то хозяину дома стало грустно, словно тот человек в карете таил в себе его решимость, а теперь она удаляется от него. Он остывал от своих порывов, приходил в себя, но пока от слов не отказывался. Ему все также хочется быть с Элизой, но сможет ли он с ней быть? Вдруг что-то пойдет не так, как ему быть? Разрушенная жизнь после расставания, но насколько сильно она будет разрушена, если ты все еще можешь об этом думать? Наверное, она лишь потрескалась, но в самом уголке, где того не видно.

Нахт пошел в свой сад, где среди красивых вырезанных фигур из кустов и прекрасных цветов раздумывал обо всем, что было на приеме.

- Она не отреагировала на Кинга, а на меня... - От мыслей, что Элиза любит его ему становилось очень хорошо, он словно начинал летать, парить среди пушистых облаков, не чувствуя ног, когда все это представлялось у него голове Нахт начинал кружить среди фигур сада, но перед тем, как начать он поглядел вокруг, чтобы его никто не видел, а потом уже начал, убедившись, что никого нет. Ему было неудобно и немного стыдно, если бы его кто-то увидел, когда тут происходит такой полет мысли и эмоций.

- Как хорошо, она ведь меня... Точно меня, как смотрела, какие глаза... Красивые... Ах, какая женщина... - Даже не быв рядом, Элиза заставляла Нахта краснеть, почти тридцатилетнего мужика! Взрослый мужчина краснел и танцевал, словно тому было пятнадцать лет, словно это его первая любовь и он хочет подарить девушке весь мир, целуя в щечку, а из развлечений предлагал бы пить чай из самовара до утра, какой невинный и какой наивный.

- Ах, что же мне делать, как с ней быть, как и, что делать? ... - Глупость, словно девушки хотят чего-то невероятного, им одного только и надо, любите, любите и смотрите только на нее.

- Элиза, а куда же я ей сказал, куда пойти, ах, как же я это...как мне... Точно, никуда, я сказал, что просто заеду, а куда, где все веселятся? Куда обычно ходят, я сразу в кабаке обычно, на столе или на сене каком, дурак, как я только так мог жить? - Он корил себя за то, как жил до этого, но корить себя за прошлое, за которое новый ты не в ответе бессмысленное дело. - Точно. Филип. Он старый, значит опыта много, спросить надо, да, да, да. - Будто в лихорадке говорил влюбленный дурачок.

Глава 8. Ужасы Темной ночи.

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви. (1-е Иоанна 4:18).

По помещью раздавались громкие и увесистые топоты ног, которые чередовались с ритмичными ударами трости об пол. Шаг. Рывок. Стук трости. Шаг. Рывок. Стук трости. Дополняло все это кряхтение человека, который явно нечасто так себя напрягал, но эти действия были вызваны не ужасом, причиной происходящего стала не какая-то беда, наоборот. Рвение к цели и ответу вот, что волновало того человека, который сейчас так торопился, что чуть не запинался об свою трость, становившаяся для него преградой из-за спешки.

С немного бледноватого лица Нахта не сходил лик счастья, хотя оно и было мало заметно, но это явно было оно. Это прекрасные и чудные мгновения, которые человек помнит долго, но и подобное забудется - все забывается, все забывают. Каждый, кто умер дважды и готовится принять третью смерть смеется, ибо, то, что люди думают, что думают, что помнят, хотя и не могут помнить смешно, ведь воспоминание - это жизнь оставшаяся в прошлом, а как можно помнить жизнь, которая еще не закончилась? Вспоминают только ушедшее, а жизнь от нас не уходит, как жизнь может уйти от человека, если сам он и есть жизнь?

Нахт дошел до кабинета, где сидел и занимался делами бизнеса Филип. Он зашел без стука и сразу ринулся к столу, наступив на ковер из звериной шкуры сам того не заметив, где его подчиненный разбирал бумаги.

- Господин Нахт, что с вами? Что-то стряслось?

- Да, но это не важно, скажи, куда вести девушку на встречу?

- На встречу? Девушку? - удивленно переспросил Филип.

- Да, да, на встречу, ну так куда?

Филип замялся, но потом, положив бумаги на стол, сказал.

- Господин Нахт, давайте присядем, и вы мне все расскажите, что за встреча и остальное, о чем я не знаю.

- Хорошо.

Филип встал из-за стола, но потом будто бы ослабев резко покренился в бок, но вовремя оперся рукой об стол и устоял на ногах.

- Что с тобой? - забеспокоился Нахт. Для него этот человек не просто слуга, а член семьи. Филип был с ним всегда, когда тот родился и рос, а в особенности, когда его наказывали.

- Все хорошо, просто потемнело в глазах, наверное, слишком резко встал. - сказал человек почтенного возраста.

- Ну хорошо.

Они сели друг на против друга.

- Ну, рассказывайте.

- Я влюбился. - сразу начал Нахт.

- Весьма неожиданно. Правда. А в кого, если не секрет?

- Элиза Груссинговер.

- Груссинговер...Старинный род, да...Вроде у них две дочери? - легонько шлепая себя ладонью по бедру говорил Филип.

- Да.

- Элиза вроде старшая, если не ошибаюсь.

- Да.

- Видел ее пару раз, благородная леди, хороший ум еще и красавица. Жаль, что семья не добрая.

- В каком смысле?

- Родители вашей любимой очень непростые люди, и я не уверен, что они одобряют ваши намерения. Вы ведь собираетесь жениться?

- Я даже и не думал об этом.

- Значит не думайте пока, оно само придет. Такие вещи не умом делаются, а душой.

- Хорошо, но ее родители меня не страшат.

- Ну это ладно, а когда же вы успели влюбиться? - хлопая глазами, спрятанными за стеклами пенсе, спросил Филип.

- На их балле.

- Точно, они же устраивали бал. И там вы с ней и познакомились, да?

- Да.

- И там, наверное, влюбились?

- Да.

Человек почтенного возраста улыбнулся приятной и доброй улыбкой, чуть ли не пуская слезу, радуясь за своего господина, словно тот был его родным сыном.

- Я очень рад за вас, но может расскажите про встречу?

- Я пригласил ее прогуляться завтра, но не сказал куда. Мне не доводилось проводить с девушкой встречи тем образом каким я собираюсь это провести завтра, поэтому мне нужен твой совет. Ты же был женат?

- Да, но это дела минувших дней и я не хочу об этом вспоминать.

- Почему?

- Она сбежала от меня с французом, изменила мне и все, а сейчас я даже не знаю жива она или нет, но моя жена для меня мертва. Женщина, что сбежала от меня - это не она. Моя жена меня любила, а эта женщина нет.

- А я слышал, что она и вправду умерла, а оно вон как оказывается.

- Все это уже не важно.

- А больше ты никого не встречал?

- Встречал и не раз, но мне больше никто не был нужен.

- Почему?

- Я как-то подумал, что уже был женат и жил жизнью женатого человека, тогда зачем повторять то, что уже было? Разве не было бы лучше найти что-нибудь новое?

- Может быть, но тебе не одиноко?

- Тут понимаете какое дело господин Нахт, когда я был молод, то женился, но та, кто меня любила умерла, потом единственным человеком, который меня любил была моя мама, но и она умерла, потом я стал служить вашей семье. Ваши родители были ко мне добры и приняли меня, словно я был их дальним родственником, и хотя они были молоды, но даже так я пережил их. Вначале ушла ваша мама, но она родила вас перед уходом. Потом мой лучший друг - ваш Отец. Я переживал абсолютно всех людей, кто меня любил и кого любил я сам. Я всегда оставался один. А сейчас единственное чего мне хочется - это уйти раньше, чем уйдет человек, которого я люблю.

- Я и не знал...

- Да что уж тут, не забивайте себе голову стариновским бредом! - сказал почтенный человек.

- Ладно...

- Так, касаясь вашей прогулки...а как насчет того, чтобы вместе с ней прокатиться на лодке? Вы будете наедине, сможете поболтать и виды красивые. Можно устроить встречу на семейном озере.

- Туда даже на поезде несколько дней ехать, а надо, чтобы прямо завтра.

- Тогда, что насчет лебединого озера недалеко от поместья?

- Оно же дикое и там ничего нет.

- Можно устроить пикник или, если хотите, то можно будет послать туда людей наперед, чтобы они поставили шатры и подготовили лодки.

- Так и сделаем, займешься этим?

- С удовольствием.

- Спасибо.

- Позвольте я вернусь к работе.

- погоди. - остановил Нахт Филипа. - Ты сказал, что твоим лучшим другом был мой отец, ты был с ним в его последние минуты?

- Вплоть до его самой последней секунды.

- Он что-нибудь говорил перед смертью?

- Нет. - немного сжав губы, моргнув и посмотрев вниз, потом снова моргнув и посмотрев на Нахта, сказал Филип. - Ничего, что должно было бы вас волновать.

- Ясно, ладно, тогда я пойду к себе, если что зови.

- Конечно.

Нахт поднялся с дивана и, пойдя к двери, на его пути оказался тот самый ковер, посмотрев на него и многозначно промолчав, он обогнул его и потом вышел за дверь.

Филип все также сидел на диване, оперевшись на спинку, и вспоминал последние слова отца Нахта.

"- Филип, прошу, пригляди за Нахтом, я не стал для него хорошим отцом, мне казалось, что, если я буду с ним слишком мягок он ничему не научится и будет слаб, но я ошибся.

Он пока не готов перенять борозды правления, возьми это пока на себя, а потом передай ему, как он будет готов....

Я сильно виноват перед ним, я до сих пор корю себя за все свои поступки, но все же я им горжусь. Кто бы мог подумать, что он и вправду вырастит таким сильным, а какой смелый - напасть на рысь....

Мой сынок.... "

Нахт лежал на кровати в своей комнате, размышляя о завтрашнем дне. Он просто не мог думать о чем-то другом помимо этого, но все же одна мысль была столь же сильна, если не сильнее.

- Гордился бы мной отец? ...

Сын вспоминал отца, думал, что бы он сказал ему, если все сказанное Филипу было б сказано ему. Будет ли ответ одобрять решение Нахта или наоборот? Как всегда... Это важно для мальчика, которого по ошибке все принимают за мужчину. Мы все сидим в крошечных комнатах, и лишь наши родители имеют к ней ключ.

Редбаулинг встал с кровати и, подойдя к столу, где из выдвижного ящика достал трубку, спички и наполнитель в конвертике. Потом запихал содержимое конверта в табачную камеру, а после, проведя оголовьем спички по шершавой поверхности короба, поместил воспламенившуюся маленькую палочку в камеру, а после убрал, затушил и положил в пепельницу. Взял мундштук в зубы, обхватил и сжал губами, а после вдохнул дым, выдохнул его и снова вдохнул. Голова стала легче, и он сел в кресло, где дальше курил эту трубку.

В комнате стало темнеть и холодать, неожиданно посреди начала осени стал идти снег, а улицы замело сугробами. Нахт видел происходящее за окном и, быстро встав, после, подойдя к окну, увидел невероятное. То дерево, которое недавно было выше него теперь стало молодым саженцем.

- Что это? - Это дерево было таким, когда ему было 12 лет, тогда как?

Нахт услышал, как за дверью кто-то очень громко говорит и этот голос становился все ближе, но он не мог поверить, что это голос человека, которому должен принадлежать. Ноги повели его назад от двери, хотя он был уже у окна, давась к стене, мальчик закрыл себе уши руками, но голос стал лишь сильнее.

Ручка двери стала проворачиваться, а глаза Нахта расширяться, словно сами черепные ямки расширились, а за ними и все остальное. Испуганного человека понесло назад сквозь стену. Он упал на спину ног и стоял позади спины черта, Нахт быстро отвернулся от него, но, повернувшись, увидел лицо того черта, которое возвышалось над ним, глумилось, потешалось. Он был огромен, как Эверест, но вместе с этим его можно было разглядеть в мельчайших подробностях. Нахт бежал от него, но чем дальше он от него был, тем ближе и быстрее к нему приближался. Черт смеялся над ним, хохотал и гоготал в 9 голосов, два рта в руках, два рта в ногах, два рта в ушах и один на месте, а последние в руках Нахта. Они лбызали языками свои зубы, а потом откусили ими себе языки, потом еще, потом еще и еще. Языки сыпались градом на пол, формируя собой бесформенных гуманоидов, которые стали толкать и пинать Нахта.

Глаза черта выкатились из его глазниц и стали кружить звездопадом вокруг Нахта, а после давить со всех сторон.

"Тело давилось, как лимон, Кость и кожа, как вода, Чертились к черту ко столу И не развидеть лик черта, Экссудатом черным по лицу."

И не был виден ужас Нахта, лишь радость ужасного черта.

Испуганный мальчик вскочил с кресла и упал на пол, давась воздухом и трясясь от страха, лишь причудилось, лишь причудилось и слава Богу.

- Надо сыпать меньше из конверта... - Заключил Нахт.

Глава 9. Светлая ночь.

*Кокетка.

Всякая мысль может быть услышана, но каждый ли будет прислушиваться? Идя медленно по тропам ненароком оглянувшись назад, то кого ты увидишь? Рыдающих людей, что остались позади тебя или тех, кто толкает тебя вперед? Как ты живешь, как ты бредешь, куда ты идешь? Где ты будешь в конце? С кем ты будешь в конце? Почему ты обязан быть с кем-то в конце? Почему должен печалиться, что это конец? Если и так знал финал истории, тогда раз существует эта печаль, то может мы печалимся из-за другого?

Нахт стоял перед зеркалом, одетый так, словно больше никогда не смог бы надевать красивую одежду, словно сегодня его последний день и его он хочет прожить максимально ярко, но каков выбор с такой мыслью - тусклый костюм, а все из-за одной встречи, из-за девушки, какой-то особи женского пола.

Он смотрел на себя, вглядываясь в каждую деталь своего наряда - это день его счастья, день его смерти, день, что будет противен ему, тот самый, который будет жечь тьму снаружи и внутри него: его кожу, глаза, легкие, сердце и душу. Конец. Конец. Зимой кости так не заметны на снегу, а как красива кровь, окропившая тело покойника.

Наконец, он отошел от зеркала к окну и стал смотреть на то самое дерево из его виденья, теперь оно уже не маленькое, а большое, высокое, широкое. Зимой оно оголяется и становится таким худым, словно ожиревшего оставили на год на необитаемом острове.

- Демоны, ангелы, что я сделал такого, что должен бояться? Я не хочу бояться, я хочу жить под солнцем, не хочу быть во тьме, мне надоело быть одному, хочу быть с людьми, хочу быть любим, хочу любить...

Нахт, опираясь о христящий наконечник трости из слоновой кости, пошел из комнаты вниз к карете с открытым верхом, что уже была подготовлена к его отъезду из поместья к дому Груссинговеров, чтобы забрать оттуда Элизу на прогулку по лебединому озеру.

Сел. Поехал. Приехал. Вышел. Постоял. Поглядел. Подумал. Захотел. Перехотел. Пошел. Подошел. Постучался. Подождал. Дождался. Зашел. Огляделся. Поприветствовал. Уселся. Выпил. Понервничал. Отошел. Встал. Походил. Занервничал. Услышал. Остановился. Изумился. Обезумел. Опомнился. Споткнулся. Выпрямился. Заговорил.

- Рад вас видеть, Элиза. - с неким прегогогновлением произнес он, с таким выдохом, словно картавый пытался еще больше картавить, а получалось наоборот. Поезд шел, а человек ехал. Он говорил, а она кричала.

- Здравствуйте, Нахт, извините, что пришлось подождать, я не думала, что вы придете так скоро. - как настоящая "a amas"* проговорила Элиза, хотя и не переносила такого тона, но видимо она только так думала.

- Что вы, что вы, вы...

- Вы пили?

- Что вы, ни капли, как несколько дней уже не прикасался ни к одному спиртосодержащему напитку, честное слово. - проговорил без запинки Нахт, пытаясь убедить таким образом свою спутницу на день в правдивости своих слов.

- Ну раз честное, да еще и ваше, то верю.

Они говорили будто танцевали вальс, хоть и были в отдалении друг от друга, расстояние между ними словно было заполнено ими и никто, и ничто не смело встать между ними, ничего там не было, и ничего не могло быть, а даже если и было, то было бы оно для них?

- Вы обворожительны сегодня, еще не видел миледи краше вас.

- Благодарю, нарядилась сегодня специально для вас, но и вы сегодня красивее, чем обычно, даже краше, чем вчера.

Нахт подошел к Элизе неровно дыша, то ли от нервов, то ли от лихорадки из-за отхода из-за содержимого из конверта.

- Нет никого наряда, что превзошел бы вас.

Они смотрели друг на друга долго и безмолвно, но потом одновременно протянули друг другу руку, Нахт взял ее, как учтивый джентльмен, а Элиза, как истинная дама пошла за своим кавалером, немного виляя невидимым хвостом аристократической кошки.

Они сели в карету и поехали на озеро, где все уже должно было быть готово.

- Как Вам сегодня спалось? - будто поднимая и отпуская голову, проговорил Нахт.

- Если честно, то я очень ждала встречи с вами. Мне не терпелось увидеть Вас, дотронуться до Вас. - Элиза, сама того не понимая, приблизилась к Нахту.

- Мне бы хотелось и самому, но смею ли я?

- Смеете, еще как смеете, уже посмели, еще тогда, аль не помните? А я помню, все помню!

Нахту вспомнилось, как они напились, и они вместе пришли в комнату Элизы. Красное лицо не могло скрыть его смущения. Мысли о низком он пытался отбросить, но может ли успокоиться фантазия, когда все происходит наяву? Нет силы большей, чем воплотившееся желание. "Свет" погрязший в пущей праздности, в материальных благах своего ожиревшего желудка и сердца - это люди, чьи желания слишком материальны, все же надо оставлять хоть чуточку мечтаний. Несбывшаяся мечта - не самая ли сладостная мысль будет от того, что она сбылась?

- Я тогда ничего не сделал, честное слово! Только немного прижимался, но потом ушел!

Элиза услышала откровение, ведь не помнила тех событий, помнила она лишь их разговоры и все, а этого нет.

- О чем вы? Когда это? ...

Нахт выпрямился, оттянул немного воротник, пытаясь, выиграть хоть немного времени.

- А вы о каком? - Дубалом Дубаломов.

- Вчерашнем, я дала Вам свою руку.

- А, вы о том...

Для повидавшего жизнь Нахта, такое было столь обыденно, что он даже не придал такому какого-то значения, мол, поцеловал в руку, а, что такого? Вежливость же.

- А вы о чем? Я о таком забыть не могла, хотя, если это было там...

- Где, там? - волнение охватывало его тело, упираясь в лобную кость.

- Там, на балу.

- Вы не помните, получается?

- А что было? Я же не?... - Элиза начинала чувствовать ужас, но не из-за того, что было или могло быть, а из-за того, что была пьяна и не помнила происходящего. Ей хотелось бы самой ко всему и со всем, и везде прикоснуться, чтобы помнить Нахта.

- Нет, говорю же, я ушел, сбежал.

Элиза все же выдохнула.

- Значит Вы бежали? Но почему?

- А что мне оставалось делать? Вы подобны ангелу, я не хотел грешить.

- Вы же не верующий. - усмехнулась Элиза, заметив эту иронию.

- Это я так, образно.

- А сегодня мы будет пить?

- Будет так, как вы хотите.

- Тогда, посмотрим.

Они болтали обо всем на свете, хотя могли бы они так сделать, если вокруг них лишь необъятный лес, что был осмотрен ими лишь из кареты с открытым верхом? Им были видны деревья, травы, кусты, но у них получалось вывернуть из этих пейзажей столько тем для разговора, о каких не подумал бы ни один художник или поэт, сценарист или режиссер. Это было

удивительно и для самого Нахта, столько говорить для него было несвойственно, как и для самой Элизы, которая думала о том, как ей все же хорошо с этим человеком, но вот они проезжали мимо березы. Нахт посмотрел на нее и умолк, ему пришла интересная мысль, что у этой березы слишком много черного, словно злодей мрачный она глядела на проезжавших. Он видел в ней отражение и себя самого того самого, что боится всего и даже Элизу. Нет сомнений, что любовь его к ней искренняя, но что будет после этой любви? Что ему делать? Как нужно любить? Нахт не знает этого и боится узнать, ведь боится и потерять, когда нашел этого человека. Смешно, что он был так близко все это время да только спонтанно оно всегда и нет часов у события этого тотчас пробивавший внутрь выйдет прочь и извергнется столь же спонтанно и смешной разговор прольется по ладоням и губам прильется он и на шею будет рука та, но уйдет она - то беспокоит Нахта, вернется ли рука та? Ему придавали огромных сил простой голос ее, выражение лица, что иногда менялось из-за ветерка от которого слезились глаза, улыбка так греющее сердце, кроткий, а после долгий взгляд именно в его глаза и в ничье более - это не просто влечение или любовь - она есть та часть души его, что судьбой уготована ему, но судьба злая сука, обиженная на кабеля, может и в другую сторону пойти.

Они приехали на озеро, где была расчищена небольшая площадка, на которой уже установили шатры.

- Никогда не была здесь. - Элиза, хотя и была старшей дочерью, которая имеет невероятные знания все равно была тепличным цветком, которому было запрещено покидать сад.

- Я расчистил его специально для вас, что хотите сначала? Конная прогулка, пикник, прогулка по лесу или поплаваем на лодке?

- Так много всего...

- Будет так, как вы хотите. - Нахт никогда не перестает быть тем самым обольстителем, каким его знает весь шумный город.

- Тогда, давайте начнем с начала списка.

- Хорошо.

Нахт подозвал к себе слугу и приказал привезти лошадей.

- Нахт.

Его сердце сжалось, его словно обдали холодной водой, а потом кипятком с головы до пят. Это было неожиданно, но столь приятно - она назвала мое имя... Обольститель сам был обольщен.

- Да, Элиза? - Сердце словно взяло молот и стало бить в грудную клетку.

- Я не умею кататься на лошади. - Это было ложью. В ее голове был план, который она строила на протяжении всего того времени, что они ехали к этому месту, она прекрасно понимала, что конная прогулка тут будет присутствовать, поэтому решила на волнующий шаг - прокатиться на одной лошади с Нахтом в обнимку. Это смелое решение, особенно для такой скромной и неопытной девушки, как Элиза.

- Тогда, может я вас научу?

- Было бы здорово. - Пока все шло по плану.

Слуга подвел двух лошадей: черная, словно смоль, что буйно брыкалась, и светло-темная, что шла спокойно.

- Что с черной?

- Непокойная она просто, своенравная.

- Хорошо, тогда эту черную уведи, а эту оставь, я все равно ехать не буду.

- Хорошо, господин.

- Прощу вас.

Нахт помог сесть Элизе на коня.

- А вы не будете садиться?

- Нет, я же должен буду вас учить, мне будет удобнее это делать пешком, когда вы сможете спокойно сидеть на коне, то сяду к вам.

- Хорошо. - Такой расклад вещей немного расстроил Элизу, хотя она и была рада, что в конце концов он все же подсядет к ней. - Но, погодите, вам же тяжело будет идти с тростью. - Элиза почувствовала, что сделала очень четкое замечание, ей стало казаться, что сейчас он согласится и сядет к ней, ведь как же так? Человек с тростью будет плестись рядом с человеком на коне, где это видано? Но она не учла, что этим человеком был Нахт.

- Все хорошо, на самом деле я не сильно нуждаюсь в трости, просто бегать я не могу, быстро ходить могу только с тростью, но идти тихо и неспеша могу и без нее, поэтому все хорошо, не стоит переживать.

- Правда, тогда зачем вы всегда носите трость? И к тому же от долгой прогулки ваши ноги устанут.

- Я уже привык к трости и не могу без нее, а если я устану, то сяду к вам, хорошо?

- Ладно. - Элиза не решилась продавливать свое желание прокатиться в обнимку, потому что посчитала, что Нахт найдет еще какое-то оправдание. Ее поразило его твердолобство и упертость в этом вопросе, неужели так тяжело просто сесть рядом?!

- Давайте начинать идти, наверное, пойдем туда? Когда-то я бывал там с одной из своих нянь, по рассказам Филипа.

На самом деле Нахт понял весь план Элизы и умышленно не подсаживался к ней на коня, ведь стеснялся к ней прикасаться. Это смущение было не свойственно для такого мужчины, как он, но тем не менее эта девушка заставляла трепетать его сердце лишь от небольшого прикосновения, а что с ним будет, если аж еще и прижаться? Он бы точно такого не выдержал.

- А кто такой Филип?

- Мой служащий, он заменяет меня на посту директора и по сути главы дома.

- Но почему? Вы же можете сами заниматься этим всем.

- Да, но я не хочу, тем более Филип более опытный в этих вещах.

- И насколько?

- Даже сказать сложно, он начал еще до моего рождения, поэтому 30 с лишним лет, наверное?

- Так долго?

- Поэтому пусть этим всем и занимается.

- А если он уйдет в отставку? Видимо он не молодой.

- Да, он уже старик, но он не уйдет.

- Почему?

- Он поклялся работать на меня до конца своих дней.

- А если изменит свое решение?

- Он для меня, как отец, поэтому не думаю, что поступит так.

- А что случилось с Вашим отцом, что его заменил другой человек?

- Мы не были с ним в хороших отношениях, все мое детство он пытался сделать из меня идеал, который возглавит бизнес в будущем. Я хотел получить его одобрения, похвалу, а может даже любовь, но ничего из этого так от него и не получил, хотя выполнял все, что он мне скажет очень старательно. Даже закончил академию на 2 года раньше, меня учителя гением называли, но он так ничего и не сказал.

Элиза чувствовала схожие чувства, ведь ее ситуация была довольно похожа на его.

- Хотя нет, он говорил, но только не самые приятные вещи, он всегда находил к чему можно придраться. В конце концов я взбунтовался и начал жить так, как это знает весь город.

- И Вы хотите продолжать в таком же духе?

- Теперь не думаю, что смогу.

- И почему же?

- А вам нравится то, как я живу?

Нахт спросил это, хотя и сам знал ответ, ведь тот был очевиден.

- Не нравится, я бы очень сильно хотела, чтобы Вы начали заботиться о своем здоровье.

- И каким образом?

- Ну, для начала перестаньте пить.

- Бросить пить? Ну, хорошо, тогда сегодня его пить мы не будем?

- Нет.

- Раз вы того хотите, то хорошо.

- А еще не курите.

- И не курить?

- Да, не курить.

- Хорошо, так и сделаю, что-то еще?

- А у Вас есть еще какие-то плохие привычки?

- Даже не знаю, наверное, это были главные плохие привычки из всех.

- Тогда, посмотрим.

Они вместе посмеялись с этого и продолжили идти.

- Кстати, я уже хорошо держусь в седле, может все-таки залезете на коня?

- Нет, вас еще шатает.

- Где?

- Ну вот же, вы не ровно сидите, поэтому пока еще нет.

- Я в платье, ясное дело я буду не ровно сидеть.

- Но...

- Нахт.

Он сразу же умолк.

- Да?...

- Садитесь на лошадь.

- Но...

- Садитесь на лошадь.

Это было ее последним словом, но Нахт подчинился. Он поменялся местами с Элизой, убрав трость в подсумок, который был на лошади именно для трости, словно для шпаги. Элиза прижалась к Нахту сзади и положила голову ему на плечо так, что он мог отчетливо ощущать ее дыхание на своей шее.

- Мы начнем движение?

Нахт так был взволнован и взбудоражен из-за всего этого, что чуть ли не ушел в астрал. Мысли путались, а глаза бегали во все стороны, и все тело будто бы лихорадило. Кровь же прилиwała во все конечности и большая ее часть доставалась не только голове, но и другому.

- Да, конечно...

Разговоров уже не было, теперь они были столь безмолвны, словно им зашили бечевкой рты, когда рот их был переполнен водой. Слышны были пение далеких птиц, журчание небольшого ручейка, шелест листья и дуновение ветра, небольшие потирания их одежд друг о друга, их асинхронное дыхание и даже звонкое биение сердец, что иногда отдавало эхом в их груди. Понемногу Нахт стал приходить в себя и даже начал наслаждаться этим процессом, как и сама Элиза, которая сторала от стыда, но все же она была безумно рада, что ей удалось пойти согласно плану.

Им было уже не страшно быть нежными, прикосновение стало чем-то простым и мысли больше не были скованы. Они наконец оказались в родной стране, в той самой, где они единственные жители. Это было их временем, которое мчалось столь для них не заметно, что они даже не заметили, как солнце начало уже садиться. Нахт заметил это и все же решил прервать эту конную прогулку и вернуться в лагерь, на что Элиза согласилась.

- Вы не устали?

- Нет, а Вы? Как нога?

- Все хорошо, не волнуйтесь, тогда может продолжим, но уже на озере? Сейчас там должно быть особенно красиво.

- Конечно, давайте.

Силы у них были хоть на всю ночь и еще на сто таких же подряд без передышки.

Нахт приказал приготовить лодку, а они пока сели в шатре немного отдохнуть и перекусить. Разговоры вернулись, но ощущение родной страны осталось.

Лодка была готова, и они решили пойти прокатиться на ней.

Отплыв на качающейся колыбели Элизу сразу стало клонить в сон, а вместе с этим и морозить, но на этот случай был приготовлен плед. Она укрылась им и уставилась на Нахта, сидящего, напротив.

- Вы тоже замерзнете, идемте. - Она подозвала его к себе, отодвинув руку и пригласив под плед. - Он большой, хватит на двоих.

- Хорошо.

Нахт встал, лодка немного качнулась, сел и укрылся, усевшись в обнимку с Элизой под одним пледом. Она положила голову ему на плечо, он ответил тем, что и сам прижался поближе. В таком положении они и остались, наблюдая за лебедями, которые вышли на середину озера, которое освещала светлая луна в эту светлую ночь.

Глава 10. Иуда эпохи абсурда.

Нахт сидел за столом, принимая завтрак, который, как и всегда был невероятно богатым. Он до сих пор еще не мог до конца осознать, что вчера происходило, ему не верилось, что это происходило вправду.

- Господин Редбаул, вам еще подлить? - Обратился слуга, заметивший, что чай был допит.

- Да, пожалуйста.

Чай был налит в чашку.

Нахт посмотрел на нее, потом на стол и на все блюда, которые на нем были. До некоторых он не был даже в состоянии дотянуться, какие-то никогда не пробовал, а некоторые и не видел прежде. Он посмотрел на слуг, которые явно были голодные, но стояли у стенки, ожидая, когда смогут пойти поесть, ведь вся их работа началась задолго до пробуждения их господина. Такой распорядок дня даже не позволяет поесть с утра.

Нахт перестал есть и посмотрел на того молодого человека, который подлил ему чая.

- Ты голоден? - Спросил Нахт у него.

- Да, господин Редбаул.

- А вы? Вы все голодны? - Нахт обратился ко всем остальным.

Они ответили точно так же, как и тот парень.

- Берите себе стул и присаживайтесь.

Слуги не поняли, что произошло. Им вправду разрешили сейчас сесть и поесть вместе с господином? Как? Почему?

- Садитесь, давайте, стульев много, на кого не хватит идите возьмите, стол большой места много, как и еды. Давайте садитесь и других позовите, пусть поедят, а потом обратно за работу.

Все стали чуть ли не кланяться, благодарили от всего сердца и не могли поверить, что их господин, от которого они столько натерпелись сделал им такой подарок. Все собрались за одним большим столом, как одна большая семья и принялись завтракать.

- Приятного всем аппетита. - Сухо произнес Нахт.

"И Вам!" - сказали все в унисон.

Картина доброго завтрака, которую Нахт никогда, наверное, и не наблюдал теперь была перед ним, а надо было всего-то сказать пару слов и вот. Ему было противно от себя самого, потому что он понял: ему было жалко еда, а не его голодающих работников.

Нахт распорядился, чтобы все обязательно были всегда накормлены и условия труда не заставляли чахнуть тела, после чего собрался поехать в город. Он уже довольно продолжительное время не выходил никуда, ведь почти постоянно был у Груссинговеров. Ему представлялся план, что сначала он побудит в каком-нибудь баре до обеда, потом поедет к Элизе и проведет остаток дня с ней.

Едя в экипаже, Нахт понял, что сейчас находиться в непривычно хорошем для него расположении духа - он был доволен всем и, наверное, за долгое время его наконец можно назвать счастливым, хотя он сейчас такой только из-за того, что вспомнил вчерашний день. Эти мысли стали для него определенным обозначением - его счастье в том, чтобы быть с Элизой, теперь это ясно, теперь все четко видно и не будет никого неправильного решения, теперь Нахт делает все для ее счастья, но потом ему пришла мысль о том, что делать такое он будет для нее или для себя? Он не смог дать ответ, что натолкнуло его на мысль, что все же он эгоист, который беспокоится только о себе и ни о ком больше. Тем не менее, эти мысли не были столь громки, как обычно, и он смог продолжать думать о хорошем и приятном, хотя и с меньшей силой, чем было до этих мыслей.

Он доехал до города, где вышел на улицу и решил немного по ним пройтись, чтобы посмотреть, какие произошли изменения на улицах, пока его тут не было. Сразу ему в глаза

бросился интересный факт, теперь тут были новые лица, хотя многих он вроде как помнил, просто это были люди, которые вернулись с войны, но даже так - это другие люди, не такие как были до несчастья мирского. Сын трактирщика, который некогда был щуплым теперь был статным, хотя и с разбитым лицом и, наверное, душой. Дочь садовника, раньше она была прекрасной девушкой, а теперь женщина, которая имеет огромные и выразительные глаза, в которых, словно отпечатались картины израненных солдат, которым оторвало конечности, или тех бедолаг, которые отравились газом. Еще был другой, когда-то это был статный, привлекательный и обаятельный молодой человек, за которым ходили многие девицы и за которыми он не был против приударить и сам, но ныне - это больной человек. Хромой на ногу, без одного глаза, лысый и огромным шрамом на голове, после операции на мозг. Ему прилетела пуля в голову, и он чудом остался жив, но худшим было еще и то, что перед его глазами была лишь одна и та же картина - туннель. Узкое пространство, которые роют под землей для самых разных целей: переброска войск, поставки провизии, отходные пути, обходные пути или минирование местности и ее подрыв в последствии - всем этим занимался этот некогда красавец. Туннель, в котором ты встречаешь врага, который стреляет в тебя, тычет штыком, ножом и пускает газ, заливают с конца воду, а ты в туннеле, который заполняется водой, куда бежать, куда ползти? Паника съедает все тело, ты хочешь выбраться из этого ада, но как? Ты в замкнутом пространстве и единственное, что тебе остается - это ползти дальше. Ему повезло выжить или же нет? Лучше оказаться среди 200 000 погибших или так? Сложно сказать. И даже так, даже с учетом этого улицы не были печальны, наоборот, были полны жизни даже еще большей, чем было до возвращения этих искалеченных судьбой людей.

На улице Редбаулинг увидел знакомое лицо - это был Кирилл Беляковский, но он не захотел к нему подходить, поэтому ускользнул, пока его не увидели самого.

Нахт зашел в бар, который был его излюбленным, ведь там можно увидеть и услышать очень многое, почему-то именно в том месте большое количество горожан любили поизливать свою душу. Для таких людей Редбаулинг обычно покупал выпить и с удовольствием слушал историю отчаяния и раскаяния. Увидев такого человека, который, как и прочие сидел за стойкой, ерзая и нервно тарабанил пальцем о стол и печально смотревшего куда-то вперед пустым взглядом; он качался на осиновом стуле из-за какого-то страшного волнения, которое полностью владело его телом, на которое было надето черное длинное пальто, застегнутое на каждую пуговицу, на его голове был белый цилиндр с черной лентой на верхушке, словно черный нимб, висевший у него над головой. Нахт подошел к стойке поближе, приблизился к этому человеку и сделал заказ.

- Дайте этому человеку хорошего пива. - Нахт всегда пытался в такие моменты быть менее резким, каким был обычно.

Этому человеку налили кружку пива, Нахт отдал 30 марок, а тот посмотрел в кружку, а потом уставил свое темное лицо на заплатившего.

- З-зачем...? - Словно хныча и в слезах спросил мужчина средних лет.

- Мне захотелось, я и сделал.

- Вот как...

Он отвернулся, взял ручку стакана и придвинул к себе, но пить не стал.

- Пейте, не стесняйтесь.

- С-спасибо...

Он немного отпил.

- В-вам...ч-что-то нужно? - Не поднимая головы и не смотря на Нахта спросил мужчина.

- Да так, мне интересно знать, почему вы тут и почему в таком состоянии. Может расскажите? Я вам еще чего-нибудь закажу.

- Н-нет, н-не сто..ит. - Немного заикнувшись, произнес мужчина, словно от испуга.

- Хорошо, не буду, а как вас зовут? Меня Нахт Редбаулинг, а вас?... - Нахт ожидал, что ему ответят сразу, но этот человек как-то умолк на минуту, потом отпил пива и произнес.

- М-меня...зовут...Брутус Пардон. - Нервно сказал он.

- Значит вы француз? Вы верно думаете, что я держу обиду на вашу страну?

- Д-да...

- Не беспокойтесь, каждая страна не без греха, поэтому не стоит, лучше расскажите, что с вами?

- А что со мной? Со мной все, как и должно быть...Как еще может быть с таким, как я...После всего того, что я... - Брутус стал бить себя по лбу так, что аж слетел цилиндр. Нахт быстро его подобрал, положил на стол и остановил нового приятеля.

- Тише, не стоит, давайте успокоимся, выпейте еще, полегчает.

Брутус выпил, посидел еще минуту в тишине, а потом заговорил.

- Я нехороший человек, плохой я человек...

- И почему же вы так решили?

- Я бросил семью, не спас, не смог...Я их убил...

Пардон снова выпил, посидел молча 2 минуты, а потом заговорил.

- Я приехал сюда задолго до войны, заработать приехал, чтобы семье отправить денег.

Все же хорошо было, все было...

Он вновь выпил, но потом почти сразу продолжил.

- Я хотел, чтобы они перебрались сюда, но вот эта война и они не смогли сюда приехать, а я поехать за ними.

- Вы в этом не виноваты.

- Виноват, я виноват, я мог больше, если бы не отдавал деньги и другим...

- А кому вы давали деньги, кроме семьи?

- Сиротам, у них же никого, вот я и помогал чем мог и как мог, столько денег...

- Вы хороший человек, вы давали деньги нуждающимся - это хорошо.

- Значит, я хороший человек?

- Хороший, не переживайте, а где жила ваша семья?

- Где жила?...

Брутус выпил и стал говорить.

- Я жил с семьей в Керьене, хорошее место...было, но не сейчас, после танков и солдат.

- Не стоит себя так карить, вы не виноваты, то произошло не по вашей вине, а других людей.

- Да, других, этих людей, а я же хороший человек, да?

- Да, конечно.

Брутус выпил пиво и положил кружку на стол.

- Нахт.

- Да, Брутус?

- А отойдите, пожалуйста, вон туда, подальше от меня.

- Зачем?

- Не важно, просто сделайте, пожалуйста.

- Ну, хорошо.

Нахт ушел прямо к выходу и непонимающе стал смотреть на Пардона, который встал со стула, надел цилиндр и стал расстегивать пальто. Брутус повернулся к Нахту, увидевший у Пардона пояс из взрывчатки, и сказал следующие слова, которые не были услышаны: "Простите, правда, простите..." - после чего произошел взрыв.

Пришел в себя Нахт непонятно, когда, непонятно через сколько, но было слышно, как кто-то кричит, плачет и вопит от ужаса. Было полно дыма - что-то горело - был характерный запах гари. Редбаулинг поднялся и за немного, всего на миг развеявшимся дымом, он увидел

разорванные ошметки почти 10 людей или сколько их было. Дым снова сгустился, скрыв этот ужас, но Нахту этого хватило, чтобы заставить извергнуться содержимое желудка на землю. Придя в себя, он услышал, как кто-то кричит недалеко от него, и поспешил к тому месту, где увидел мужчину, которому оторвало ногу. Нахт кинулся к нему, наложил жгут из того, что было под рукой, и стал тащить мужчину из здания, волнуясь за сохранность жизни этого человека, но так и не смог, ведь пока его нес упал без сознания - он даже не заметил, как надышался дымом.

В здание ворвались с ведрами люди, среди которых был Беляковский, он увидел Нахта и поспешил к нему, взял двоих в каждую руку и потащил, после к нему пришли на выручку еще люди, и они без труда вынесли их на улицу, где их стали откачивать. Нахт пришел в себя и стал смотреть на полыхающее здание уже снаружи, глубоко дыша свежим воздухом.

Он не понимал, что произошло, почему Брутус это сделал, а главное почему Пардон сказал ему отойти, но еще ему было интересно, что тот сказал тогда перед взрывом, ведь точно что-то сказал, но что?

К Нахту подошел Беляковский.

- Нахтунг, что там случилось?! - Взъерошенный произнес Кирилл.

- Не знаю, там был...человек, и он француз...

- А, ясно, значит то было правда.

- Что правда?

- Была информация, что оппозиция с той стороны, которая не согласна с перемирием, послала к нам террористов, разведка ничего не обнаружила, поэтому мы решили, что это просто слух, а видно зря. - Беляковского позвали, и он ушел. - Ладно, лежи, я еще подойду!

Нахт не мог поверить в то, что происходит, а главное в то, что это происходит с ним.

"Может это сон?" - Думал Нахт, но, к сожалению, это все правда, ужасная правда.

За Нахтом пришел кучер и помог господину сесть в карету, и уехать из города обратно в поместье, где ему оказали должное лечение его личные врачи. К счастью, серьезных травм не было, всего пара царапин и ушибов, а в остальном ничего серьезного.

К нему сразу же прибежал Филип, который сильно перепугался, когда узнал, что произошло с Редбаулом, но успокоился, увидев Нахта в здравии.

Глава 11. Я останусь с тобой.

Лед - странная субстанция. С одной стороны, он крепкий и жгучий от холода, с другой - очень пластичный; его края могут быть как чрезвычайно острыми, что способны перерезать плоть с легкостью, словно хирургический скальпель, так и невероятно гладкими настолько, что могут сравниться с облаком. Его формы безграничны, то, что им можно сделать невероятно, но даже так - всего лишь поставив даже самый большой кусок льда на стол - пройдет время и этот одинокий кусок растает. Но будь таких кусков много, то как быстро бы они растаяли? Явно таяли бы они дольше, но все равно бы растаяли, тогда почему льды все равно продолжают объединяться? Конец одинаков для всех, концовка одна и та же, хотя может она все-таки немного, но отличается?

Нахт лежал на постели, вспоминая вчерашний день, он пытался вспомнить хоть что-то из того короткого разговора с Брутусом. Ему не давали покоя его последние слова, что Нахт - хороший человек, но почему он так сказал, а главное - так ли это на самом деле?

Он знает себя лучше кого бы то ни было, но даже так не может с точностью сказать какой он - хороший или все же плохой? Раздумывая над этим Нахт задался более фундаментальным вопросом - каким должен быть плохой человек? Может он должен быть убийцей, как Брутус? Хотя нет, Кинг тоже убивал, но он все же хороший, тогда может лжец - это плохой человек? Хотя, ложь может быть и чем-то спасительным, тогда злой человек - это плохой человек? Хотя, всегда ли человек остается постоянным? Утром ты злой, днем у тебя нет никакого настроения, вечером ты готов ребенка задушить, а перед сном ты любишь всех людей на свете, но вот ты проснулся и хочешь четвертовать своего гада соседа, значит однозначно злых нет, тогда злой не есть плохой? Но злиться - это плохо, но если, к примеру, твоего ребенка убили, то злиться на убийцу - это плохо? А желать ему смерти? А месть за любимого - это плохо? Что есть зло, а что хорошо? Говорят, ведь, что каждый человек определяет для себя сам, что есть добро, а что есть зло, но Нахт не может, тогда кто он, он человек или нечто другое раз не может сделать того же, что может сделать другой человек? Он определен как существо, которое существует и не может разуметь своего существования, и ищет из-за этого жизнь в камне и смерти? Он не способен теперь на это ответить, ему подобна ночь, что скрывает даже самые бескрайние просторы, делая их еще более глубинными, чем они есть на самом деле. В это время суток ты спокойнее всего, ты свободнее всего, ты счастливее от этого всего, то время делается многим своим прекрасным из-за всего того, что счастье твое больше, чем днем от всего осознания вещей тех и возможностей, возможных наконец к осуществлению. Сила появляется безграничная, но держится в кулаке во многом случае от того, что делать ты не хочешь ничего, та возможность для тебя лишь возможность - все-таки надо же оставить что-то безрукоприкладственное от себя же самого?

В комнату вошли Филип, Кинг и Элиза.

- Господин Нахт, можно?

- Да, конечно.

Они все подошли к его большой постели.

- Как себя чувствуешь? - Спросил Кинг - его взгляд наполнен временем и ностальгией о былом - о ужасном.

- Нормально, меня почти не задело, можете не переживать.

- Точно? - Обеспокоенно произнесла Элиза.

- Да.

Они долго смотрели друг на друга, после чего свое слово сказал и Филип.

- Раз так, то хорошо, Кинг, идемте. - Он взял его под руку и повел за собой, а у самой двери отпустил. - Давайте их оставим.

Кинг кивнул в знак понимания, после чего они оба вышли за дверь.

Нахт и Элиза остались наедине.

- Как спалось? - Нахт опять не знал, что спросить.

- Хорошо, но выспаться будто бы не могу - не удастся. - Элиза даже не обратила внимания на этот столь частый вопрос, будто спросить и вправду нечего?

- Почему?

- Просто не получается, я все время хочу поспать подольше, но надо вставать.

- А меня всегда будет Филип, если я не хочу вставать.

- Вот как, ты, словно большой ребенок.

- Да, я большой ребенок, но у меня нет плюшевой игрушки...

Элиза посмеялась с этой шутки, а Нахт резко подхватил ее за руку, после чего подтянул к себе и затянул на постель прямо на себя, обхватил обеими руками за талию и прижал к себе. Элиза была в простом платье, поэтому сделать это было очень просто. Он перебростил ее на бок к себе под резвый хохот девушки, которая никогда еще таким не занималась, Элизу забавляло абсолютно все, что делал Нахт, как щекотал своими касаниями, как неровно дышал пока перебрасывал к себе.

Редбаулинг закончил шалость и усталился на Элизу во все свои два глаза, как и она сама. Благородная дама широко улыбалась и игриво поглядывала из-под своих длинных ресниц на него. Нахт нежно приложил руку к щеке Элизы, она легко прижалась, как щечок к его руке, немного приоткрыла глаза, словно наслаждалась каким-то изысканным десертом, с таким выражением лица, как будто оно доставляло ей огромное удовольствие, но почему же «как будто»? Оно так и есть. Все его касания были наполнены для Элизы чем-то необыкновенным, ей хотелось, чтобы он никогда не отпускал ее. Нахт и не хотел убирать эту руку, ему было невероятно приятно чувствовать ее тепло, он ощущал его всем своим телом – оно передавалось от кончиков пальцев руки до всех уголков его организма.

- Я волновалась. - Элиза пархнула ресницами, которые с близкого расстояния казались более большими, чем они есть на самом деле. Она моргала быстрее обычного из-за чувства нетерпения, ей хотелось сразу знать ответ, она не хотела слышать тишину, ее беспокоило его спокойствие.

- Знаю, больше волноваться не придется. - Нахт приложил еще одну руку к щеке Элизы и немного убрал их под ее затылок, глядя большими пальцами уголки глаз Элизы, которые стали слезиться. - Почему ты плачешь? Все же хорошо. - Нахт был спокойным от природы, ему было всегда сложно понимать окружающих – он не был человеком, который бы как-то сильно переживал из-за чего-то. Нахт просто не способен проявлять эмоции в той массе, в которой хотят видеть люди все, его антипатия и неспособность принять чужие взгляды сделала из него человека, который даже к своей части горя относится с некоторым безразличием – его может вывести из колеи лишь что-то и вправду значительное, и внушительное – настоящая трагедия для обычного человека – для него будет лишь минутным всплеском эмоций и не всегда самых ярких в своем проявлении.

- Хорошо, но больше прошу – не оставляй меня. - Элиза видела, как спит Нахт – его тело – живое, но спящее тело, а что, если он не проснется, что будет, как ей жить, каким образом...каким образом ей теперь жить?

- Не оставляю, не переживай, даже, если меня нет рядом, душой я всегда с тобой.

Нахт умел произносить то, что хотят услышать окружающие, умел говорить так, чтобы уши собеседника слышали мед, а сознание верило без задней мысли, но, сделав так вновь, ему стало не по себе, от чего? Потому что он соврал Элизе? Может быть, или то дело в принципах,

которых он придерживается? Вряд ли, откуда у Нахта принципы? У этого циничного мужчины. Его желания и мечта важнее принципов как своих, так и чужих.

Они так и пролежали вместе до самого вечера, иногда они о чем-то говорили, а иногда просто лежали вместе в полудреме. Так бы и продолжалось, если бы Элиза все-таки не сказала то, что было у нее не так – не у одного Нахта произошло вчера несчастье.

- Нахт.

- Да?

- У меня есть проблема.

- Какая?

Элиза повернулась к Нахту и взяла его обе руки и прижала к груди.

- Меня выгнали из дома.

Нахт вначале удивился, но потом сразу охладел, казалось бы, но внутри все равно что-то пылало – волнение о ней все равно будило его черствое сердце.

- Почему?

- Из-за тебя.

- Не понял, как это из-за меня?

- Не прям из-за тебя, но связано это с тобой.

- Так в чем проблема?

- Моя мама узнала, что ты приходил, Игната рассказала, как я себя вела с тобой, она знает, куда я ездила и с кем.

- Она против нас с тобой?

- Да, она говорит, что ты мне не пара, но я против, ты единственный, кто мне нужен и больше никто, правда, поэтому...не знаю...не знаю.

- Я не обращаю внимания на мнение окружающих, но она все же твоя мама и я не хочу быть с ней в плохих отношениях, или думать о ней плохо и тем более говорить, но она прямо выгнала?

- Да, насовсем, она приказала собрать мои вещи и выставила их из дому, мне остается только их забрать оттуда.

- Оставайся здесь, живи тут.

- Но как? Мы же не можем.

- Ты будешь моей гостьей, поэтому все хорошо и комнат много или хочешь спать здесь?

Элиза задумалась, но все же приличие в ней выиграло игривость, и она отказалась.

- Нет, в соседней.

- Хорошо. – немного посмеиваясь, ответил Нахт – его забавляло в ней все и сразу – это доставляло ему небывалый комфорт и так, если рядом именно она.

Нахт вызвал слугу и приказал приготовить соседнюю комнату для Элизы, а также сообщить, чтобы собрали экипаж и пара крепких ребят привезла вещи дамы в дом.

- Ну вот, теперь будешь жить здесь, что ты хочешь на ужин?

- Не знаю, обычно я неприхотлива в еде, а, что ты обычно ешь?

- Ну, я тоже неприхотлив, обычно повар готовит что-то, а я беру то, что есть на столе и мне приносят и все. Если голодна могу приказать и сейчас все приготовят.

- Нет, попозже, я бы лучше приняла ванну.

- Сейчас, тогда я сейчас приготовлю, у меня крыло под купальню, сейчас. – Нахт заторопился, видимо хотел с ней.

- Ты тоже пойдешь?

Нахт встрепенулся.

- А ты хочешь?

- Ну, это зависит от тебя? – Элиза не поняла, что имел ввиду Нахт, но Нахт понял, что Элиза ничего не поняла.

- А, ну, я попозже, после тебя.
- Хорошо.

Нахт встал с кровати с некоторым трудом из-за чего Элиза встала быстрее него и помогла. Они пошли к крыльцу с купальнями.

- У тебя прямо целое крыло для купален?
- Да.
- А что у тебя еще есть такого?
- Необычного?
- Ну вроде того.

- Сразу и не скажу, хотя есть большой сад в теплице внутри двора, если хочешь можем потом туда сходить, там еще много птиц и некоторых других животных – грызунов в основном.

- Хочу, давай после ужина?
- Хорошо.

Нахт приказал приготовить купальни, после чего Элиза пошла с служанками в купальни, а сам он пошел ждать, когда привезут вещи Элизы. Через час не было ни вещей, ни Элизы, поэтому он пошел на кухню, чтобы посмотреть, как там подготовка к ужину.

Приход туда Редбаулинга вызвал некоторое удивление, ведь он никогда туда не спускался, а приготовление ужина ему всегда было не интересно.

- Господин, вы по какому-то делу? Есть особые пожелания для ужина? – к нему сразу же подошел шеф-повар.

- Нет, просто решил зайти, хотя, наверное, все-таки кое-что есть.
- Слушаю.

- Не делайте такой же стол как обычно, лучше подавайте по одному блюду, и я сегодня не один, а с дамой, поэтому подайте что-нибудь на десерт, но не слишком приторное, сделайте, что сейчас модно у дам, а еще не делайте основное слишком тяжелым, мы хотим потом еще пройтись, после ужина.

- Понял господин, что-нибудь придумаю.
- Спасибо, и сделайте потом для себя обязательно что-нибудь.
- Конечно, можно одно уточнение?
- Какое?
- Что подать из напитков? Как обычно?

Обычным был виски высшего качества в размере трех бутылок, которые Нахт выпивал за вечер в один присест.

- Нет, только не как обычно, давайте чай, сок и что-нибудь еще, но только не алкоголь, только не он.

- Понял, Мой Господин. «Наш» - мысленно произнес повар.
- Спасибо, ладно, работайте.
- Да, Господин.

Нахт ушел с кухни и узнал, что Элиза закончила принимать ванну. На самом деле место было и для Нахта, но он не смел как-то даже думать о том, чтобы сейчас находиться в том крыле. Его заводила лишь мысль об этом и он плохо начинал соображать. Элиза всем своим телом и словами показала, что она согласна, поэтому Нахту было еще сложнее он отлично знал, когда показывают флаги зеленого цвета, но сейчас другой случай. Ему было не хорошо от осознания, что в нем просыпается нечто то, чем он был в прошлом. За то лежание с Элизой он решил, что не будет тем, кем был – он решил меняться – быть более хорошим, чем он есть на самом деле. Луна стала пытаться заменить солнце, но оно никогда им не станет – даже при самой яркой луне – все равно будет ночь.

Он пошел в крыло к Элизе, куда по пути встретил ее в послекупальной одежде, которую ей выдали служанки – это была старая одежда прошлой хозяйки дома – матери Нахта.

- Не знала, что у вас здесь есть такая удобная одежда.
- Это должно быть мамино, никогда не видел...
- Купальни просто супер, не заметила даже, что прошло так много времени.
- Ничего, все хорошо, я скоро приду, твои вещи должны уже скоро привезти.
- Хорошо, тогда пойду и подожду их.
- Да.

Нахт уже не знал куда себя девать – иссохший мужичок – как оказалось не такой уж и иссохший – не врал Нахт.

Они разошлись, но по пути то и дело постоянно оглядывались, ловя неловкие взгляды друг друга. Служанки, видя это, были невероятно счастливы новой сплетне – у господина Нахта появилась дама! Так еще какая – сама Элиза Груссингер! Каким образом ему вообще удалось привлечь внимание шипов аристократической розы?

Нахт все же потерял из-виду Элизу и наконец смог немного успокоиться, но ненадолго, ведь его путь лежал в купальни, где все это время сидела леди. Переодевшись и зайдя туда, его голову стали дурманить картинки, созданные его воображением, в них была Элиза, которая сидела спиной к нему – ему не было видно ничего неприличного, просто он видел ее тут, Нахт понимал, что она прикрыта только полотенцем. Эти картинки он пытался убрать из своего сознания, но как всегда фантазия слишком сильна при сильном желании. Делу помогло только лишение себя зрения, когда он закрывал глаза он, хотя бы переставал видеть эти картинки, но даже так фантазия его не оставила – ему вспомнилась та темная ночь, когда тоже почти ничего не было видно. После чего ему сразу стало представляться, как она подходит к нему и нежно прислоняется со спины – это было чем-то столь необыкновенным, что ничего уже не могло помочь.

Нахт быстро встал и ушел в воду, где быстро опустился под воду и стал сидеть там под водой, задержав дыхание. Остудив голову таким образом он также резко встал и ушел из воды, а после и из самой купальни.

Элиза не на шутку дурманила голову Редбаулингу.

Нахт вернулся из купальни взбудораженным, переодевшись он ушел искать Элизу, но пришла служанка, которая сообщила, что одежда госпожи была доставлена, а дама ждет Нахта в трапезной для ужина. Он пошел туда в полном бреду – его состояние было неадекватным, но только в голове – снаружи он ничем не отличался от себя прежнего.

Дверь перед ним открыли, и он увидел ее – наряженную в изысканное, но в то же время скромное платье, которое подчеркивало все ее изгибы тела, заколдовывая этим Нахта – он буквально не мог оторвать от нее своих глаз.

- Прекрасно выглядишь. – Нахт попытался хоть как-то сдерживать себя.

- Спасибо, и ты тоже. – Элиза же была более спокойна, но внутри у нее также все кипело, что можно было заметить по ее сильно выпрямившемуся силуэту, который тянулся вверх.

Нахт попытался сесть, но немного запнулся от некого чувства волнения, которое до сих пор его не покинуло еще с купален.

- Можете подавать.. – проговорил Нахт слугам.

Они вынесли еду, она была изысканной, как и подобает богатейшему человеку города и чуть ли не страны, но в это же время было заметно, что повар попытался не делать его через чур вычурным, как того просил Нахт. Из напитков они могли предложить различного рода соки и слабое вино, но от последнего оба решили отказаться, порешив, что все-таки выпьют чаю из-за востока.

- Ты каждый день так?
- Ужинаю?
- Да.
- Да, каждый, а вы нет?

- Все-таки это намного дороже, чем наша обычная еда, хотя я слышала, что ты выставлешь перед собой огромные кучи еды, а сейчас я этого не вижу.

- Я попросил, чтобы в этот раз они этого не делали, потому что тут ты, мне казалось, что тебе такое может не понравится.

- Ну, как, во-первых, не решай за меня, а, во-вторых, от шикарной жизни я никогда не отказывалась – богатство есть богатство. Тот факт, что ты богат и просто пользуешься этим богатством говорит, что ты такой же простой человек, как все остальные, которые также пользуются всеми теми возможностями, которые дает им жизнь.

- Я даже не задумывался над этим с этой стороны.

- Но нет же ничего плохого, чтобы тратить деньги, если их у тебя много.

- Согласен, но, наверное, дело в том, как я их трачу?

- Если тебя это беспокоит, то разве не лучше просто тогда давать деньги нуждающимся?

- Я так и делаю, регулярные пожертвования, просто не от своего имени.

- А от какого?

- Всегда разные, но сумма примерно одинакова всегда, я только всегда переживал, что деньги не пойдут в то русло, куда я их отдал, но все в итоге хорошо – дети сыты, новые дома строятся и вроде все счастливы.

- Правда делаешь пожертвования?

- Да.

- Но почему не показываешь этого? Отношение людей могло бы измениться, после этого.

- Наверно, но в это же время, зачем мне нужно, чтобы меня считали каким-то хорошим?

Я делаю пожертвования не для поддержания хорошего статуса, а потому, что просто хочу. Это мой некий способ извиниться перед теми, кто не обладает тем, что есть у меня. – Нахт немного искажал настоящую причину своих поступков – на самом деле все эти пожертвования были начаты только из-за того, что как-то раз он очень сильно напился и пошел в какой-то приют, где его убалтали каждый месяц делать пожертвования, что закрепили документом. Когда на следующий день он проснулся, то деться уже было некуда. А разные они и вправду лишь потому, что Нахту не особо хотелось, чтобы люди думали, мол, он просто себя выгораживает, ибо я не просто алкаш богатый, а еще и щедрый.

- Я думала тебе все равно на мнение окружающих, и ты не особо сочувствуешь остальным. – Элиза смогла заметить, что Нахт все-таки что-то недоговаривает.

- Все так и есть, но все же нужно хоть иногда проявлять – это сочувствие?

- Возможно.

Разговор был ненадолго закончен, и они начали есть, никто с набитым ртом не проронил ни слова. Запив все это чаем, они оба стали просто сидеть и как будто что-то ждать, но чего им ждать? Такое молчание обычно у всех связано с тем, что они остаются наедине не всегда и обычно эти встречи происходят там, где тема для разговора берется сама собой, она не просто берется – она прямо-таки кидается вам в руки. Только, что делать в такой ситуации, когда обстановка просто не позволяет что-то найти в окружающем мире? Выходом являются просто откровенные разговоры – необходимо посмотреть себе и другому человеку в душу, но не с каждым мы готовы на такое пойти.

- Нахт.

- Да?

- Мне интересно, а сколько у тебя было девушек?

От такого вопроса Нахт поперхнулся чаем и начал сильно кашлять.

- Все хорошо?

- Да, все нормально... - он немного поправился на стуле и откашлявшись продолжил. –

А с чего такой вопрос?

- Просто ты много ходишь, и я многое слышала.

- Да, я много ходил и часто ходил, но зачем это вспоминать?
- В этом нет ничего такого – это нормально.
- Ладно, но ты правда хочешь знать?
- А ты можешь прямо цифру сказать?
- Цифру нет, но могу сказать, что почти все приличные публичные дома мною посещены и изведаны.

- И по сколько там было девушек?
- Обычно они принимали по 7 за день, но у меня же много времени и я весь день так сказать и проводил там.

Элиза была немного удивлена, что отражалось у нее на лице в глазах, которые от услышанного стало больше.

- А сколько борделей у нас в городе?
- Где-то 68 домов.
- И почти во всех?
- Да.
- И с каждой?
- Да.
- Ты папа?
- Может быть, да, наверно, но скорее нет, они их выбрасывают, если рождаются.
- Выбрасывают? – Элиза была уже мягко говоря в шоке.
- Да, они как балласт и никому там не нужны, но некоторые оставляют, просто с ними жить так труднее.

- И много ты там повидал?
- Достаточно, на самом деле те места полны отчаявшихся, они не могут оттуда уйти или что-то изменить, там остаются навеки, как будто попал в яму с скользкими стенами.

- Тебе там было хорошо?
- Первое время да, когда я еще был моложе, когда только начал так жить, то там было весело. Кутежи, пьянки, драки - много всякого. Интересное быстро закончилось и все стало, словно рутина, которую продолжал только из-за того, что мне больше нечего было делать. Тогда я начал больше обращать внимание и на других людей, общаться с теми девушками, они многое рассказывали: и о себе, как к этому пришли, чего хотят, кто к ним интересный приходил.

- И кто же?
- Много аристократов, твой отец тоже, кстати, туда ходил.
- Я подозревала, что он и вправду туда ходил.
- А твоя мама?
- Ей все равно, что делает отец, она считает, что женщина должна просто пресмыкаться перед мужем и не может иметь права голоса.

- Это как-то неправильно.
- Это недопустимо, я не хочу, чтобы мой муж ходил налево или ни во что меня не ставил.
- Я таким заниматься не буду.

Элиза скребнула ножом по тарелке.

- Все нормально?
- Да, а кто к ним еще заходил?

Элиза немного растерялась, когда Нахт заговорил о том, что в будущем, как ее муж, он будет ей верен и не будет того, что она описала. Это немного залило ее красками.

- Были и писатели, вроде даже много знаменитых, они как раз вроде потом выпускали книги с четким описанием всей жизни и обстановки в борделе. Настоящие творцы.

- На что только не пойдешь?
- Да, но меня очень позабавило, как один из них описал это в письме своему брату вроде.

- А откуда ты знаешь, что было в его письме?
- У меня есть люди повсюду, обычно они все присылают отчеты Филипу, а он иногда рассказывает мне что поинтереснее за ужином.
- И что там было в письме?
- Я это даже запомнил, как он там написал: «Я изучал их...да, мне нужно было узнать всю эту жизнь, и потому я ходил туда.» - вроде это был какой-то русский писатель.
- А кому он это писал?
- Вроде своему брату.
- И про это ты узнал у Филипа?
- Да, ты его должна была уже видеть, вы были вместе в комнате.
- Да, я с ним немного поговорила, точнее он со мной.
- Что он спрашивал?
- Ничего такого, но меня больше поразило, что он был уже в курсе происходящего в моем доме.
- У нас глаза повсюду.
- От этого даже как-то не по себе.
- Только благодаря этому Филип может с такой эффективностью вести дела, он всегда знает куда и на кого надавить, чтобы получить максимальную выгоду.
- Сурово.
- Таков бизнес.
- А где он сейчас?
- Ну, скорее всего в кабинете, он пропустил много работы из-за меня и скорее всего сейчас это все разгребает. У него остались дела еще с одной вылазки за мной, которая произошла недавно.
- Когда?
- Пару дней назад, я вроде сильно напился и отказывался куда-то ехать, звал к себе Филипа.
- Зачем?
- Этого я не помню, и я вообще мало помню из того дня.
- Зачем же так пить?
- В этом состоянии я не думаю, для меня нет прошлого, будущего – только настоящее – веселое и бурное настоящее. Мимолетное и слепое счастье – оно вело меня до сих пор.
- А сейчас уже нет?
- Теперь нет, мне больше не хочется так пить.
- Почему?
- Потому что рядом ты.
- Я настолько хорошо на тебя влияю?
- Да, ты делаешь меня лучше.
- Но ты все равно пьешь?
- Пью.
- Не хочешь бросить?
- А ты хочешь этого?
- Вопрос в том, хочешь ли этого ты, твое же решение, а не мое.
- Я хочу, чтобы ты была мною довольна.
- Тогда просто не напивайся да такого состояния.
- Хорошо, больше не буду.

Таким образом и продолжались их беседы, в которых Элиза то и дело узнавала Нахта, точнее его прошлое. Добравшись до десерта, они быстро его съели и приняли решение, что сейчас же пойдут в сад.

Дорога была близкой, буквально пара коридоров и перед тобой двери во двор, в котором стоит огромный стеклянный купол, который полон зелени до самого верха.

Ночь еще не обрушила всю свою темень на мир и разглядеть в этом огромном пространстве было еще чем-то посильным. Нахт приказал развесить везде лампы, чтобы Элиза могла все рассмотреть, и потому каждый уголок сада стал почти что светиться немного тускнеющим в один момент светом, а в другой очень ярким – это накрывало растения волнами, из-за чего казалось, что они по-настоящему живые, что двигаются, куда-то тянутся, говорят с тобой. Все то пространство было выложено тропинками из каменных плит с различными узорами, между этих плит выбивалась трава, которая придавала этому саду своей антураж, делая его более замечательным, словно отправляя в заброшенный и затерянный город, гуляя по тропам которого ты преодолеваешь различные невиданные растения.

От прикосновений к растениям с их верхушки начинали вылетать птицы, можно было услышать, как кто-то поет в далеке, а с другого конца оранжереи кто-то ей отвечал в унисон. Нахт захотел добавить в эту прогулку больше чарующего и приказал играть мелодии в углях оранжереи, но главное, чтобы музыканты не были видны.

Под эти песни рук человеческих и птиц, обитающих там, был слышен и ручей, который уходил куда-то, где слышны были плески воды – это был небольшой водопад, внизу которого был прудик, в котором плавали различные заморские разноцветные рыбы.

Но самым интересным там были именно растения, там были как самые гигантские кусты и травы, так и очень маленькие цветочки, которые выстилали собой огромное пространство каменных сооружений и изгородей. Ветви больших деревьев свисали гроздьями вниз, создавая собой шторы, пробираться через которые было веселым занятием.

Воздух был пропитан влажностью, а ноги чувствовали некоторую легкость при ходьбе, дышать было очень просто, а из-за изобилия самых разных благоухающих растений, воздух был пропитан некоторой пьянящей сладостью. Из-за него в саду хотелось оставаться навеки и никуда не выходить.

Зверьки, обитающие так, сопровождали Нахта и Элизу на всем их отрезке пути, от самого их прихода в сад, эти невидимые животные бегали в кустах, не показывая себя.

Элиза ходила то влево, то вправо, ее голова ни на секунду не останавливалась на одном месте, ее взгляд не мог там принадлежать какому-то конкретному месту, ее влекло там все, ей хотелось увидеть еще какое-нибудь новое и ей неизвестное растение. Про некоторые она только читала в книгах о садоводстве или просто о мировых растениях, но сейчас наконец смогла увидеть их вживую, за что была очень благодарна Нахту.

Ее взгляд особенно приковывали цветы, цветки которых были все самых разных форм и размеров, а также цветов. Каждый был каким-то уникальным, белые и маленькие цветки из 4 или 5 лепестков составляли пушистые бутоны на концах длинных стеблей. К ним так и хотелось подойти и немного пощупать, чтобы выяснить насколько мягкие эти цветы. Элизы только чуть-чуть притронулась к ним своими тоненькими, белесыми и длинными аккуратными пальчиками, как они провалились во внутрь этого соцветия, собранного из огромного числа маленьких цветочков.

Внимание привлекали и другие растения, которые немного пугали своим видом, они устрашали своим раскрасом, но в тоже время основная их часть привлекала, хотелось заглянуть туда. Одно растение вызвало у Элизы больше интереса, чем остальные там – это было растение, у которого была своя пасть. Она спросила у Нахта можно ли дотронуться? На что получила положительный ответ. Протянувшись к нему одним указательным пальцем правой руки и дотронувшись до ворсинок внутри этой пасти, она тут же захлопнулась, что напугало Элизу и она живо отдернула руку к себе. Нахт сдержанно смеялся, глядя на это, а Элиза и сама была веселой из-за случившегося розыгрыша. Когда-то самого Нахта так разыграл Филип, хотя он после такой шутки дулся до конца дня.

Хвойных растений тоже было предостаточно, для них было выделено отдельное место, где они выстроили целое игольное царство, но оно не казалось грозным, наоборот, оно захватывало и пленило, исходящей оттуда чувством спокойствия и некоего чувства доброты. Там казалось, что ты в большей безопасности, чем среди тысячи охранников. Элиза подходила к низам этих пушистых деревьев и ладонями проводила по поверхности тех ветвей, образующих некое одеяло, оно немного колело, но приятно, словно так слегка щекотало кожу, оставляя приятное чувство, после которого хотелось немного потереть пальцами ладоши, сжимая их в кулики и разжимая.

Нахт все это время шел за Элизой, которая не могла насмотреться на все это, ее взгляд, который еще никогда этого всего не видел был прикован к растениям, а взгляд, который уже тысячи раз бывал тут смотрел на новое для этого места.

Они дошли до прудика, где плавали рыбы, присели возле края и оба просто так отпустили туда свои руки, немного глядя иногда проплывающих рядом больших рыб, чья кожа была довольно мягкой, хотя с виду они казались довольно твердыми и упругими.

Свет в лампах начал немного гаснуть возле пруда, и стало уже почти совсем темно, но из травы и кустов, стали вылезать сверчки и светлячки, которые поднялись вверх и осветили собой все то пространство над ними, делая тот вечер еще более волшебным для Элизы, которая не могла перестать улыбаться и радоваться всему этому. Она ранее еще не видела столько всего и за раз, так еще и в одном месте. Они оба подсели поближе, протянули друг другу руки, сидя у края каменного пруда, освещенного светлячками. Немного касаясь плечами друг друга и глядя пальцами пальцы чужой руки, остались сидеть там до самой глубокой ночи, почти не разговаривая, а только наблюдая за всем.

Глава 12. Я тварь.

На следующий день Нахт позавтракал с Элизой, пробыл до обеда с ней – это, казалось бы, самое счастливое время для него – оно должно было принести ему много счастья, но приносило ли? Да, приносило, но то ли это счастье, которое ему нужно, хотя, что он искал? Вспоминая теперь, что Нахт искал в любви, можно понять – смысл жизни для него не в любви. Можно спросить почему же? Вот ведь, он счастлив с Элизой, но это счастье и любовь так и не изгоняют из него страх, в глубине души он остается собой прежним и каждое слово его о том, что он не хочет возвращаться обратно говорит лишь одно, он знает – заведи у него Элизу или Кинга – вернется все его старое, хотя скорее – временно исчезнувшее.

Все его попытки до этого, все его искания были сосредоточены на одном и том же. Как далеко он ушел в своих поисках? Может он и сделал много шагов, но лишь пара из них были вперед, остальные просто шаг в сторону.

- Нахт?

Элиза о чем-то говорила с ним, а он и не слушал.

- Да, что?

- Все нормально?

- Да, какие вопросы? Скоро должны приехать Кинг и Игната, да?

- Да, наверное, нам стоит переодеться, ты про это?

- Да, я о том же.

- Тогда пойду к себе.

- Конечно.

Они разошлись в комнаты, но Элиза была обеспокоенной – ей казалось, что он вел себя так из-за ее присутствия в доме. Она думала, что Нахта напрягает ее здесь присутствие. С одной стороны — это правда – Нахта она беспокоила, но не в этом ключе, хотя он и не находил в ней смысл жизни, но он все равно ее любит – это простой факт.

Нахт барахтался внутри головы, что же ему не хватает? Разве это не то, что он все время искал? Счастье, вот же оно, прямо за соседней дверью, что еще надо? Сколько можно желать, что еще нужно мне?

- Что мне еще нужно?

Нахт стал уже просто разрываться, если не в любви, то где? В ком оно есть, что еще надо?

Он переоделся и вышел в гостиную, куда уже должны были прийти Кинг и Игната, которые только-только приехали.

- Нахт, как самочувствие? – радостно подошел к нему Кинг, сразу по-дружески обняв и широко улыбнувшись.

- Все хорошо.

- Добрый день, Нахт, надеюсь Элиза тебя не теснит или у тебя большая кровать?

Это услышала Элиза, которая только что зашла.

- Игната. – сердито произнесла старшая сестра Игнаты.

- Ой...

- Не помню, чтобы ты так резко высказывалась.

- Прости.

- Ну ладно вам, она же просто пошутила. – успокоил их обоих Кинг.

- Давайте лучше присядем.

- Соглашусь с Нахтом.

Они все сели на диван перед столом, на котором уже были расставлены чашки с чаем. Нахт же сел напротив Кинга, возле которого счастливо сидела Игната.

- Завтра ты уезжаешь в Англию, да?

- Да, все верно.
- Не передумал еще? Мое предложение еще в силе.
- Нет, надо ехать.
- Вы уезжаете господин Кинг? Почему вы мне ничего не рассказали? – Игната была сильно расстроена.
- Извините, совсем вам забыл про это рассказать, но это было запланировано уже давным-давно, поэтому я не в силах что-либо изменить.
- А вы вернетесь?
- Может и вернусь, кто знает? Я точно пробуду там, где-то неделю.
- Довольно долго, а потом сюда?
- Может и загляну, я планировал посетить другие страны, посмотреть мир.
- Как интересно! А вы уже бывали где-то?
- Да, конечно.
- Слышал все англичане от мало до велика посещают многие страны, ваша страна сильно богата и почти каждый может себе позволить хоть какое-нибудь путешествие. Очень удобно, когда все обязаны знать твой язык.
- Соглашусь.
- Кстати, об английском! – начала Игната. – Я хотела к вам обратиться, Кинг, у меня небольшая просьба.
- Да, конечно, чего вы хотите?
- У меня есть книга, но она на английском, мне бы хотелось, чтобы вы помогли ее прочесть, так бы я еще и подучила английский. Не загляните сегодня? Вы говорили, что свободны.
- Сегодня? – Кинг необычно запаниковал, казалось, что он хочет избежать выполнения этой простой просьбы, но даже так Флюцберг, который не отказал бы даме без веской на то причины, все же хотел отказаться – это было видно и слышно, по его тону и мимике. – Да, я говорил, что свободен, но думаю сегодня не получится – это не может подождать до моего возвращения?
- Наверное, может, но все же мне бы хотелось провести с вами немного времени перед отъездом.
- Мы и так сейчас сидим вместе, дорогая Игната.
- Ох..., ну что вы... - от «Дорогая Игната» она прямо вся расцвела, ей было невероятно слышать такие слова от объекта своего воздыхания.
- Нахт, глядя на это со стороны, немного скосил взгляд, как-то иногда делает Филип на переговорах, обычно после этого другая сторона становится более напряженной. Этот взгляд чем-то ему самому всегда напоминал глаза орла или сокола, что грозно парит в небе и высматривает добычу под своей собственной тенью, что ложиться на бесконечную землю, постилающуюся до самого горизонта.
- Кинг почти сразу заметил это нехарактерное для Нахта поведение и сосредоточил на нем взгляд. Они переглянулись и вроде как оба что-то поняли для себя.
- И все же, Кинг, не могли бы вы все-таки помочь мне с книгой, хотя бы с первой главой?
- Я правда с радостью бы помог, но нужно еще собрать вещи.
- Хорошо, тогда в другой раз.
- Да, конечно, в другой раз я обязательно вам помогу с переводом и изучением английского.
- Элиза. – Неожиданно обратился Нахт к возлюбленной.
- Да?
- А может вы с Игнатой сходите в оранжерею? Она же точно всего этого не видела.
- И вправду, тогда мы ходим, а вы пока посидите, мы скоро. Игната, пойдем, я тебе покажу невероятно красивые вещи.

- Пойдем, а вы Кинг не хотите с нами?
- Я лучше посижу тут.
- Хорошо, тогда отдыхайте.
- Конечно, удачи вам там повеселиться, буду ждать рассказа о том, как вам там все понравилось.
- Обязательно!
- Игната и Элиза ушли, оставив Нахта и Кинга наедине.
- Итак. – Начал Нахт.
- Ты все же догадался?
- Ну как догадался, относился с подозрением, но потом поинтересовался у Филипа, он спросил у кого надо, тот покопался и вот нам всякого стало известно, а сейчас ты только подогревал сомнения.
- И что же тебе известно?
- В вашем подразделении были два интересных персонажа, не спросишь, чем они были интересны? – Нахт решил немного поиграться, ему захотелось побыть чуть-чуть деловым на вид, поэтому он закурил сигарету.
- И чем они были интересны? – С небольшим волнением в голосе спросил Кинг.
- А тем, что лица у них были одинаковые, вот прям близнецы нашли друг друга, однако один был из Англии – богатый и капитан, а возраст его был 30 лет, немного отличается от твоих 26. – После этого Кинг сделал такое выражение лица, словно при вранье он случайно проболтался о чем-то настоящем – оно было полно досады и смуты. – И звали этого англичанина Флюцберг Кинг, но вот его брат близнец был простым рядовым, а по национальности немец, как раз из нашего города. Лет этому человеку как тебе – 26 – это очень интересно не так ли, Кинг? Или мне лучше звать тебя, Элиус?
- Меня раскрыли.
- Честно говоря я удивлен.
- Не думал, что я могу скрывать подобное?
- На самом деле, да, для меня ты был очень честным и высокоморальным человеком, который всегда поступает по совести, а тут я узнаю, что ты мне все это время врал. Я дружу с преступником – это у меня впервые.
- Сдашь меня?
- Нет, зачем? Как я понял один из все же умер, а именно ты, но не Кинг.
- Да, лучше быть богатым англичанином, чем бедным, но гордым немцем.

Глава 13. Я помню.

Нахт стоял на палубе, он глядел вдаль бесконечного простора океана на пути к Англии. Прошло уже два дня с тех пор как они с Элиусом выдвинулись за деньгами в столицу Британии. Все это время Редбаулинга, неперестовая, терзала мысль о том, что он так и не попрощался с Элизой должным образом. Нахт понял – ему надо было встретиться с ней, надо было учесть этот момент времени, но этого не было.

Он насупился и оперся грудью о перила, свесив свои руки за борт корабля, стал томно вздыхать, словно сильно устал, хотя встал совсем недавно. Это состояние было ему не настолько привычно, точнее такого в таком размере он еще никогда не испытывал. Когда они с Элизой были вдалеке друг от друга, но в одном городе он мог с ней встретиться, и тоска по разлуке исчезала – он мог увидеть ее своими глазами, но сейчас все иначе. Он не может увидеть ее по своему желанию, не может обнять и прижаться лицом к ее плечу. Ох, как же Нахт карит себя за то, что не обнял ее на прощание, как же ему сейчас именно этого не хватает. Он хочет прижаться к ней, обнять при встрече и обнять на прощание. Его охватила неведомая по силе тоска. Единственное, что помогало ему в этом моменте было простое воспоминание о совместном времени. Как он ее встретил, как впервые взял ее руку, как катались на лошади, как лежали вместе в постели – счастливые моменты, оживляющие его, делающие его по-настоящему счастливым.

Он выбрал для себя, что это счастье не должно быть его настоящим – оно должно быть где-то еще, в чем-то еще.

Теперь на пароме Нахт перестал так говорить, как раньше, теперь Редбаулинг контролировал свою циничную натуру и ему даже начинает нравится то, как люди к нему относятся. На его доброжелательность отвечают тем же, а не как раньше грубостью, потому что в былое время Нахт бы грубил, как обычно, но не сейчас. Конечно, он продолжает подмечать то, как люди просто претворяются, что рады ему, ему прекрасно известно – ни один человек не желал ему доброго дня по-настоящему – все это было лишь проявлением вежливости и не более. Все эти маленькие раздражающие разговоры с надоедливymi людьми, которые тебе даже не интересны. Их тошно слушать, кажется иногда, что чем больше ты стоишь рядом с этим человеком, рассказывающим о своей жизни или проблеме на работе или еще где, тем сильнее ты заглушаешь его голос у себя в голове. Слушать его не хочется, но вот из вежливости надо, общепринятое правило хорошего тона, Нахт по обыкновению своему не любил эти глупые правила и рушил их, но сейчас по наставлению Элиуса пытается переосмыслить эти правила. Может все люди, которые их соблюдают получают что-то от этого? Какое-то чувство единства может? Или удовлетворение от того, что кто-то сделал им комплимент, хотя если подзадуматься это была простая фраза и тот человек, сказавший это, просто выплюнул слова и не более. Может и так, но эллюзия того, как ты приятен окружающим, как они тебе рады, как тебя все любят – это очень приятно, оно дарит чувство такой некой радости. Оно не похоже на то, что Нахт испытывал при нахождении рядом с Элизой, то было чем-то возвышенным и украшенным очень сильными эмоциями, а все вот это такое простое, легкое и, главное, приятное.

Редбаулинг выпрямился, оперся о трость, а после начал движение внутрь парома к своей каюте, сегодня они приплывают и надо бы подобрать вещи. Благо их немного, много лишь денег – все, что нужно в поездках Нахт покупает, проще купить новую одежду, чем возить с собой целый гардероб всяких пиджаков, пальто и прочего. Тем более сходить на шоппинг дело приятное, можно прикупить себе что-то иное и может разнообразить коллекцию.

Ему на встречу по коридору шел Элиус, который, как только увидел друга стал весел, хотя и не скажешь, что до этого его настроение было плохим, скорее тоже хорошим, но сейчас просто стало еще лучше.

- Идешь к себе?

- Да, думаю собрать вещи.

- Может сначала на завтрак?

- Там опять будет этот козел со своими шторами и табуретками, я устал уже слушать, как он их выбирал, как ему его жена мозги выносила, что цвет не тот, что стиль не тот, я не выдержу, я его той китайской вазой прибью, которую он для своего ангелочка везет. – почти с дергающимся глазом говорил с горяча Нахт.

- Хорошо, отдохни, ты молодец, что до сих пор держишься.

- Да я сам себе удивляюсь, ладно, я пошел, поем потом.

- Могу тебе отправить слугу.

- Да, давай, поем в каюте.

- Хорошо, жди, увидимся.

- Да.

Элиус продолжил свой путь в трапезную, где его встретил тот самый мужчина, спросивший, где Нахт, услышав этот вопрос Элиус засмеялся, а потом, говоря, что просто вспомнил шутку, врал, мол тот еще спит.

Редбаулинг быстро собрал свои вещи, его чемодан был очень легкий, чтобы он мог самостоятельно его таскать хоть весь день и не устать. Хотя он и заметил, что иметь дружбу с Элиусом очень выгодно – он носит все сумки.

Нахт лег на кровать и закрыл глаза, когда он уже почти заснул, его потревожил слуга, принесший ему еду. После неплохого завтрака жить стало как-то приятнее, свет светлее, а небо голубее. Делать, однако было все равно нечего, поэтому на помощь пришло чтение книги. В этот раз не любовный роман, а детективный, Нахту хотелось отвлечься от мыслей об Элизе, ему, конечно, было бесконечно приятно представлять, как он ее увидит, как она ему обрадуется, как на шею бросится, но сейчас надо было сосредоточиться на «работе», а именно над придумыванием плана, как забрать деньги настоящего Кинга, если этот по-английски может разве что чай выпить, оттопырив мизинчик в сторону под нужным углом. Но думать, к счастью, долго все-таки не пришлось, ведь как оказалось деньги может забрать и доверенное лицо, просто надо иметь при себе разрешение с подписью этого человека и его печать, что у Элиуса было, поэтому вчера они вместе немного покорпели над документом и все, чтобы обмануть банк у них теперь имеется. Остается лишь дойти до банка и забрать все деньги. С таким раскладом Нахт мог просто лежать и наслаждаться чтением и иногда пытаться уже самостоятельно глушить мысли об Элизе, когда в сюжете появлялась какая-нибудь мадам – все женщины напоминали ему его любимую, он может думать лишь о ней, если дело касается какой-то женщины.

Чтение на этот раз прервал стук не слуги, а Элиуса, который только недавно закончил есть свой завтрак.

- Собрал вещи? – Поинтересовался ненастоящий Кинг у Нахта.

- Да, а ты?

- Еще вчера, - радостно ответил Элиус, садясь на край кровати к другу - как я все-таки рад, что ты со мной, деньги снять будет проще простого.

- Да, а мне вот интересно стало.

- Что именно?

- Ты вот в армию пошел почему?

- Потому что выбора не было - меня призвали, а ты сам знаешь, если не пойдешь, то казнят. Мне и подумалось, что лучше пойти, поди доживу до конца и смогу выслужиться.

- Значит тебя просто заставили.

- Да.

- А сам бы ты пошел добровольцем?

- Скорее всего нет, в планах моих было вообще пойти работать куда-нибудь, например, на твой завод или стройку там.

- Получается, защищать свою родину ты не хотел?

- Слышать от тебя такое – это, конечно... - С иронией проговорил Элиус.

- Знаю, просто, когда ты еще не раскрыл себя, то мне думалось, что ты очень патриотичный и борющийся за справедливость.

- Ну, патриотичный я или нет – не знаю, но сказать, что родину я не люблю, тоже не могу, просто тут в чем дело, когда я жил, как Элиус, то жизнь была плоха, даже медалей особо не давали и никак не повышали, все заслуги забирали себе старшие по званию, а как только я «переметнулся», то жизнь заиграла новыми красками – лишь в шкуре иностранца я смог стать довольным своей жизнью.

- Забавно выходит, своя страна ничего не дала, скорее даже попыталась отнять последнее, что ты имел, а вот союзная – аж вторую жизнь дала, наполненную все тем, что обещала дать родная страна.

- Так и есть, но обижаться на страну или любить ее за такое? Я не знаю, просто это дом, а о родном доме плохо не говорят, каким бы старым или порушенным он ни был.

- Почему же, кто запрещает? Это будет фактом, а ты просто это будешь констатировать и все.

- Нахт, не забывай, ты пытаешься отойти от цинизма, а сейчас ты говоришь, как обычно.

- Точно, но ты и меня пойми, бесконечно носить эту маску «хорошего Нахта» - это для меня какое-то извращение.

- Но ты же говорил, что тебе вроде нравится?

- Нравится, что люди больше не грубят, но это будто не то, что я искал...

- Подожди чуть-чуть, это не маска, а просто соблюдение норм, не надо думать, что это не по-настоящему тебе рады, просто, а почему тебе должны быть рады? Как минимум давай начнем с этого.

- И не должны, но зачем тогда, если не должны, они все равно ведут себя таким образом? Почему обязательно надо поздороваться и еще какую-то беседу завести? Шли бы лучше себе шлюху сняли и с ней поболтали.

Последнее рассмешило Элиуса и он немного сидел, отходя от своего хохота и все больше накидывающего Нахта, заметивший, как его друга такое рассмешило.

- Может и так, - чуть-чуть запыхайся говорил Элиус – но ты сам подумай, когда они говорят «доброе утро» - это, конечно, не значит, что они прям хотят, чтобы твое утро обязательно было добрым или, когда они там, желают тебе успехов, да это не значит, что они правда тебе этого желают, но в тоже время – это и не значит, что они тебе желают плохого, подумай над этим. – Закончил Элиус высказывание своей точки зрения по поводу ношения этой его «маски», которую он и не носил – она просто была частью его самого, он сам был этой маской – воплощением хорошего, просто запачканного в не совсем «хорошем» деле.

- Тут и думать нечего, если они ничего в итоге и не желают мне, то пусть проходят мимо, зачем обращать на себя внимание?

- Внимание на себя никто не обращает, просто они здороваются и интересуются, чтобы убить скуку.

- Убивают скуку, а получается так, что сами ей становятся, докучая мне.

- Так ты тоже кому-нибудь подокучай – это весьма такое интересное дело, попробуй.

- Не особо то и хочется, мне вообще начинает казаться вся эта затея в крайней степени сомнительной, эффект есть, но это не мое.

- Говорю же обожди немного, все будет, но не сразу.

- Да и не факт, что у меня.

- Опять ты за свое.

В таком настроении они продолжили проводить свое время до самого приплыва в порт Лондона, откуда они сразу поехали снимать номер в шикарном отеле. Разложившись, они, не теряя времени, решили произвести вылазку в банк, где немного понаблюдали за обстановкой. Убедившись, что все в городе и банке спокойно, было поставлено – завтра состоится поход в банк с заранее подготовленным документом. Нахт по этому случаю даже купил новый наряд и заодно подобрал новые вещи Элиусу, чтобы тот не смущал всех своим мундиром, который он постоянно носил из-за неимения больше нормальной одежды. Теперь он походил на настоящего английского джентльмена, как в общем то и сам Нахт, хотя много в его образе не поменялось.

Всю эту ночь он провел в неких размышлениях над словами своего друга, придя к выводу, что ему больше ничего не остается, кроме как последовать его примеру. Все это сильно его тяготило, но, вспоминая про опустошение от неполноты того счастья, что Нахт испытывал, находясь рядом с Элизой, он все-таки отбрасывал эту мысль и шел вперед, однако в эту ночь сон так до него и не дошел.

Солнце взошло, лучи сей звезды вбивались колючими в глаза не спавшего, проходя через окна номера. Глаза болели, но веки не смыкались, огонь начал сжигать его снаружи, доводя до ощущения большой бодрости, которая угнетала, давая сил. Их было столь много, что аж до боли – болон в 78 литров наполнили на весь центильон. Нахт ходил вперед и назад, бродя туда, куда он уже приходил, он не искал, а лишь повторял и не искал тому конца, и не было тому конца. И слагал в ходу того сего действия курсивом прозу никому неясную – бредни полно было слово его, произносимое курсивом.

- Весь мир, весь мир, неправ, неправ, я, я, это, это, я, я... Я, я, буду, буду, цел, цел, счастлив, счастлив... Жизнь, жизнь, люблю, люблю, и Элизу... еще Элизу... День, ночь... - и не очнулся Нахт, лишь заснул пуще прежнего, выбивая луну из сердца.

Он услышал стук в дверь, открыв ее пред ним предстал уборщик номеров.

- Здравствуйте, уборка номера? – лукаво улыбаясь, давя будто из последних сил улыбку, этот уборщик хотел выполнить свою работу.

- Да, конечно, проходите.

Уборщик зашел в комнату и стал убираться.

Нахт же оделся и ушел прочь.

- До свиданья! – Сказал Нах..нг..

Уборщик удивился, что с ним попрощались, но ответил таким приветливым обращением довольно грубым молчанием.

Ки...хт, не обратил на это внимание и пошел вниз из отеля, нужно было прийти в оговоренный заранее ресторан, чтобы уже оттуда пойти на дело.

Он шел вдоль дороги, где ехали кареты, чьи колеса попадали в лужи и отдавали брызгами в стороны. Грязная вода оплеснула штанину, запачкав ее, он посмотрел вслед уезжающей кареты, откуда кучер чуть вылез и попросил прощения.

- Извините! – это было неискреннее извинение, скорее автоматическое, будто он уже столько раз обрызгивал людей, что уже стало обычным делом кинуть какое-нибудь слово в какую-то сторону, а кому и за что не имело особого значения. Такое поведение только злит, раздражает, нормальный человек бы разозлился, как-нибудь этак обозвал кучера, так сделает и Нахт.

- Ох, ничего страшного! – И не было в его голове злобы, слишком идеально. Странные слова для Кинга, ох, стоп, это же Нахт, слишком похожи они стали.

Нахта переключило, взбудоражило, затрясло, чувство тошноты возникло на корне его языка – ему стало откровенно плохо, а Нанг шел вперед в ресторан и не переживал, но кислотности чувство во рту не прошло.

Раз, был сделан шаг до ресторана.

Два, приблизился он еще на шаг к заветной двери.

Три, обратил на него внимание хостел.

Четыре, Нахт одним глазом на него взглянул.

Он зашел в ресторан и уселся за забронированный столик, после чего почти сразу к нему подошел официант.

- Здравствуйте, мое имя Генри, сегодня я буду вашим официантом, вот ваше меню, когда определитесь с заказом позовите, я буду неподалеку.

- Нет, я много не закажу, лучше принесите чаю, пожалуйста.

- Конечно, зеленый или черный?

- Черный, пожалуйста.

- Хорошо, чайник?

- Да, пожалуй.

- Скоро принесу, отдыхайте.

Он говорит, внутренне крича и царапая грудную клетку от безумия того, что происходит.

Чай принесли, после медленного опустошения пары чашек пришел и Кинг.

- Прости, Нахт, я задержался. – Сказал Элиус, садясь за стол.

- Ничего страшного, что-то случилось?

- Нет, просто меня обрызгали при выходе, и я вернулся обратно, чтобы поменять одежду, вижу и тебя обрызгали?

- Да, но не страшно.

- Правда? А что ты сделал с тем, кто тебя обрызгал? Поди не сдержался и бедолага уже где-то мост ищет? – пошутил Кинг.

- Нет, с чего это, обрызгал и обрызгал, бывает.

Произнесенное сейчас очень поразило Элиуса, он не мог поверить свои ушам, этот человек, что пред ним сидит – это точно Нахт говорит?

- Вот как, вижу ты прислушался к моим словам? Ты отлично справляешься.

- Что, ты, о чем?

- Раньше бы ты словесно уничтожил виноватого, а тут ты говоришь «бывает», поразительно. – Кинг был и вправду под большим впечатлением.

- Я раньше... может быть.

- Тебе все же хорошо теперь? Выглядишь довольным, но будто тебя что-то беспокоит.

Лицо его было странно болезненно, будто онкобольной живет последний свой день на земле и старается быть хоть чуточку счастливым, хотя на самом деле глубоко несчастен.

- Я счастлив... - произнес он.

- Вот как, хорошо, говорил же, надо чуть-чуть подождать и все точно будет. – Кинг думал, что сейчас будет фраза, подобная прошлой, но этого не произошло.

- Теперь все есть. – его нижние веки розовели и отдавали небольшим фиолетовым бликом.

- Ну ладно, может не будет терять времени? Пошли, лучше с этим быстрее закончить.

- Да.

Они вместе пошли к банку, где все прошло по плану, деньги были взяты и за успех операции было решено, что сегодня Кинг проставляется.

Гуляли они долго до самой ночи, где один решил, что ему хватит, а другой стоял на лестнице моста и глядел в чистое и беззвездное ночное небо, от этого оно было будто бы полно ужаса – темное и ужасное, страшное. Свет боится мрака. Свет освещает все так, что все становится кругом белы бело, что хорошего в таком месте? Где, чтобы не ослепнуть, надо быть слепым.

Он сошел вниз, где услышал пение, но одновременно гнетущее и веселое, там был какой-то бар, куда тело его шло само, хотя что-то непонятное тянуло домой в постель. В этом уве-

селительном месте он будто был впервые, не было у этого света опыта тьмы. Его соблазнила куртизанка, с которой он сам не понял, как оказался уже на верхнем этаже, она уже разделась и начала снимать одежду с него, который лежал на постели и не шевелился, его сознание тускло, голова кружилась, что-то билось, но не сердце – это было похоже на то, как разбивается бокал.

- Какой-то ты неактивный, но ничего, раз тебе так нравится...

Рука была вытянута вперед, она оттолкнула блудницу, работающую за деньги.

- Что ты творишь? – Куртизанка ударилась об пол.

- Уходи.

- А деньги?

Он взял бумажник и кинул ей в ноги, она подобрала его, а после, когда посмотрела внутрь ее озарила невероятное счастье, в тот же миг она, подобрав свою одежду и не до конца натянув свои панталоны, выбежала из комнаты.

Тускнеющий свет встал и подошел к раковине, где омылся струящейся водой в этой комнате, похожей больше на какую-то пещеру.

Нахт вздохнул и выдохнул, глубоко, так, словно наконец пришел в себя. Редбаулинг взглянул на кровать, после чего вспомнил, что почти совершил, ему сразу же вторым пришла в голову Элиза, от сочетания этих двух картинок Нахта смутило, после его сразу же вывернуло на пол.

Он откашлялся, снова омылся и прополоскал рот от остатков желудочного сока, оставшегося на его зубах. Тьма спустилась вниз и села за барный столик, под сопровождение песни, на звуки которой тело его сюда и пришло.

«Я буду счастлив пустоте, и ты мой друг прошу молчи, ты лишь молчанием сумеешь мне помочь...»

Нахт заказал себе пару рюмок крепкого алкоголя, но заплатить было нечем только там он понял, что кинул тогда весь бумажник. Неожиданно какой-то старик вклинился и крикнул.

- Я за него заплачу, наливай Боби.

- Ладно, Гари.

Нахт взглянул на этого старика, он улыбался, как не улыбался никто в его жизни, так, словно перед ним был сам бог.

- Денег нет?

- Нет.

- Странно, вроде на бедного ты не похож.

- Бумажник потерял.

- Понятно, а чего один пьешь?

- Тебе какое дело? Отвали.

«Шакал могилу раскопал, останки слопал гриф. Буран страницы раскидал, жара сожгла курсив...»

- Какой ты неприветливый, еще и не здешний ведь, ты откуда?

- Я тебе говорю, отвали. – Сказал Нахт.

- Немец что ли? По акценту немец, угадал?

- Ты глухой?

- Со слухом у меня все прекрасно, ну так?

- Немец я, доволен? А теперь оставь меня.

- Я за тебя заплатил, а ты так груб.

Нахт немного покачал головой, он понял, что это и вправду не дело, ибо за него заплатили, а в баре свои порядки.

- Что тебе надо?

- Интересно просто, почему богатый на вид немец сидит здесь один без денег и выглядит так, словно недавно воскрес?

- Воскрес? Можно, наверное, и так сказать.

- Что же у тебя такого случилось?

- Запутался я.

- В чем?

- Это личное.

- Все сказанное ночью в баре под выпивку, остается здесь и выходит наружу вместе с выпитым, так что рассказывай, не беспокойся.

Нахт и сам похожим образом подсаживался к таким, как он сейчас – несчастным.

- Я хочу быть счастливым, ищу счастье, и почему вообще живу.

- Пока неудачно?

- Сложно сказать, я нашел счастье, в женщине.

- А как зовут?

- Элиза.

- Красивое имя, и как у вас? Хорошо все?

- Да, она дала мне счастье, но это будто не то, я понял, что, если не будет ее и других, все пропадет – счастья не будет.

- Знакомо.

- У тебя кто-то есть старик?

- Была, но умерла 3 года назад.

- Ты оправился, после ее потери?

- Да, хотя сначала было плохо, мир такой серый был, год ходил, как заколдованный, а потом как-то сел на лавочку и все стало хорошо, счастье будто нашел, точнее оно меня само.

- Ты правда сейчас счастлив?

- Да.

- Но у тебя нет жены?

- Нету.

- А друзья есть?

- Были, но и они умерли.

- Ты богатый?

- Не сказал бы, что-то имею чего-то нет, мне хватает с головой.

- То есть, у тебя по сути ничего нет, но ты счастлив?

- Видимо так и есть.

- Как?

- У тебя видимо все есть?

- Да, все, даже больше, чем просто все, я могу иметь даже больше, если только захочу, просто цену знать надо.

- Только цену? Интересные мысли, хотя ты, наверное, не задумывался над этим, но ты вечно где-то и в чем-то счастье искал?

- Да.

- А ты вот скажи, что я имею?

- Ничего?

- Нет, кое-что я имею.

Нахт начал думать, что такое он имеет, если у него нет ничего, кроме своей жизни... Своя жизнь, неужели оно?

- Свою жизнь? – с надеждой спросил Редбаулинг.

«Но завершается мой путь, теперь спокойно не вздохнуть, ведь тут легкие ошпаришь кипятком...»

- Именно, я счастлив, несмотря ни на что, ведь мое счастье лишь во мне самом, а не в чем-то или в ком-то. Раньше, когда жена была еще жива я чувствовал это, что мое счастье лишь семейное, я не имел личного счастья, его не было, но теперь оно у меня есть.

- Но как ты его нашел?

- Не знаю, говорю же, на лавочку сел, и все. Ты главное знай, не теряй себя.

«Мне плевать на вашу светлую рать, банальны ваши чудеса...»

- С этим я вроде плохо справляюсь.

- Держи хвост торчком, я счастлив лишь потому, что не притворяюсь, я делаю так, как хотел бы, говорю, что хочу, я делаю, что хочу – так, как я сам бы этого хотел.

Нахт понял, что все сделанное им было зря – это лишь навредило ему, счастье надо было искать именно в себе, а в ком-то еще, глупость, все было так глупо, и так просто.

«Сносить ваш убогий быт, лучше уж в аду сидеть, пусть даже лавром и лавандой он увит...»

- Спасибо, вроде, теперь я понял, что должен делать, мне надо немедленно вернуться обратно.

- Вот и хорошо, иди.

Нахт почти бросился от того места, напрямик в отель к Элиусу.

«Они юродствуют, а я спускаюсь в ад, они юродствуют, а я спускаюсь в ад.»

Глава 14. Возращение.

Нахт прибежал напрямик в комнату к Кингу – он ворвался прямо внутрь, тот даже не вскочил, настолько крепок был сон. После того, как он потаскал его за плечи во все стороны вместе с громкими словами о том, что надо быстрее возвращаться, хотя они больше походили на крики – тот проснулся. - Тише, не ори, что случилось? – Элиус был ошарашен происходящим – перед ним стоял не Нахт – это был другой человек – намного эмоциональней, что ему не так свойственно. - Я не должен был ехать, все было ошибкой, мне не следовало бросать Элизу, я должен был остаться с ней – мне надо к ней. - Соскучился получается? Ну ладно, завтра же с первым паромом отправимся, хотя я надеялся, что мы по городу ходим – отдохнем, но ладно, потом видимо? - Потом, все потом, а сейчас надо обратно. - Сейчас паром ты не найдешь, иди спи, завтра мы сходим, купим билет и отправимся, идет? - Это долго, слишком долго, надо сейчас же вернуться обратно, прямо сейчас! - Я не волшебник, тем более нас некому переплавить отсюда обратно на родину, завтра еще можно кого-то найти, но не посреди ночи, поэтому иди спать – ты устал, я по глазам вижу. Завтра – все завтра, когда расцветет. - Нет, тогда я один кого-нибудь найду. - Ладно, иди ищи, а я буду спать, если найдешь такого человека, то без меня только не уплывай, хотя, если уплывешь записку или письмо оставь, чтобы я знал. - Хорошо. – Нахт ушел на поиски человека, который вернет его обратно. Он проходил всю ночь, но так никого и не нашел – стало ясно, что Кинг был прав, сейчас найти паром было невозможно, поэтому Нахт все-таки послушался друга и вернулся обратно, только, когда вернулся, то уже рассветало и пока Нахт спал, Элиус вместо него ходил и искал паром, который был им успешно найден и заказан. Это был ближайший корабль, на котором можно было доплыть до пункта назначения. Кинг прекрасный товарищ, который оправдывает мнение о себе – его жизнь, создаваемая им полна справедливости в отношении окружающих, он не кичится статусом, положением, не использует силу во зло, хотя такого, как Кинг можно было бы назвать истинно атлетом, однако он не такой – он выше этого. Его мораль превзошла устои людей – ему не нужен Бог, чтобы жить праведно, но он не отвергает религию, наоборот, находит в ней больший смысл, во-первых, для окружающих, а только потом для себя. Словно это задача и смысл жизни – помогать остальным. Только вот жизнь несправедлива к людям подобным ему, вместо того, чтобы написать в их судьбе счастье и сшить нитку без единой усечки, жизнь полна страдания и боли. Элиус родился в Германии в семье, где денег не было – он был нищим. Отец ушел, когда мальчику еле-еле исполнилось 5 лет, а мать была задавлена каретой на улице, когда тому было 11 лет, единственным человеком, который остался в его жизни была бабушка. Она заботилась о молодом лжеКинге, как могла, но все было хорошо, пока бабушка не заболела. Болезнь была долгой, а старушка упрямой, но из-за возраста она все-таки сдалась и Элиус теперь был полностью один в свои 17 лет. Он работал, как мог, выживал, как мог, рос, как мог, но, что может один такой паренек, как он? Все могло бы и наладиться со временем, но в итоге, началась война, его призвали в 23 года и, как ему раньше казалось выживание превратилось уже в жизнь, а пребывание на фронте в выживание. Хотя армия дала ему то, что он не мог получить, но угроза смерти перекроет любые награды – ничто не имеет смысла в гробу, простая корона на отрубленной голове короля. Элиус жил так именно до встречи со своим капитаном Флюцбергом Кингом, который имел немецкие корни, хотя был англичанином по происхождению, поэтому его и направили в немецкое подразделение. В то время привычный Элиус не был таким, как сейчас – это был отчасти дикий, резкий, обиженный на жизнь человек, который много пил и курил, ведь больше способов бороться с тревогой не было, хотя эти вещи лишь усугубляли положение дел – оно никак не помогало. Встреча со своей противоположностью со своим лицом – это страшный сон? Сложно себе такое даже представить, что, если бы мы увидели человека с лицом Нахта, но ведущий себя, как Кинг? Жуть, хотя именно так себя

он недавно и вел, только вот Элиус другое дело – он не имеет возможности менять мнение, он ничего не имеет. Думать о том, как поганен этот мир может лишь тот, у кого все хорошо. Смысл жизни – бесполезное понятие, о котором Элиус и не думал до встречи с Кингом, тот открыл ему глаза, он стал ему не просто другом, учителем и капитаном – он стал для Элиуса тем, кем тот хотел быть. Он менялся, глядя на него, он бросал курить и пить, он ходил всегда за ним, он тренировался с ним, отдыхал, когда отдыхал Кинг – он перенимал все то, что было у него, становясь им, но Флюцберг не был против, ему было радостно, что человек меняется в лучшую сторону. Он научил Элиуса вещам, которые он должен был знать, поведал свою философию и научил ее соблюдать, даже, когда очень тяжело. Капитан Флюцберг Кинг, человек, который был королем без короны – правитель морали и ее защитник. Он оставил перед уходом именно Элиуса, который не может измениться, ведь тот, кто ничего не имеет не может что-то сделать в отношении себя или других, закрепив в нем себя, Кинг умер, оставив после себя свою копию, которая лишь растет и улучшается. Король будет всегда. Прошло два дня с тех пор, как Нахт опомнился от терапии Кинга – это был для него, словно разряд тока, хотя для него такое было полезно, как он, потом подумал, ведь смог пересмотреть свои взгляды, а главное: отношения с Элизой, связанные с его счастьем. Теперь было ясно, что Элиза – это часть его жизни, часть счастья – оно не его личное – оно общее для него и Элизы. Какое счастье важнее? Личное, которое хранится внутри человека или то, которое хранится в других? Или важнее чужое счастье, и мы не должны заботиться о своем счастье? Сложно ответить? А разве должно быть сложно отвечать на образный вопрос? Все зависит от того, как ты это воспринимаешь, Нахт не имеет четкого личного счастья – он всегда искал счастье в других, ошибочно принимая радость за счастье, но вот есть Кинг – он счастлив, хотя тоже не так часто радуется, как и Нахт, тем не менее он счастлив, как сам и говорит. Элиус заботится об окружающих, но может обойтись и без этого – его забота лишь результат, а не намерение доброты, которую он имеет. Деяния и результат, деяние без умысла, словно так и надо – Бог не нужен. Нахт лежал на боку в каюте и записывал стихи в блокнотик – он сильно тосковал по любимой, из-за чего пришел к этому. Его стихи глупы и скорее напоминают прозу – он не умеет их писать.

Тебя я помню – забыть не могу
Жизнь загублю, но вас
полюблю
Полюблю настолько, что буду жить,
Дышать лишь вами;
Я вас в голове рисовал,
Вас я хочу во всех мирах,
В любых
видах ваших,
Лучше нет вас;
Зачем я есть, если не с вами
рядом?
Простите, прибуду скоро к вам
Подождите, все желания
исполню
Просите, что хотите
На руки возьму – до небес донесу;

- Элиза... - Нахт хотел быстрее до нее добраться – разлука именно сейчас показала себя во всей красе, стало ясно насколько нахождение вдали от нее невыносимо. Он готов был вешаться и лезть на стену – лишь одно спасало его, знание о том, что Элиза любит его и желает быть с ним. Она и он доверяют друг другу – это спасало. Делать было нечего и Нахт закурил из свертка, почти сразу сон подступил к нему, но голова уже лежала на подушке – происходящее было словно всплески и вспышки. Не было ничего постепенного – это были обрывки, словно какие-то воспоминания, хотя все происходящее было настоящим, глаза как призмы смотрели на мир, ломая свою роговицу, чтобы мир был настоящим, таким, каким его подсознательно хотел видеть Нахт. В этом мире была Элиза, стоящая возле высокой березы в роще – она была одета в тонкое платье, казалось, что оно полностью просвечивает абсолютно каждый сантиметр ее тела, хотя так и было. Она звала Нахта, а он, после этого, словно уже там стоял, как будто изначально он был подле нее. Она взяла его руки и прижалась к ним, постепенно все ближе приближаясь к нему сама, соприкоснувшись своим телом с его телом, Элиза направила руки Нахта под свое платье. Нахт ощущал мягкость ее кожи и ткани этого платья

– оно было мягче и легче самого тонкого шелка на свете. Ладони ласкали ее сверху, тихо идя вниз: шея, он чувствовал, как кровь течет в ее теле, как пульсируют сосуды, как она неровно и часто дышит, когда он дошел до груди, то чувствовал, как она поднимается во время дыхания, чувствовал, как бешено стучит ее сердце. Она отпустила их ниже до тали, он проводил их нежно и аккуратно, гладил, немного поворачивая ладони, прижимая пальцы и уменьшая расстояние между ладонью и ней. Руки рвали платье, но отпускались еще ниже до самых ног, где встретились 4 руки – платье упало. Адам и Ева не имеют стеснений – лишь они одно – только для друг друга. Это ведение прервал Кинг, который пришел к Нахту, он пытался до него достучаться, но тот не отвечал, поэтому в ход пошла холодная вода, после которой Нахт немного, но пришел в чувства. – Ты зачем это на корабле делаешь? – возмущенно спросил Кинг. – Нечего делать... – без сил говорил Нахт, от содержимого из конверта часто бывает потом плохо, особенно, когда выводят из транса. – Такое хорошее ведение было, мы уже почти... а ты... – Нахт видно был сильно вскипачен, разлука... – Да ты дымишь на все каюты, прекращай, давай ты этим займешься потом, только не на корабле, а если делать нечего, то давай поговорим. – Видимо Кинг очень беспокоился за состояние друга и то, что содержимое из конверта не было чем-то законным – богатые делают, что хотят. – Нет, я буду спать, не хочу говорить. – Отвернувшись от Кинга, сказал Нахт. – Ладно, но это я заберу. – Как хочешь, а сколько еще плыть? – Завтра прибудем, ладно, раз хочешь спать, то спи, пойду тоже прилягу. – Ну, иди... – Нахт практически моментально отключился. Он понадеялся, что вернется в свой мир, который хотел видеть, но не оказался там, вместо этого была пустота, точнее ничего не было. Нахт уснул, а потом проснулся, хотя он по странному ощутил, как спал, словно знал, как спал и мог управлять этим. Странное ощущение не вызывало какого-то сильного интереса, поэтому о нем быстро было забыто. Только вот проснулся Нахт не днем, а по среди ночи, что не есть хорошо, теперь его ожидает тоска, которую ничем не унять и не занять. А Кинг, как на зло забрал единственную вещь, которая помогает в такие моменты расслабиться, но, что тогда делать? Не понятно. В поисках того, чем себя занять, он ходил по палубе, где опять пришел в похожее место, где часто бывал по пути в Англию. Вновь заняв позицию, которая там для него привычка, он начал просто смотреть вдаль, куда-то далеко, в самую даль, которую не увидеть, но потом он отпустил голову – он видел бесконечную тьму, глубины не было, странная завораживающая пустота – это океан околдовывал Нахта. Медленно он стал отпускатся ниже и вот уже наполовину его тело было за бортом – Нахт стал падать, но в последний момент подоспел матрос – старый человек и с густой, но не длинной бородой, его матроска была, словно черная, хотя на самом деле была синей. Старый и несчастный человек поставил молодого на ноги и стал говорить. – Чего же это вы делаете?! Нахт упал полный растерянности, то, что он видел не было океаном – это не вода, а что-то более близкое и родное – черное, мрачное и отвратительное. – Я не знаю... – Нахт глядел в пол и пытался прийти в себя, но в голове было пусто, было такое ощущение, словно было что-то утеряно, очень нужное, но не ясно что, но очень важное. – Не смотрите больше в океан, не заглядывайте в пучину – оно утягивает, сколько утянуло и вас чуть не утянуло. – Старый и несчастный человек волновался, видимо такое он уже видел и не раз, кого-то утягивало, но почему? – Куда утянуло? – Нахт поднял взгляд и спросил. – В бездну вашей души, чуть не провалились и не утопились. – Моей души? – Было что-то непонятное, словно «окультурная хрень» – подумал Нахт. – Да... Океан, вода – это зеркало души, вы видели там себя – оно и тянуло, вы знайте вот что, не смотрите в бездну или она посмотрит на вас, она околдовывает, затягивает, утягивает... Вас чуть не утянула. – Значит, я видел свою душу? – Да, только не думайте о ней, часть уже не вернуть, оно там, свое к себе, то, что у вас осталось и не его, у вас иное, иное осталось, отличное от того, что вы увидели, идите в каюту и засните, вы уснете, я вам обещаю. – Старый и несчастный человек уже сидел рядом с Нахтом и сильно его напрягал своими речами, но он не был, как чужак, скорее, как глубоко опечаленный. Голос, как у того, кто потерял слишком многое и осталась только его жизнь или

может что-то иное, его жизнь, уже не как его, жизнь его теперь принадлежат океану и кораблю.

- Хорошо, я лучше вернусь в каюту. - Идите, я провожу. Старый и несчастный человек помог подняться и проводил до каюты, всю дорогу он кряхтел, словно вот-вот, но продолжает жить, словно обманывает сам мир, а может себя, как будто так надо, словно сможет дойти до конца.

- Ложитесь спать, сон лечит, многое лечит, на утро радуйтесь утру, вчера лишь прошлое – оно часть вашего настоящего, но не будущего. Творите, сотворяйте и будьте несчастны, поберегите счастье под конец. – Старый и несчастный человек попрощался и, не дожидаясь ответа, ушел. Нахт не просто запомнил его слова, а прислушался и вправду попытался заснуть, и уснул. На диване сидел Нахт, он не осознавал себя – это он, но когда-то. Рядом с диваном ковер из рыси, было понятно, что это кабинет его отца, который и был в нем – он сидел за своим столом и работал, но очень был сердит, раздражен. - Слышал. Ты был в борделе. – Строго и сухо проговорил почтенный господин, словно не сыну, а злейшему врагу. - Да, отец. – Нахт, как будто просто читал с листочка подготовленный ответ. - Зачем? - Не знаю. - Подойди. Нахт, которому едва исполнилось 19, подошел ко столу. - Руку на стол. Нахт положил руку, на которой были видны ссадины и синяки, на стол. Почтенный господин взял со стола промокашку для чернил и со всей силы ударил по тыльной стороне руки Нахта, но так, чтобы ее не сломать. На это тот даже и не дернулся, хотя было очень больно. - Убери. – Нахт подчинился. - Я могу идти? - Ты не ответил на вопрос. Спрашиваю еще раз. Зачем ты пошел в бордель? - Не знаю. - Руку. Он снова ударил по руке. - Спрашиваю еще раз. Зачем? - Не знаю. - Руку. Почтенный господин еще раз замахнулся, но уже сильнее. Нахт не убирал руку. - Убери руку и ответь на вопрос. - Я не знаю, если хотите, то ломайте, но ответ не изменится, отец. – Глаза Нахта на секунду блеснули. Почтенный господин посмотрел на сына, вздохнул и положил промокашку на место. - Иди. Чтобы больше я не слышал. Что ты ходишь по борделям. Не хватало. Чтобы ты подцепил что-то. - Да. – Нахт ушел из кабинета, обогнув ковер, но другой Нахт остался. Почтенный господин облокотился на стул и задрал подбородок вверх. За всем этим со стороны наблюдал Филип. - Зачем же вы так с ним? - Он не понимает опасностей, а что, если он там подцепит сифилис? - Господин Нахт ходил в проверенное место, оно престижно – не каждый туда может попасть. – Сказал молодым, но все также старым голосом Филип. - Его репутация пострадает, подвергает себя опасности, не пойму зачем. - Вы и вправду не понимаете? - Не понимаю, раньше он себя так не вел. - Может, так он и хотел? Просто вы не давали? - Я и сейчас не даю ему этого делать, хотя он себя отстоял передо мной. - Может, он хочет отстоять свою жизнь? - Думаешь я его душу? - Скорее, не даете выбирать. - Хочешь сказать, что так он борется против моего авторитета? - Весьма вероятно, что так и есть. - Смелый, мой сын. Нахт очнулся, но забыл последнюю часть сна, помнил лишь, как вышел из кабинета. Он вспомнил, то время, когда только-только начинал бороться и восставать против отца. К его удивлению, постепенно он все же от него отстал, хотя и продолжал стараться, как думал Нахт – сохранить лицо семьи, но так ли это было, точно ли его отец хотел сохранить лицо семьи, может скорее сына? Хотя о таких вещах Нахт и не задумывался. Было светло, после ваннх процедур и похода на завтрак, по пути на который был встречен и старый и несчастный человек, и Элиус. С последним Нахт и провел свой завтрак, за обсуждением того, что нужно купить новоиспеченному богачу. Уже совсем скоро они приплывут и состоится встреча с Элизой, какой же она будет, наверное, побежит и бросится на шею - думал Нахт. Прогуливаясь по кораблю в последний раз Нахт слышал крики людей с призывами о помощи. Он пошел посмотреть, что там такого произошло, а когда пришел, то увидел толпу, которая сидела и стояла над телом матроса. Нахт встал возле тела, в руках которого была швабра, которая словно точно также была мертва, хотя и не была жива до этого вовсе. Наконец, тень ушла с лица и Нахт увидел его – Старого и счастливого человека. Он тихо в мыслях поблагодарил его за вчерашние слова и ушел в свою каюту, где продолжил ждать, пока судно пришвартуется.

Глава 15. Долг.

Нахт и Элиус уже сидели вместе в карете, наконец дома.

Совсем скоро можно будет увидеться с Элизой – эта мысль воодушевляла Нахта, делая его по настоящему живым. Ему представлялось, как он будет вновь счастливо проводить с ней время, стало ясно, что она часть него и без нее, в отрыве от нее Нахт просто не способен существовать. Он не отречется от нее, не убежит от нее, не предаст ее и главное – никогда не разлюбит.

Его мир изменился лишь благодаря ей одной, нет никого важнее нее. Он знает насколько Элиза ценит его, ему это приятно.

Лучи солнца не могут пробиться через многие вещи, но они всегда находят путь, их дорога никогда не кончается, иногда лучи могут остановиться, однако это будет временно, пройдет немного или много времени и путь продолжится – их свет никогда не гаснет и всегда ищет путь вперед. Только вот наткнувшись на черный цвет смогут ли лучи продолжить свой путь?

Нахт знал, как его ценит Элиза, как он ей нужен, что разлука больна и для нее – по крайней мере ему хотелось в это верить, а вера его настолько крепка и тверда, что это для него скорее именно знание, да, оно иллюзорно, но иллюзии схожие с правдой никогда не различаются зрителями театра.

Элиус был высажен возле его дома – ему надо было собрать свои старые вещи и разобрать их, чтобы понять, что оставлять.

Сам Нахт поспешил обратно к себе домой, по дороге он разглядывал улочки, которые за время его отсутствия никак не поменялись – все по-старому, все родное. В этот момент он даже начал немного понимать это странное слово – родина. Иногда ей называют место своего рождения, иногда место, где живет народ, к которому по идее принадлежит человек, но бывает, что родиной ошибочно называют власть, но это не так. Родина – это родное, то, что твое по праву рождения и близко тебе с рождения.

Наконец – поместье. Как давно Нахт не видел собственного дома? Он зашел в него, где его поприветствовали его слуги, которые были рады видеть своего господина, но на их лицах можно было прочесть беспокойство и небольшое облегчение, что вернулся настоящий хозяин дома.

- Где Элиза? – Спросил Нахт у горничной.

- Госпожа Элиза сейчас в гостиной, приехала мать госпожи, они сейчас вместе и с ними еще Филипп.

- Почему он там? – Нахождение там Филиппа напрягало, ведь зачем ему там быть, тем более, что дел у него много и оторваться, чтобы просто посидеть с «молодой невесткой» и «тещей» у него явно не было времени. Так почему он сейчас там?

- Лучше вам самому все услышать, идемте, пожалуйста. – Горничная со всем уважением обратилась к своему господину и указала следовать за ней, что Нахт и сделал.

По дороге он раздумывал о том, зачем могла прибыть мать Элизы. Может, чтобы забрать ее отсюда? Запретить их отношения? Запретить жениться? Одно было понятно точно – ничего хорошего от ее приезда ждать не следовало.

Горничная открыла дверь в гостиную и Нахт увидел, как Элиза, сидевшая отпустив голову перед своей матерью, подняла своей взгляд на Нахта – он был полон скорби и грусти, и одновременно какой-то смущенной, потерянной радости, но как только ее глаза увидели любимого для нее будто исчезли все проблемы.

- Нахт! – Элиза не сдержала свой порыв и бросилась прямо к нему в объятия.

- Элиза. – Нахт ответил на зов.

Они наконец воссоединились, но их счастливому воссоединению помешала мать Элизы.

- Прошу вас! Выходите за мою дочь! Хотите младшую возьмите, если приглянулась! Благословлю! Что хотите сделаю! – Женщина, что раньше была столь величавой и стервозной, сейчас пресмыкалась на коленях, моля о том, чтобы за ее дочь вышли замуж, но с чего бы вдруг?

- Прошу вас, успокойтесь. – Филип помог подняться немолодой даме и усадил ее обратно на диванчик. – Добро пожаловать домой, господин Нахт, прошу вас, пройдемте за мной в соседнюю, мне надо вам кое-что рассказать.

Нахт с волнением посмотрел на Элизу, но она лишь покачала головой, мило улыбнулась и указала идти с Филипом, что он и сделал.

- Что случилось? Почему она о таком просит? – Его сердце бешено стучало из-за того, что он только что услышал. Как женитьба? Ведь против была, а тут это.

- Дело вот в чем, оказалось, что за время вашего отсутствия глава дома Груссинговер проиграл все деньги семьи в карты и вдобавок ко всему заложил имение. По сути сейчас у них есть только род, но нет ни земли, ни имения, ни людей, ни средств.

- Как он мог все проиграть?

- Это уже не так важно.

- Но почему она просит о женитьбе, точнее даже молит?

- Миледи надеется, что, когда семьи объединятся, то вы поможете, выкупив имение и погасив все долги.

- Я для них золотая гусыня?

- Что-то вроде этого. – С прискорбием проговорил Филип.

Нахта такое сильно удивило, хотя скорее даже возмутило, как они посмели, подумал было он, но вспомнил, что Элиза из того дома и она может грустить, если все так закончится, тем более семья не должна расплачиваться за грехи плохого главы дома.

- Давай вернемся, все, что мне надо было я услышал. – Они вернулись обратно, но картина была прежней. Мать все уговаривала о помолвке, но теперь уже саму Элизу. Как только она заметила Нахта, то переключилась на него.

- Ох, простите меня! Дурой была! Помилуйте! – Она театрально пала перед ногами, рыдая и вытирая несуществующие слезы платком. Можно было сразу догадаться, что ее не волнует благосостояние ее дочери, ей важна лишь собственная шкура.

- Прошу вас, успокойтесь и сядьте.

Элиза села рядом со своей матерью, а Нахт сел напротив, рядом же встал Филип.

- Прошу вас! Вот же, вы же любите друг друга? Так чего откладывать? Женитесь или ваши намерения не серьезны? – Она перестала налегать на отыгрыш бедной и несчастной и начала переходить к более открытым заявлениям и провокациям.

Элиза была зла таким нападкам, но в это же время она хотела услышать ответ своего любимого, но Нахт был потерян.

Он знал, что нужно было сказать, но оно вертелось на языке, только вот не вырывалось – рот стал тюрьмой для слов.

- Миледи, господин Нахт серьезен, поэтому придержите такие изречения при себе. – С некой злобой, но скрытой, проговорил Филип, как истинный, преданный и вечный слуга рода Редбаулинг.

- Но ведь я верно подметила, а? Элиза? Ты согласна за него выйти?

Элиза сильно смутилась, а Нахт напрягся – теперь и ему хотелось услышать ответ.

- Я... - она была потеряна из-за столь внезапного вопроса.

- Миледи, госпожа уже почти часть дома Редбаулинг, поэтому ваш вопрос неуместен, переступив порог дома на правах возлюбленной господина, госпожа согласилась на помолвку.

- Вот, значит согласна, с нашей стороны все готово, а вот с вашей? Вы согласны?

В этот раз Филип промолчал, но стал выглядеть весьма недовольным. Слуги, которые там стояли были в предвкушении, что же за драма развернется дальше?

- Я не против... - Нахт все же смог выдать хоть какой-то ответ.

- Ну и отлично! Значит договорились?

- Миледи, где же ваши манеры?

- Я пример для подражания, попрошу заметить, я лишь пытаюсь помочь влюбленным на их пути. Лучше сразу скрепить их союз законным браком, пока чувства сильны.

- Это решение принимать не вам. – С уже более явной раздраженностью высказался Филип.

Нахт начинал все неровней дышать. Жениться? Сейчас? Думал Нахт, но его беспокоил не сам факт скорой свадьбы, а то, из-за чего он это делает. Это по любви или по расчету? Теперь было уже не ясно, ему были не понятны его действия, которые приведут к хорошему заключению данного разговора. Ведь, если отказать, то дом Груссинговер разрушится, а члены рода окажутся на улице, тогда как, если соглашаться, то Нахт выплачивает все долги и величие рода вернется, только вот, где тут любовь? В этих вариантах ее нет.

По идее же он должен радоваться, все-таки мысли об этом уже были, но теперь все выглядит так, словно его к этому принудили. Но так ли это? Сделал бы Нахт предложение, если бы не нападки матери Элизы?

- Прошу вас, матушка, прекратите. – Элиза увидела, как сильно забеспокоился Нахт, словно ощутив его мысли. – Вернитесь в дом, он же еще наш до конца этой недели?

- Наш! И всегда нашим будет! – С демоническим лицом прорычала эта женщина, как маленький котенок, у которого отбирают еду.

- Хорошо, наш, но дайте нам немного времени, нам надо все обсудить.

- Что тут обсуждать?! Ты же ее уже в покои свои звал!

Филип начал звереть, Нахт прямо-таки почувствовал за своей спиной саму смерть, хотя и сам был сейчас близок к ней, но уже скорее от того, что не мог откашляться от того, что сейчас услышал.

- Господин. Нахт. Разрешите? – Филип уже не мог сдерживаться.

- Элиза, пересядь ко мне. – Нахт смотрел чью сторону выберет Элиза. Свою родную семью или своего будущего мужа?

Она почти не колеблясь пересела, Нахт взял ее за руку и успокоил ее, пока мать изнывала от злобы.

- Разрешаю. – Сказал Нахт.

Филип в ту же секунду хлопнул в ладони с очень сильным басом, словно ударил в барабан – в его старом теле скрыта очень большая сила.

- Уведите даму за двери дома. – С великим спокойствием проговорил Филип.

Тут же подошли крепкие парни и вывели недовольную даму.

- Господин Нахт, нам надо поговорить наедине без госпожи, прошу вас проявить понимание. – Последнее он высказал Элизе, на что она спокойно отреагировала.

- Хорошо. – Он повернулся к любимой и, взяв обе ее руки, сказал. – Подожди меня немного, я скоро к тебе приду.

- Хорошо.

Нахт и Филип ушли в кабинет господина Граппе. По пути никто не говорил, ясно было лишь, что разговор будет недолгим, но сложным.

Хозяин дома вновь обогнул ковер из рыси, а слуга сразу сел за диван напротив своего господина.

- О чем ты хотел переговорить?

- Нельзя жениться сейчас, такое решение плохо скажется на роду. Для начала следует восстановить дом Груссинговер внешне через дарение, а потом делать предложение. Лучше отправить госпожу Элизу обратно в отчий дом, чтобы не запятнать ее репутацию.

- Мне нет дела до репутации.

- Вы живете в обществе, господин Нахт, вам нужно, даже необходимо считаться с мнением общества. На время восстановления дома вам лучше перестать видаться с Элизой.

- Это еще почему?

- Нужно огородить себя от ненужных нападков ее матери, пока не ясно, что она может устроить.

- Это верно, но иногда я могу к ним заезжать?

- Лучше не стоит, восстановление займет от силы два дня.

- Хочешь, чтобы я тихо сидел эти два дня, пока ты со всем разбираешься?

- Скорее, хочу, чтобы вы потратили это свободное время на поездку в дом.

Нахт встрепенулся от упоминания дома, а потом осадил себя, словно вспомнив то, что нельзя было забывать.

- Годовщина...

- Да, съездите в дом и повидайтесь с родителями, а я пока тут всеми делами займусь. К вашему возвращению все должно быть уже подготовлено. Останется разве что подать официальное приглашение, я подготовлю дары для этого заранее.

- Хочешь, чтобы я ехал прямо сегодня?

- Желательно, да. – С отцовским духом проговорил Филип.

- Я не знаю, может я сделаю это потом?

- Вы обязаны пробыть там от рассвета до рассвета. Традиции должны блюстись, на то они и традиции, чтобы их всегда соблюдали. Ваш отец точно также навещал вашего деда.

- А когда родители нашли друг друга?

- Я пришел к ним, когда они только-только обручились, если не ошибаюсь мне было где-то 21 год?

- Значит не знаешь?

- Об этом весь город знавал, раньше господин Граппе был похож на вас.

- Мой старик?

- Не вериться?

- Очень слабо.

- Хо-хо, - Филип немного усмехнулся, массируя левую часть груди ближе к груди. – Уж поверьте, вашу мать он нашел схожим образом.

- А откуда она была?

- Из простого народа, она была горничной.

- Я сын служанки?

- Да, вам от этого грустно?

- Нет, просто не думал, что отец посмотрит на служанку так... - Нахт не мог понять, как его бессердечный отец мог, как в какой-то книге влюбиться в служанку.

- Никто так не думал и от того был большой скандал. Весь город знал об этом. Господина Граппе даже как-то выгнали из поместья, и он почти полгода жил с Госпожой.

- Почему?

- Ваш дедушка был против таких отношений, он называл их низкими, порочными и отвратительными, поэтому пригрозил выгнать вашего отца из рода, если он не бросит Госпожу.

- И он не бросил?

- Никогда бы и не бросил. Не было на улицах старого города красивее и счастливее их пары.

- Тогда, если его выгнали, то как?... – Нахт не мог связать, каким образом он живет, как Редбаулинг, если его отца и мать выгнали.

- Ваш дедушка был хоть и свирепым человеком, но и имел большое сердце, а еще его жена по слухам приказала вернуть ей сына.

- Он был у нее под каблуком?

- Хо-хо, - Он вновь массировал тоже место, - можно и так сказать, но, после уговоров вашего деда Господин Граппе все же вернулся в дом.

- Наверное, стоит навестить еще и могилу бабушки?

- До нее надо добираться долго, а вам надо помянуть сперва родителей. Я считаю, что вам это пойдет на пользу. Вы только вернулись, а тут такие новости, вы должно быть очень сильно удивлены этому всему?

- Очень, но я путаюсь в желаниях.

- Как это?

- Из-за чего я выхожу за нее?

- Вас беспокоят слова матери Элизы?

- Отчасти, но дело еще и во мне самом. Сделал бы я предложение, если бы не эта ситуация?

- Вас беспокоит, выглядите ли вы от этого плохим человеком?

- Наверное, можно сказать и так, да, мне кажется, что я поступаю, словно неправильно.

- Правильность, размытое слово, у каждого она своя, она может быть похожей у массы людей, но в чем-то она будет отличаться. Вот в вашем случае, надо ответить на простой вопрос: «Вы любите Госпожу Элизу?».

Нахт будто стал подобен скале, столь крепкой, что его ничто бы в этом мире не сломало.

- Да, всем своим сердцем.

- Тогда все очевидно, ваше решение благородно и полно ваших чувств.

- Но то предложение было не им это... - Нахт не мог подобрать слов.

- Договор. – Дополнил Филипп.

- Да, точно, это договор, а не мои чувства.

- Тут тоже все просто, может оно и является договором, но лишь перед ее матерью, а не перед вами двумя. Вы вместе, а это самое важное. Обдумайте мои слова, пока будете дома. Сейчас же, прошу вас объяснить все Госпоже. Мне надо заняться всеми приготовлениями.

- Хорошо, спасибо, Филипп.

- Рад служить, Господин Редбаулинг naktam. – Филипп поклонился и проводил Нахта.

Нахт начал размышлять, как преподнести все эти вещи Элизе, ведь, что это получается? Только воссоединились, а теперь почти сразу надо расстаться? Только делать нечего, соблюдать традиции надо – это его долг перед фамилией, хоть на такое ему было и плевать в силу своей циничной и нигилистской натуры, но расстраивать Филиппа ему не хотелось. Он очень щебетливо относится к такого рода вещам – слишком его дух предан дому. Только поймет ли Элиза?

Пока он шел, окутанный в свои размышления, то уже сам того не заметив, оказался перед дверью.

- Надо мужаться... Мужаться... - Как заклинание повторял себе Нахт, чтобы предать себе сил в этом нелегком деле. – Можно? – Он постучался и, как некто очень преданный, задал свой вопрос.

- Да, войди. – С заметным волнением в голосе проговорила Элиза.

Нахт прошел через дверь. Его возлюбленная сидела на диване в ночнушке, как бы приглашая подсесть к себе. От этого вида мужчина вспомнил свой недавний сон, который сейчас очень сильно отдавал ему кровью в голову и ниже.

- Нам надо поговорить. – Смущенно проговорил Нахт, рядом с Элизой он прям наивный мальчик.

- Ты не хочешь на мне жениться? – С мокрыми глазами спросила она.

- Что ты, нет же! Хочу! Очень хочу! И мы обязательно поженимся, только надо немного подождать и не только.

- Как подождать? Значит ты не согласен? Ты не готов? – Влага стала собираться уже в капли.

- Готов, но вот твой дом нет. – Нахт уже прижал Элизу к себе и очень пытался ее утешить, глядя по голове и покачивая, как малое дитя.

- Ты хочешь ждать, пока моя семья восстановится? Но это же никогда не произойдет! Значит не согласен? – Она разрыдалась.

- Нет, послушай, Филип все устроит, мы уже с ним все обговорили и продумали. Это займет максимум от силы два дня.

- Два дня? – Уже успокоившись, но хлюпая, переспросила Элиза.

- Да, я хочу за тебя выйти, но есть обстоятельства, точнее препятствия и условности, которые надо решить для начала.

- Значит есть еще что-то помимо проблем с моим домом?

- Мне надо съездить в семейный дом.

- Но мы же уже в нем? – С непониманием спросила она.

- Нет, мы так его называем для остальных, настоящий семейный дом куда скромнее этого, там хоронят всех Редбаулингов и молодое поколение обязано почтить своих родителей, убравшись на их могиле, в доме, на участке. Там небольшой дом, но большое кладбище, сын убирает могилу родителей, но не трогает остальные.

- И сколько ты там будешь, как долго туда добираться?

- Как раз это займет где-то два дня, вернусь только через три, считая этот день.

- Хорошо, я поняла.

- Спасибо, но есть еще кое-что.

Элиза уже из несчастья перешла в нетерпение и злость.

- Ну что еще? – Недовольно проговорила она.

- Тебе на это время надо пожить в семейном доме, невесте надо быть в отчем доме, когда я вернусь из дома, то заберу тебя.

- Да, так будет правильней, с этим я согласна и думаю мама тоже меня примет обратно.

- Понимаю, что уже все решено, но мне все равно не по себе, больше походит на договор.

- Раз тебя это не устраивает, то сделай все, как подобает.

Нахт улыбнулся ехидной улыбкой, встал, а потом тут же опустился на одно колено, выставив трость вперед, словно это какой-то меч.

- Элиза Груссинговер, вы свет моей жизни, без вас нет меня, я не могу жить без вас, не могу не думать о вас. Вы моя первая любовь, первая и единственная за всю мою жизнь, я люблю вас, я отдам вам всю свою жизнь, умру за вас и исполню любое ваше желание, прошу, выходите за меня. Вы согласны?

Камин издал треск, искры полетели вверх над костром, осветив во мраке двух молодых людей, где одна фигура тени приблизилась к другой, протянув к той руки и подняв голову. Луна встала позади женского силуэта и полная темень за мужским.

- Согласна.

Тени фигур слились, а костер возгорелся сильней, осветив Нахта и Элизу.

Упало черное полено, утих костер, во мрак вогнал, и тени вернул. Тлел костер гореть пытался, в глазах влюбленных отражался.

Глава 16. По дороге домой.

Нахт выехал рано утром, дорога предстояла долгой, прибудет он только к ночи. Эта традиция ему всегда казалась крайне неудачной шуткой – зачем навещать погибшего, которому откровенно говоря все равно на все? Ведь человек даже не поймет, что его кто-то навещал, будь это даже самый близкий и единственный дорогой человек, потому что он просто мертв, потому традиция и глупая. Не глупым Нахт считал только уборку могилы, ведь без этого она испортится, но почему он должен это делать? Есть же наемные рабочие, но в дом могут зайти только его хозяева.

Все равно на порог он ступит только ночью, что раздражало больше всего – надо столько ехать.

За окном по дороге можно было чуть ли не пронаблюдать, как просыпается сама жизнь. Не только зверька жизнь, который только-только вышел из своей маленькой и уютной норки, но и маленького деревца, такого крохотного – оно только недавно пустило корни в землю, совсем недавно стало тянуться к солнцу, оно еще не сталкивалось с ужасными порывами ветра, с ужасными ливнями, с долгими и пасмурными днями, с такой засухой, что корни дают трещины, а главное, с ужасными обитателями леса, которые без причины готовы оборвать жизнь маленького деревца; кустика неизвестного, кто о нем знает? Кто сумеет различить к чему он относится – нет таких, неизвестный, но и не хочущий известности, славы или еще чего либо другого, делающего его неизвестный кустик хоть чем-то узнаваемым в мире леса – ему хочется спокойной и тихой жизни, много было кустиков в его окружении, что так хотели известности, но так и умерли в безывестности; цветка, распускающего бутон на свету, который с каждым часом становилось все больше, все тяжелее, что под этим грузом сам стебель прогибается, и бутон, видевший до этого великое небо, стало видеть всю ту грязь, в которой оказывается все это время стоял, а время казалось тянется все томнее и томнее, прям как жизнь всех этих обитателей – им предстоит жить долго, но так томно и одиноко, что легче и лучше удавиться, чем так жить.

Чем можно себя занять в дороге? Не читающий книги на постоянной основе от такого занятия только сильнее устанет, и бесед вести не с кем, только с кучером, но он вне кареты, за окном тоже скука жизненная – простые будни у животных и растений. Остается только запрокинуть голову на спинку, на очень преочень мягкую обивку, под подпрыгивания из-за небольших кочек на дороге - прекрасные возможности, для укачивания и быстрого засыпания. Глаза того гляди уже сомкнутся и не разомкнутся, веки не тяжелые, просто толчки от кочек и неровностей дорого приятно так отдают в затылок. Легонько так, с таким прекрасным и чудодейственным эффектом, о котором не каждый знает.

Был бы тут кто, с кем поговорить можно, раздумывал в голове Нахт, он думал о Кинге, но с ним разговаривать не захотелось – слишком душит он его, как собеседник, потом ему вспомнилась Элиза, но она бы не смогла тут находиться, а потом он подумал о Беляковском. Станный, но всегда знающий обо всем, и как, где и что происходит и говорят, давно его не было, куда пропал? Нахту стало казаться, что чаще он его видел именно во сне, нежели на улицах. Потом ему сразу же пришла мысль – за все время, что этот человек появлялся, когда сам он был в объятиях дурмана, именно дипломат наставлял его, подталкивал туда, куда надо было. Теперь начинало казаться, что ему надо выразить какую-то благодарность, ведь без него не было бы и этого.

Он бы так и бегал от чувств к Элизе, остался бы таким же, каким был. Но сильно ли он изменился? Нахт прямо-таки начал осматривать себя, пытаться увидеть лицо в смутное и прерывистое отражение стекла кареты. Он не изменился, хотя цвет лица стал более розовым, когда раньше был более бледный. Наверное, это от того, что начал нормально питаться и не

пить столько, сколько на утро даже не вспомнит, если, конечно, еще и имя свое сразу же назовет под утро. Изменились еще и глаза, раньше те были, как у какого-то мертвеца, но теперь в этих мертвых глазах есть какой-то отблеск самой яркой жизни на свете, это тот же блеск, который появляется в тот короткий миг у умирающего – этот взгляд всегда так полон жизни, полон знания о безысходности, надежды нет, но каково же желание, сколько хотения жить! Нет ни у кого столько желания жить, как у того, кто сейчас лежит присмерти, ему плевать на все – ему хочется жить, он не смотрит на свои долги, которые так его тяготили и от которых он мечтал о смерти, он не смотрит на всю ту боль, которую ему причинили люди, не смотрит на ненавистную работу, не смотрит на предательство любви, он видит этот мир через шелки глаз, что постепенно закрываются, он не хочет тонуть в этой пыли, он хочет выбраться из этого песка, ему хочется вновь увидеть рассвет, вновь хочется видеть закат, вновь гулять всю ночь, вновь хочется дышать утренним морозным воздухом, вновь хочется именно зажечь, как раньше, но перед ним не уходит эта глупая, как шутка жуткая и злая – табличка [выхода нет]. Странные глаза, для того, кто живет всех мертвых.

Но, разве более розовый оттенок кожи – это все? Он же развивался духовно, как увидеть дух немого? По движениям или может по поступкам? Сложно сказать, мерзавцы тоже иногда делают добро.

Точно ли он стал более добр? Или более здоров в отношениях с другими? Стали ли его суждения менее резкими? Стал ли он в глазах других людей другим? Иным, отличным от того Нахта, который был всем известным повесой, алкоголиком, любителем красных девиц? Кто он теперь? Тот же, но с розовой кожей, словно новорожденный, или с ней же, но иной, лучший, такой, каким является хороший человек.

Нахт, не желая раскрывать уста, стал говорить сам с собой, в своей же голове, представляя образ, какого-то человека.

А что значит хороший человек? Может добрый? Тогда, что такое доброта? Ели задуматься, то, а ведь и вправду, кто такой этот добрый человек, что есть доброта в этом человеке? Как он ее показывает? Как ему сил хватает быть добрым? А добр ли он всегда – этот мысленный человек? Может даже у образа есть душа? Иногда мы что-то придумываем, а потом придумка уходит, от чего так? Мы ее забываем? Или мы ей надоедаем или она нам? Почему надо вспоминать свое же творение? Иногда приходится от неизбежности вновь придумывать, но это придумка, а не копия, мы разочаровываемся, пытаемся создать что-то более величественное, а потом вновь забываем. Наша голова постоянно хочет творить, как творцы, нас же тоже по представлению задумок веры создал творец, да при чем по своему образу и подобию, так может потому мы и создаем, творим? Мы подобны создателю, мы ничего не придумываем, а лишь копируем из творений творца. Интересно, найдется ли в мире такой человек, который сам создаст что-то свое, именно свое, а не скопирует творца, чем оно будет? Созданное этим новым творцом? Что об этом подумают простые люди? Ведь этот новый человек, ведь точно будет отличаться, но, каким образом, его качество будет другим? Мы для него пыль или дружба? Или вообще ничто, ибо он новый творец, что для нового творца – человек? Мы чужие для него творения, мы не ценны для него, наоборот, мы будем мозолить ему глаза, ведь творения мы прекрасные, а он сотворить такого еще не успел, а сможет ли он такое сотворить? Наверное, он бы подумал, что не сможет, а раз так, если у него не будет такого творения, то такого не должно быть ни у кого, значит, для этого нового творца, мы лишь красивые, обожжённые куски глины, которые не соответствуют его желаниям и новым взглядам. Интересно, а мог бы появиться такой новый творец, что не уничтожит старые творения, а лишь оценит их по достоинству, укажет на нас он и скажет – Вы прекрасно сделаны. - Этот новый творец, наверное, принесет в мир нечто великое, прекрасное и закрепит это в нас старых творениях. Но откуда этому новому творцу взяться? Он же будет происходить из нас – старых творений, тогда как? Каким образом творение, сотворенное творцом, может пойти против творца, да еще

и осмелиться созидать такое, что не ценно ни для кого, кроме него самого, этот новый творец – он не только творение творца, что сделал нас – старые творения – он синтез трудов творца и чего-то еще, а может, чтобы появился новый творец, старые творения должны объединиться со старым творцом, дабы убить его, а из плоти его, создать этого нового творца. Да, двух творцов и быть не может, земля мала для таких созданий. Наверное, после своего рождения, новый творец будет копить знания старого творца, а потом воссомнится, воспротивится им, отринет старое, дабы создать новое, а нам – старым творениям ни останется ничего, кроме как подчиниться, либо же умереть, не сумев адаптироваться к этому новому миру. Думаю, сразу двух новых творцов не появится никогда, лишь одного можно сотворить из плоти старого творца. Лишь один, но будь их два, то они сражались друг с другом, ужасный и трагичный финал для всей жизни, их не устроит их существование – они чужие по своим природам, они убьют друг друга, разорвут в клочья и будут рвать, пока из их плоти не смешается совершенно новый, а главное единственный – творец. Интересно, а мог бы, и я стать этим новым творцом? Но, такому созданию нужны безграничные амбиции, а у меня их нет, я скорее, как тот кустик, хотя, скорее, как другие кустики, которых уже нет, ибо обо мне знают уже даже в Англии. Зачем мне слава? От нее у меня ничего нет, какой от нее толк? Какой толк во всем этом? Я еду, а ведь долго уже еду, и вечер не близок, значит дом далек, идиотское солнце – луна в стократ приятнее тебя – слепящего и испепеляющего нечта в небе. Сколько уже ты погубил, сколько грязи ты осветил, сколько иллюзий ты разрушил? Разве не лучше жить в иллюзии счастливым, чем несчастным болтаться в петле реальности? Какая же скука! Ну хоть кто-то возрази мне, скажи, что я не прав, скажи, что я ни черта не смыслю в жизни, я не хочу быть прав, я хочу быть глупцом, что вечно ошибается, почему зло, которое я предсказываю самому себе вечно сбывается, почему сбывается все? Я не могу предсказать себе счастья, даже, если буду делать для него все, что в моих силах – это мое проклятие, но как же здорово, когда мне возражают, как же я хочу поспорить, втоптать в грязь чужое мнение – ибо именно я прав, а не они. Славно мы, однако как-то поспорили, сюда Игнату надо – вот та мелюзга на каждый мой вздох бы кидала по снаряду большой Берты. Нет для нее лучше занятия, чем унижать меня, а для меня нет лучшего занятия, чем с кем-то спорить...

Нахт устал говорить с собой, ему не надоело, просто он перестал ловить ту нить диалога, когда говоришь только с собой, надо, чтобы был еще кто, чтобы слова лились бесконечно.

Кочки перестали быть такими большими и начали почти гладить голову и тело, от чего сон стал стучать в череп, словно дятел, что так беспощадно беспокоит маленькое деревце.

Он уже хотел устроиться поудобнее, но карета неожиданно остановилась, хотя был еще не вечер, но и не день, где-то по середине, значит дом далеко.

- Что случилось? – спросил Нахт. Его губы за это время чуть ли не срослись друг с другом, перед своим вопросом он почти промычал, или просвистел, не сумев сразу разомкнуть челюсти. Воздух пробивался через эти дырки меж губ, но не выстраивался в слова. Он уже и забыл, когда не говорил так долго, всегда в окружении людей, впервые наедине с собой, когда никто не побеспокоит, когда сам он никого не побеспокоит.

- Извините, господин Нахт! Но можно мы сделаем небольшую остановку, мне нужно в туалет.

Житейские и физиологические потребности удалили приливом реальности прошлые мысли Нахта, как бы смыв их, волной, что унеслась обратно в океан.

- Конечно, иди, не торопись, мы в любом случае доберемся только к ночи.

- Благодарю вас! Я быстро.

Слазя, сказал кучер и быстро умчал в глубь леса.

Нахт же остался в полном одиночестве по-настоящему. В карете было сидеть скучно и воздуха мало, сидеть он устал, поэтому решил выйти и размять ноги, пока есть такая возможность.

Открыл дверцу, аккуратно держась за борт опустился, закрыл за собой дверь, а после посмотрел вокруг. Пустота. За всеми этими деревьями ничего не увидеть, солнце светило все меньше, казалось, чем ближе к дому, тем быстрее оно садилось.

Птиц почти не было слышно, словно половина леса умерла. Ветер даже не колыхал ветви, даже листья столь легкие не шевелились, такие безжизненные, но не сложенные, не упавшие в грязь, все еще цепляющиеся за жизнь. Лес все еще был жив – он и будет жив, именно этот лес в отличие от прочих, всегда останется жить, какая разница придет ли счастье или несчастье? Они и так борются, что есть мочи, одной проблемой больше или меньше, все равно они никуда не исчезают, и остается только продолжать жить. Жизнь – ради жизни. Природная жизнь – чем она отличается от жизни человеческой? Тем, что человек пытается придать своей жизни особое значение, словно пытаюсь придать своей несуществующей значимости цену, по сравнению со всем остальным, что создано творцом? Если у человеческой жизни и есть хоть какая-то цена, то на нее действует неограниченная по сроку назначения и окончания дата – акция – покупай кто хочет! Невероятная скидка -99% и подарок при покупке – лотерейный билет на розыгрыш счастья. Эти смыслы – они вызывают лишь смех, неужели страх всего человечества столь велик, что нужно создавать даже религию, когда среди нас есть настоящие стойки, кому не нужны все эти уловки, они живут, потому что родились, а все, что они сделали в своей жизни – это лишь их радость, которая родилась, пока они жили, чем плоха такая жизнь? Неужели всем так нужен смысл? Просто живи. Наверное, именно так и думали те люди, о которых как-то раз рассказывал Кинг.

Прибежал кучер.

- Все, можем ехать, господин Нахт! Простите, не дотерпел.

- Все нормально, поехали.

Путь по дороге продолжился, Нахт смотрел в окно, наблюдая за лесом, который будто бы с каждым оборотом колеса кареты все больше погружался во тьму, все быстрее и быстрее, значит дом был все ближе и ближе.

Нахт перестал думать о смысле, какой смысл? Зачем он нужен, если он живой?

Блеск жизни в его мертвых глазах оживила роговицу, что стала обновлять свои клетки, поверх многослойного плоского неороговевающего эпителия. Теперь в них мог отразиться и свет солнца, как от луны.

Темный вечер пришел, птицы, которые в середине, после дня молчали, вдруг защебетали, словно перепутали время суток.

Колеса помчались с былой скоростью, однако не так, как прежде, они ехали не быстрее, но быстрее прежнего, время уже не шло так долго и так томно.

Карета остановилась, Нахт открыл глаза и ничего не увидел – ночь, наконец-то он доехал до дома.

Он вышел, попрощался с кучером и пошел за ворота, которые с небольшим усилием ему поддались. Огромный и заросший сад, где каждая дорожка вела к своей ветви древа Редбаулингов. Вся семья и родственники поприветствовали – послав порыв глядящего ветра, такому уставшему – последнему из пактамов. Чудеса, но как хорошо оказаться даже в ненавистном, но своем родном доме. Весь дом будто застыл в ночи, не было слышно ни ветра, ни птиц, ни скрежета, словно все здесь мертво, Нахт должен был быть здесь чужим, ведь он жив, но почему-то как-никогда прежде ощущал себя в нужном и самом хорошем и подходящем для него месте на всем свете. Он сразу пошел по ветке к своим почкам – лист, что когда-то опал, пришел к тем, кто его зародил. Две могилы и больше ничего рядом. Немного заросшие, требующие, чтобы их обслужили. Сам не понимая, сам не зная зачем, он опустился на колени и лег меж двух могил, земля еще никогда прежде не была столь приятной, словно руки родителей сейчас гладили свой единственный улетевший лист. Он поднялся обратно, ушел к дому и оказался на крыльце,

где, как и прежде стояло кресло его дедушки, а рядом, кресло бабушки. Они покачались, как Нахт на них посмотрел.

- П-р-и-ф-е-т, р-о-д-н-ой. – это ветер пробарабанил, ударившись обо все что можно в доме. П – издал звук чего-то, упавшего вдалеке, такого тихого, прям будто кто-то сказал эту букву. Р – прокрутилась заржавевшая петель где-то сверху, и – заскрежетал метал, ф – подул ветер, т – упала капля, о – пронесся звук по трубе, д – ударился камушек об железку, н – прокатилось что-то на чердаке дома.

Сердце не забилося сильнее, Нахт, словно был частью этого мира, не придавал всему значений, знал лишь, что он дома.

Последний из Редбаулингов открыл дверь дома, ступив вперед, наконец оказавшись на пороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.